Фото Виктора Гришока

Индекс: 73325

РОДИНА

1 — 1994

ISSN 0235-7089

ДЕРЖАВНЫЙ ГЕРБ РОССИИ

Крещение

сегодня он появился
у этой юной
отроковицы,
принявшей Крещение...
Не вчера
он начал
оберегать Русь,
Россию.
Молитвами
наших праведников
и отцов Церкви
он и завтра
будет с нами...
хранить Русь святую!

*«Царь-мученик Николай **II**» на выставке «Русь Державная». Скульптор В. Клыков*

Настоятель церкви Воздвижения Креста Господня на Чистом Вражке в Москве отец Николай (Емельянов) с семьей

Воскресение Тони.
В Свято-Введенском женском монастыре Ярославской епархии

«Господи! Дай мне силы донести мой крест».
Из жизни епископа Брестского и Кобринского Константина

Родина

№ 1 — 1994

Выходит с января 1989 г.

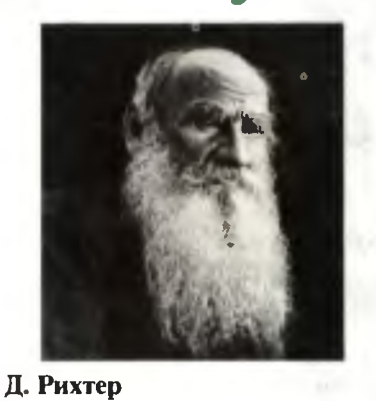
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: СОВЕТ МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Родословная

Путь

Наследие



Дом

CONTENTS

«О Русская земля!
уже за шеломянемъ еси!»

Наши предки, и не зная, далеко ли от края России стоит их деревенька и достигаем ли вообще предел русской земли, мыслили едино, что это все — их мир и им охранно-бережно вести его через столетия. Когда последняя империя рухнула, то в глазах десятков миллионов людей обрушился и привычный, обжитой мир. Эти люди — русские. Русские не в смысле крови или графы в паспорте, а те, чья историческая судьба связана с российской государственностью и культурой. Разлад в душах проник и в общество: от всего веет порухой прежнего лада, грядущими скорбями.

Из истории известно: когда в той или иной стране решались гигантские задачи, то нация возрождалась. Так было с «великой американской мечтой», с лозунгом величия Франции, с «экономическим чудом» в Германии. Все это — явления разной природы, но объединяющий общество национальный стимул — несомненен.

Мы же заняты поиском различий, поделили всех на красных и белых, коммунистов и демократов, богатых и бедных... А что же нас, русских, объединяет, в чем наши национальные аксиомы: в православии, в государственности, в евразийстве?

Или, может, ничего глубинного в нас не сохранилось, и с потерей территории мы умерли как нация?

Русские — кто мы? Не найдем ответа — не ответим и на следующий вопрос: как нам обустроить Россию.

Главный редактор
Владимир Долматов

Родословная

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Русский характер: терпение и бунт

Ярослав Мудрый — реставрация портрета

Убийцы, которым рукоплескало общество

Исследование ученого о национальном характере и мнение обозревателя «Родины» Льва Аннинского об этой проблеме.

КСЕНИЯ КАСЬЯНОВА

ХРАНЕНИЕ СЕРДЦА

...ТЕРПЕНИЕ — ЭТО, БЕЗУСЛОВНО, НАША ЭТНИЧЕСКАЯ ЧЕРТА И В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ ОСНОВА НАШЕГО ХАРАКТЕРА. ОНО ПРОЯВЛЯЕТСЯ В БОЛЬШОМ И В МАЛОМ, И ДАЖЕ В САМОМ МЕЛЬЧАЙШЕМ.

По этому нашему качеству — терпению — нашу культуру часто относят к восточным и говорят о фатализме, или проводят аналогии со стоицизмом. Мне кажется, это неверно. Фатализм и стоицизм — это линии поведения личности в ситуации, когда, по существу (в ближней или дальней перспективе), у нее нет выбора, когда она не может осуществлять те ценности, которые должно и хотелось бы осуществлять. В нашей культуре терпение как модель поведения есть, безусловно, ценность, то есть именно критерий выбора и оценки.

Конечно, очень трудно аргументировать такие общие положения, но можно все же попытаться. Хотя общеизвестно, что пословицы — материал весьма противоречивый и в них могут высказываться мнения и оценки прямо противоположные друг другу, относительно терпения они все исключительно единодушны: они не только оценивают его положительно, но придают ему очень большое значение. Возьмите сборник В. Даля «Пословицы русского народа», в нем 30 000 пословиц. Если у вас хватит терпения просмотреть все, вы убедитесь, что в деле спасения души с терпением конкурирует только монашеская жизнь (которая сама называется «спасением»), никакие другие модели поведения просто не входят в игру. При этом в одном случае говорится, что «хорошо спасенье, а после спасенья терпенье», а в другом случае «терпенье — лучше спасенья». Во всяком случае, «без терпенья нет спасенья» и «за терпенье Бог дает спасенье». И только в единственном случае Бог прямо и непосредственно поставлен в образец человеку, — и именно по этому качеству: «Бог терпел, да и нам велел».

Когда говорится: «Терпенье и труд все перетрут», — то имеется в виду, ни много ни мало, а именно *все*, все сферы жизни человека, которые, однако же, неравноценны. Сфера, создаваемая и устраиваемая трудом, — это сфера земного, материального благополучия. Но поскольку сама эта сфера не котируется высоко, то и труд, как средство созидания в этой сфере, нигде не ставится в один ряд со спасением и терпением. И в этом сознание нашего народа полностью единодушно с православной религией, которая, в отличие от протестантизма, видящего в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения и созидания его души, отрицает за трудом такое значение.

В самом деле, возьмем поучения святых отцов, и вот что мы в них прочитаем. «Брат спросил Авву Агафона: скажи мне, Авва, что́ больше: телесный труд или хранение сердца? Авва ответил ему: человек подобен дереву: телесный труд — листья, а хранение сердца — плод. Поелику же, по Писанию, «всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и в огонь вметаемо» (Мф, 3, 10), то очевидно, что мы все попечение должны иметь о плоде, то есть о хранении ума. Впрочем, для нас потребно и лиственное прикрытие и благоукрашение, то есть телесный труд».

И преподобный Дорофей поучает свою братию: «Каково бы ни было дело, малое или великое, не должно пренебрегать им или не радеть о нем, ибо пренебрежение вредно, но не должно также предпочитать исполнение дела своему устроению, чтобы исполнить дело, хотя бы оно было и со вредом душе... Будьте уверены, что всякое дело, которое вы делаете, велико ли оно, как мы сказали, или мало, есть осьмая часть искомого, а сохранить свое устроение, если случится не исполнить дела, есть три осьмых с половиною».<...>

Как видим, нигде не отвергается труд, везде признается его полезность, но он не считается безошибочным средством, автоматически обеспечивающим осуществление земного признания человека и правильное устроение его души.

От Аввы Дорофея, написавшего одному иноку: «Брат! Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что», и до епископа Феофана, почти современника нашего, также написавшего кому-то из своей духовной паствы: «Дело — не главное в жизни, главное — настроение сердца, к Богу обращенное», — труду в системе ценностей отводится явно подчиненное место. И его невозможно перевести в другой разряд, *не нарушив системы*.

Этого большей частью не понимали наши интеллигенты-мыслители. Им все казалось, что просто «вчерашний крестьянин» еще не привык к новым условиям труда и промышленности, или «разбаловался», дезориентирован или незаинтересован, и потому не проявляет особого интереса к труду. Достаточно, следовательно, заинтересовать его, показать, перевоспитать, — и он полюбит труд и станет «нормальным» европейским народом. Тогда к нему с полным правом можно будет применить известное клише: «трудолюбивый и талантливый». Трудолюбие есть в нем, и он его проявляет, и таланты есть (они есть в каждом народе), но не это составляет его «лицо».

«Чем хуже был бы твой удел, когда б ты менее терпел?» — восклицал поэт, обращаясь к народу. И это — поистине вершина непонимания. Терпение для нас — не способ достигнуть «лучшего удела», ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу другого, других, мира вообще — это принципиальная ценность, без этого нет *личности*, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения. Из наших интеллигентов, пожалуй, только гениальный Достоевский каким-то внутренним интуитивным чувством постигал эту культурную схему. Это в романе «Преступление и наказание» следователь говорит Раскольникову, объясняя побуждения Миколки, взявшего на себя вину за убийство, которого он не совершал: «Знаете ли вы, Родион Романович, что значит у иных из них «пострадать»? Это не то, чтобы за кого-нибудь, а так просто «пострадать надо», страдание, значит, принять... Так вот я и подозреваю теперь, что Миколка хочет «страдание принять» или вроде того». Не просто принимает безропотно (ведь как просто было бы объяснить «забитостью», привычкой к «слепой покорности», — благо и штампы такие постоянно у нас в ходу для таких именно случаев!). Достоевский говорит: «хочет принять», *выбирает*, следовательно, считает *ценностью*.

Но какой в этом смысл? *Зачем* Миколка хочет страдания? По-видимому, для того, чтобы выработать из себя личность. «Мужественная душа инстинктивно ищет жертвы, случая пострадать, и духовно крепнет в испытаниях», — записал в дневнике отец Александр Ельчанинов, почти наш современник. Но ценность, величие человека, умеющего переносить страдания, признавалась во все века и во всех культурах. Уже Священное Писание устами мудрейшего Соломона говорит: «...лучше муж долготерпелив, паче крепкаго, удерживаяй же гнев, паче вземлющего град» (то есть умеющий справляться со своим гневом сильнее того, который может завоевать город). И Иоанн Лествичник говорит: «Терпеливый есть непадающий делатель» и еще: «Временем оскудевает море, — говорит Иов, — временем и терпением мало-помалу снискиваются добродетели, о которых говорим»(Иов, 14, 11). Но если умение переносить страдания и не бояться их и первая ступень этого умения — терпение во всех культурах пользуются признанием и уважением, то такого глобального значения принципа, определяющего почти все поведение и мировоззрение, эти умения достигают далеко не везде. В нашей культуре они играют особую, очень важную роль. «Становясь православными, мы становимся все отчасти аскетами», — написал тот же Александр Ельчанинов. Это наш способ делать дело, наш способ ответа на внешние обстоятельства, наш способ существования в мире — и основа всей нашей личности.<...>

Желание пострадать в нашем человеке есть желание *самоактуализации*, как у Аввы Дорофея: «...говорил один брат скорбя и плача о том, что Бог взял от него искушение: «Господи, ужели я недостоин и мало поскорбеть?»<...>

Казалось бы: какая же это самоактуализация в борьбе не с внешними силами и препятствиями, а с самим собой? Что созидается такой борьбой? С детства привыкли мы читать во всякой популярной литературе о христианских святых и подвижниках, что они «иссушали себя» и, отказываясь от всего, тем самым обедняли себя. Люди растили хлеб, воспитывали детей, боролись с внешними врагами, открывали новые земли, что-то изобретали, а подвижники сидели в пустыне и занимались исключительно собой. Что они завоевывали в этих трудах и самоограничениях, какой «плод»? Ответ на этот вопрос довольно прост, но неожидан для человека, воспитанного на вышеуказанной популярной литературе: они завоевывали себе внутреннюю свободу, необходимую им для того, чтобы осуществлять в мире добро.<...>

Итак, терпение и страдание — как способ формирования личности, способ выработки сильного духом «непадающего» делателя. В этом своем качестве они признаются всем христианством вообще, во всех его разновидностях, в том числе и нашей культурой, прочно усвоившей христианство. Но для нашей культуры — это только один слой, довольно поздний по времени. А если заглянуть *под* него, то можно нащупать и более древний слой, в котором терпение и самоограничение являются не только способом завоевания свободы духа, но имеют и более глобальное значение — принципа существования, поддержания гармонии и равновесия в мире.<...>

...Прав был Иоанн Лествичник, сказав: «Как отцы утверждают, что совершенная любовь не подвержена падению, так и я утверждаю, что совершенное чувство смерти свободно от страха». И еще: «Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий... память смерти производит отложение попечений, непрестанную молитву и хранение ума».<...>

Когда я вижу, как, войдя в церковь, верующий человек осторожно проходит между людьми, стараясь никому не помешать и не нарушить общей установившейся атмосферы и настроения, то я почему-то всегда вспоминаю именно слова Евангелия: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», и думаю, что в этой предназначенности скрыт великий смысл: землю следует отдавать в наследство (мы в наше время все больше наглядно убеждаемся в этой истине) именно и только кротким. Они будут обращаться с ней осторожно и бережно, и в их руках она процветет, яко крин. Самоутверждение их направлено не на внешний мир, а внутрь себя, на «устроение» собственной личности. Мир же для них временное пристанище, и если что-то в нем уже сделано предыдущими поколениями, они всегда склонны отнестись к этому по образцу своего знаменитого предка, сказавшего: «Не нами положено, лежи оно во веки веков».

Эта постоянная «память о смерти» и готовность к страданиям и есть основание той кроткой и смиренной личности, идеал которой занимает такое высокое место в нашей этнической культуре. <...>

В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как

Отрывок из книги печатается по самиздатовскому выпуску: К. Касьянова. К вопросу о русском национальном характере. Москва,1991.

ФОТО ВИКТОРА ГРИШКА

нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается. Отсюда та характеристика, которую так точно подметил в ней Бердяев: апокалиптичность мышления, внеисторичность его. Историчность (которую в данном случае Бердяев отождествляет с культурой вообще, поскольку для него «культура» — только то, что соответствует западноевропейскому представлению о культуре, все остальное — вне культуры) «предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное». Вот этой историчности изначально нет в культурах, ориентированных на вечность. Это и понятно: какая же относительность в вечности, — в вечности может оставаться только абсолютное.

Отсюда — невероятная трудность и сложность реформации в ареалах таких культур. Они очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же, наконец, происходит сдвиг сознания, он касается, ни много ни мало, — абсолютных точек отсчета. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, изменение приобретает неконтролируемый, страшно разрушительный характер: апокалиптическое сознание «устремляется к концу, к пределу», минуя «всю середину жизненного процесса».

В последние десятилетия появился ряд крупных работ, исследующих такого рода «апокалиптические взрывы», сопровождаемые восстаниями и движениями больших масс.<...>

Толчком, развязывающим апокалиптические взрывы, является всегда не желание масс что-то «улучшить» или что-то «устранить», а кризис ориентации, распад традиционных ценностей и традиционного образа жизни, нарушение «нормального» состояния общества или отклонение от него. Речь идет всегда не о том, чтобы чего-то «достигнуть» или ввести, а о том, чтобы восстановить что-то утерянное, нечто естественное, как воздух, что всегда было и всегда *должно быть*, о том, чтобы вернуться, но не к прошлому, предыдущему (в таких категориях не мыслит апокалиптическое сознание), *а к норме*, к естественной модели *своей* культуры.

Очень наивна широко распространенная точка зрения, что народ «бунтует», когда он находится в «невыносимых условиях» (под которыми обычно понимаются материальные условия существования). Народ может вынести необычайно много, если в его сознании эти тяготы обоснованы. Причем обоснованием их не обязательно должна быть, например, война, неурожай или другие стихийные бедствия. Народ в те периоды, когда он находится под влиянием нашей древней (и менее древней — православной) культуры, — вообще склонен считать аскетизм и всякое воздержание ценностью, так сказать, основой жизни.<...>

Существует такая шкала, которая называется «эмоциональной невоспитанностью» (или «незрелостью», «несоциализированностью эмоций»...). Человек, отличающийся «эмоциональной невоспитанностью», характеризуется тем, что он может оказываться «на поводу у своих эмоций»: не он ими владеет, а они им. Придя в состояние гнева или веселости, он становится совершенно «безудержным», и всякие попытки остановить его вызывают только новые всплески разбушевавшихся чувств. И вот по этой-то шкале мы отклоняемся от американской средней довольно сильно *вверх*. Для мужчин это отклонение составляет 6,37 балла (13,3% шкалы), для женщин 9,46 балла (почти 20% шкалы). Отклонение знаменательное. И оно как бы начисто опровергает все сказанное нами выше о «терпеливой деликатности», «серьезности», «устойчивости настроений», «самоограничении» и «силе эго». Как все это примирить между собой?

Оказывается, что не только можно примирить, но что интерпретация именно такого сочетания шкал приводит к любопытным выводам. Более того, эти выводы делались и делаются нами самими. Приведем пример из воспоминаний Ф. Степуна. В самом начале первой мировой войны воинская часть, в которой Степун служил офицером, следовала от места своего формирования (в районе Иркутска) на фронт. И вот какой эпизод случился в дороге:

«На какой-то большой, еще доуральской станции, где мы собрались было повкуснее пообедать, буфет первого и второго класса был до того забит голубыми австрийскими офицерами, что для нас не нашлось ни места, ни тарелки щей...

До чего же характерно для русского отношения к врагу, что никому из нас и в голову не пришло просить австрийцев очистить нам место и потребовать от буфетчика, чтобы в первую очередь кормили своих. Я знаю, пленным австрийцам и немцам не всегда жилось хорошо в наших военных лагерях. Допускаю какие угодно жестокости, но на одном настаиваю: русский человек жесток только тогда, когда выходит из себя. Находясь же в здравом разуме, он в общем совестлив и мягок.

В России жестокость — страсть и распущенность, но не принцип и не порядок. Иначе у немцев: быть может, немецкие офицеры по-человечески жестоки и не более нас, все же они по разумной принципиальности никогда не потерпели бы, чтобы им у себя в Германии не хватило бы места и еды, потому что все места заняты врагами. Я не говорю, что мы лучше немцев, я только устанавливаю, что мы весьма отличны от них».

Из примера и из осмысления его Степуном следует, что мы мягки, кротки, терпеливы и готовы на страдания не по природе своей, *а по культуре*. Это культура ведет нас путем воздержания и самоограничения вплоть до самопожертвования. Природа же наша отнюдь не такова. Она склонна к бурным и неконтролируемым эмоциональным взрывам.<...> Другими словами, если нас «очистить» от культурных эталонов, то в нас отчетливо проявится тот тип личности, который психиатры называют «эпилептоидным». Польский психиатр Антони Кемпинский, описывая эпилептоида, предупреждает, что он «характеризуется некоторыми чертами, проявляющимися иногда при эпилепсии, и отсюда его название, но он не всегда связан с эпилепсией. Сама эпилепсия тоже не всегда дает изменения личности, описываемые как эпилептоидные». В общем, эпилептоид — это не заболевание, а так называемый акцентуированный тип личности.

ФОТО ВИКТОРА ГРИШКА

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

КОНЦЫ И НАЧАЛА

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

Название книги выдержано в жанре усыпительном: «К вопросу о...», но дочитав название, вы сразу просыпаетесь: «...о русском национальном характере».

Книга, как сказано в предисловии, писалась в конце 70-х годов и была завершена в 1983-м. Ходила по рукам в «социологических кругах». Но до сих пор официально не издана... Впрочем, что такое при нынешней гласности «не издана», понять трудно. Теперь любое «совместное предприятие» может набрать текст на компьютере, сверстать, отпечатать и сброшюровать столько экземпляров, сколько надо (сколько возьмут с лотков или попросят прислать). Словом, книга К. Касьяновой, красиво переплетенная, у меня есть; читается она взахлеб, мысли вызывает самые неожиданные, а кто ее издал и как, не ведаю. Выходные данные исчерпываются строчкой: «Москва, 1991».

От того полуподпольного существования рукописи осталось только смутное ощущение, что «Ксения Касьянова» — псевдоним.

Но это не по нашей части. Перейдем к делу.

И по сумме мыслей, и по факту появления в нынешнем интеллектуальном обороте книга замечательна.

В основе ее лежит следующий социологический эксперимент. Существует тест MMPI — Миннесотский многофакторный личностный опросник, сочиненный американцами в 1941 году для нужд психиатрической диагностики, первоначально — десятишкальный, впоследствии разработанный в сотнях вариантов, обкатанный на компьютерах и пропустивший сквозь себя чуть не всю Америку.

У нас этот тест перевели в 1965—1967 годах. Обработали. То есть сократили и расширили применительно к нашим условиям. И опробовали пару раз на соотечественниках. Выборки были небольшие (одна, собственно, касьяновская), но результаты оказались интересные. Особенно когда легли рядом с американскими.

Контраст психологии «среднего американца» и «среднего русского» (тогда еще — «советского») побудил К.Касьянову к написанию книги.

Диагноз у русских такой: эпилептоиды с репрессивным типом реакции и явно выраженным судейским комплексом.

Прочтя это впервые, я пошатнулся. Но потом успокоился. Потому что перед нами вполне научные и совершенно необидные термины, ничего общего не имеющие ни с Конституционным судом, ни с эпилептическими припадками, а с репрессиями политическими если и обнаруживающие корреляцию, то самую отдаленную и совершенно не фатальную.

То есть имеется в виду репрессия как подсознательное (или сознательное, но тогда это уже супрессия) подавление импульсов, если таковые не соответствуют некоему общему представлению о целостном миропорядке. В просторечии: «запрещающая совесть». Или, как говорили отцы, «хранение ума» в противовес «суете дел». Или, как это видится восхищенным наблюдателям со стороны, «русское терпение».

Эпилептоидность — это сдвиг в сторону внутренних ритмов, задержка реакций, вязкость мышления, основательность действий, склонность к долгому поэтапному достижению фиксированных целей. В просторечии: «медленное запрягание» и «задний ум».

«Судейский комплекс» — склонность переступать сиюминутные обстоятельства, вообще, нелюбовь к «среде», которая обычно «заедает», и тяга судить о вещах «сразу» с точки зрения вечности.

Конечно, совесть имеют дети разных народов, и основательность свойственна многим другим сынам вечности... а все-таки: раз уж мы сравниваем себя с американцами, то вот для наглядности формула Джеймса Планта, которую Макс Лернер приводит в 9-й главе своего знаменитого двухтомника «Развитие цивилизации в Америке»: нормальный американец судит о себе по тому, чего он ДОСТИГ, не слишком смущаясь вопросом о том, кто он ЕСТЬ. И это понятно: цивилизация, находящаяся в непрерывном движении и ставящая превыше всего «успех», не дает людям ни времени, ни возможности вязнуть в онтологических основах бытия, но властно направляет все их силы на самореализацию.

Нормальный русский мыслит прямо противоположно. У нас не очень важно, чего ты ДОСТИГ, но все хотят понять, кто ты ЕСТЬ. На этот вопрос окончательного ответа, естественно, не найдут, но думать об этом будут неотступно. Упирая на то, что грядет «Высший Суд», которому все ведомо.

Это — мы с вами. То подсознательное, глубинное, древнее, основное, подпочвенное в нас, что существует помимо, и под, и независимо, и наперекос всяким сменяющимся доктринам и системам. Что идет от предков, «от святых отец».

У Касьяновой святоотческими текстами оно и подкрепляется: и Иоанн Лествичник у нее в свидетелях, и Авва Дорофей, и те мудрые старцы, что учили отложить попечения и крепить дух...

Тут уже и вопрос к К. Касьяновой: где же основа «русского национального характера»? Конечно, блаженный Августин правильно писал о силе сострадания, и Иоанн Златоуст правильно писал о воле и произволении; но ведь из учения отцов церкви равно выходят как русские терпеливцы, так и западные борцы-преобразователи. Почему мы должны извлекать нашу специфику из общехристианских ценностей — где же тогда специфика?

У Касьяновой этот вопрос предусмотрен и ответ на него имеется: мы, русские, акцентируем в общехристианских ценностях именно то, что для нас актуально. Для нас, эпилептоидов, репрессантов с судейским комплексом. Для нас, терпеливцев со страдающей совестью. Для нас, «загадочных» русских...

Но тогда — следующий вопрос к Касьяновой: а когда и с чего мы, русские, «начинаемся»?

У Ключевского, помнится, мы начинаемся примерно с XIV века, с трех составляющих начал. Образно говоря, финны дают территорию, славяне дают язык, татары — государственное устройство. В результате получаются русские. А уж что от кого переходит в наш национальный характер — тут сам черт ногу сломит.

Ксения Касьянова начинает искать нераспавшуюся основу. Это уже с Миннесотскими тестами напрямую не связано, тут — чистая история, и это — самое живое и интересное в книге, это — кровью, слезами писано: попытка перечитать историю так, чтобы понять, где мы, русские, потеряли свою нить, где упустили шанс стать нацией (а Касьянова полагает, что — упустили).

Дальние корни — какие угодно: что там от полян, древлян, кривичей, вятичей, уже неважно. Были ли «русскими» те варяги, что принесли из Скандинавии в здешнюю дебрь самое слово «Русь», — это все равно, что спрашивать с британца, что у него от кельта, что от сакса и что английского было в норманнах... Точка НАЧАЛА вообще мифологична, и не в ней дело; напоминаю мысль Ренана, переогласованную у Ортеги-и-Гассета: нация — это НЕПРЕРЫВНЫЙ выбор. Русскую этноцелостность К. Касьянова берет как факт, как сплот реальной российской истории и того неуловимого субстрата, который она в русском сознании с помощью опросника MMPI все-таки улавливает. Это единство — в противовес татарскому нашествию — К. Касьянова связывает со славянской основой.

Тут уж что-то прямо «мешает» мне в рассуждениях Касьяновой: как-то Ключевский ближе. Как-то и Николай Ульянов понятнее: между русским и великорусским при всем взаимоналожении — грань четкая, и именно культурная, государственная. Сотрем ее ради этнического единства — и нет ни той культуры, ни государства. Как мечта это у К. Касьяновой объяснимо: «может быть, мы и имели бы теперь государство, развившееся на собственной этнической основе...»

Имели бы? И чем бы это обернулось? Развалили же братья-славяне в 1991 году в Беловежской Пуще наше государство, меж тем как казахи и другие «азиаты» упирались, не отдавали.

Так какое государство они не отдавали и пытались спасти?

«Советское».

А советское — не русское, что ли? Не славянское — это я понимаю, НЕ ТОЛЬКО славянское. А получается, что и не русское. В таком случае вопрос: когда российское государство перестает быть русским? Вопрос с «ловушкой»: простаки новейшего розлива должны ответить: в 1917-м. Касьянова отвечает куда интереснее: на треть тысячелетия переносит смертную грань в глубь истории. Смертная грань видна четко и резко — в отличие от плавного и незаметного «начала». Начало постепенно и органично: в медленности роста славянского государства со времен Киевской Руси был залог его устойчивости: «постепенное втягивание окрестных племен одного за другим» позволяло противопоставлять всякому новому племени устоявшееся единство всех других, уже довольно «проварившихся» в общем котле. Иван III — вершина этого органичного восхождения народа и государства: «государства, развившегося на собственной этнической основе...»

Что пресекло эту органичную линию развития? Татарское нашествие? Да, оно «разметало и смяло» систему, обескровило популяцию... Но не убило, а заставило сплотиться в гигантское единство («татарское» по своей цепкости, добавил бы я). И рост продолжился, и великое царство разрослось до естественных границ... на севере и на юге, да и на западе, где оно уперлось в европейскую оборону, — восток же был открыт и незащищен. Туда и хлынуло: через Волгу, Урал — в Сибирь.

Роковое мгновенье — при Грозном. «И этот век сказочных успехов и головокружительных завоеваний, — пишет К. Касьянова о времени Грозного, — век выхода к неизведанным и богатейшим областям, это одновременно и век опричнины, казней, дикого произвола и параноических метаний русского самодержца, век убийства царем собственного наследника, боярских измен, завершившихся, наконец, приводом на Русь Литвы и шведов, дикой усобицей, новым обескровливанием популяции, разореньем страны. Случайна ли связь между всеми этими событиями?»

Прямого ответа К. Касьянова вроде бы не дает, но вопрос, поставленный точно и к месту, содержит ответ внутри себя: да, есть связь между паранойей царя и тем, что русское государство поползло на восток, растягиваясь, разрываясь, теряя органическую базу. Слабый, склонный к истерии, неуверенный царь — это Иоанн IV в исполнении К. Касьяновой; Феодор Иоаннович у нее, напротив, органичная личность и умница, но, увы, не спас царства. Истерик же на троне — знак подрыва сил нации.

От этой точки и начинается порча: раскалывается твердыня народной веры, и тотчас отслоившаяся верхушка хватает напрокат западные формы жизни. В эти заемные, чужие формы силится и не может влезть народная жизнь; все триста романовских лет длится безумное сосуществование внешнего запада и внутреннего востока, и увенчивается диким советским экспериментом...

К. Касьянова по-своему логична: если взять точкой отсчета Московию Иоанна III и счесть тогдашнюю популяцию этнически однородной, тогда все последующее — действительно порча и помутнение; тогда русская нация и впрямь оказывается жертвой, принесенной Молоху Империи; тогда Русь Советскую надо просто вычеркнуть из русской истории.

Но можно ведь брать и другие точки отсчета. Если взять «новгородскую», так Иван III для нее — не только не вершина, но конец всего. А если взять точкой отсчета Сибирь?

А если взять, наконец, общей точкой отсчета именно ту гигантскую задачу, которая в зародыше была вложена во «вселенское» государство, а с рождением Империи вошла в свои соразмерные масштабы? И те русские, которые, в сращении с сибиряками, опираясь на казачество, «подковой» скрепившее южный фланг, — составили великое государство и реализовали «евразийский» замысел истории? И эти триста лет (почти четыреста уже) — никакая не порча, а просто новый этап, великий трагический этап мировой истории, в котором русские (и советские) люди сыграли свою тяжелейшую роль?

Можно, конечно, сказать, что это уже не «русские» (К. Касьянова, впрочем, говорит «наоборот»: ЕЩЕ НЕ «русские», ЕЩЕ НЕ нация). Мы вообще любим переодеваться и представать в новой роли и под новым именем. А. Жданов не нарушил традиции: «Мы уже не те русские, какими были до семнадцатого года...»

«Не те...» Вот теперь весь антибольшевистский фронт это самое и подхватывает: не те! Вы не русские, вы — советские! Вас из русской истории метлой надо вымести.

А поделом: не крутись перед зеркалом, не кичись перед господом: мы — небывалые...

Но, в самом деле: если на изломе от XVI века к XVII меняется все: и состав популяции, и тип государства, если на месте славянской однородной державы оказывается химерический евразийский гибрид, так, может, это и впрямь ДРУГАЯ ИСТОРИЯ?

И сейчас, когда в очередной раз меняются символы, флаги, гербы, названия и границы, — сейчас начинается еще одна ДРУГАЯ ИСТОРИЯ, и рождается очередной «новый человек», отряхнувший с ног прах, на сей раз государства советского?

Вольно же в очередной раз переодеваться. Писать с нуля «новую историю». Или пытаться, прыгнув назад через семьдесят советских лет, превратиться в «дореволюционных русских».

Но не получится. Ибо из дореволюционных русских фатально вышли пореволюционные советские. И вообще не войти дважды в реку истории. Бердяев, которого цитируют теперь с такой же уверенностью, как раньше Ленина, — сказал ясно: возвращение к дореволюционной России невозможно — будет Россия пореволюционная.

Вот, она есть. И мы пишем ее историю. Что же, опять «с нуля»?

Ну, хорошо, не вышел «котел», вышел «многожильный провод». Хорошо, давайте осмыслять историю многожильного провода. Со всеми короткими замыканиями и попытками срочно заизолироваться. Я имею в виду суверенитеты. Но и «котел» — дело горячее. Если видеть в Америке котел, то надо писать историю котла, то есть общее дело всех американцев: от первых поселенцев, через эпопею фронтира — к «всеобщему благоденствию», какое уж оно там получилось. Но если взять любое американское меньшинство — оно же внутри этой общей истории должно будет осмыслить СВОЮ историю. Свою напишут индейцы, свою — негры, свою — евреи Америки...

История еврейской диаспоры, кстати, замечательный пример «многожильного провода», осмысленного до последней ниточки и собранного воедино по жилочке.

Так я возвращаюсь к русской истории, в которой, как мы теперь уверены, «утонула» история славянства и из который «вынырнула» история СССР. Все те жилы, которые из нас теперь вытянут, обратно уже не втянуть. Литовцы напишут свою, украинцы свою, татары свою.

Мы же будем писать историю русских, проходящую сквозь все химерические, апоплексические, параноические и прочие государственные формы. Земные и незаемные. С глубинным слоем народного самосознания, в котором эпилептоидность смиряется репрессивностью и венчается «судейством» высшего уровня.

Тут, возвращаясь к книге К. Касьяновой, я хочу опереться на сделанное ею принципиальное уточнение: культура народа вовсе не следует однозначно из его этно-органики. Культура — это равнодействующая этно-органики и исторических обстоятельств. А поскольку разнообразие последних безгранично, то и культура национальная всегда несет момент непредсказуемости и неповторимости. При всем том, конечно, что русский человек — многотерпеливец и страдалец, а «западный человек» — борец, созидатель и преобразователь.

«Западный человек», кстати, не меньшая непредсказуемость. Когда мы берем «западные формы», мы получаем вовсе не содержательные ценности, а именно ФОРМЫ, как правило, технологические и структурные, которые и на Западе бывают наполнены весьма разным культурным и национальным содержанием. Поэтому нет никакого единого западного «образа мыслей», который теперь «навязывают» русскому народу, а есть некоторая сумма «операциональных» (то есть практически применимых), непрерывно обновляющихся правил и приемов цивилизованной жизни. В том, что эти приемы и правила заимствуются, нет ничего ни удивительного, ни унизительного для заимствующих; такие вещи ДОЛЖНО заимствовать; они и заимствуются на протяжении истории как раз охотнее всего — внутри так называемого «западного мира», но мир-то этот состоит — если брать не абстрактно-гуманистические правила и не конкретно-практические технологии, а системы ценностей и психологические глубины, — в одной Европе этот мир состоит из доброй полудюжины великих национальных культур, не сливающихся ни в какой западный «образ мыслей», — хотя, конечно, везде там человек — «борец, преобразователь и созидатель», и трудом душу очищает, суеты не страшась, и живет не по благодати, а по закону.

В сущности, мы и сейчас не к «западу» поворачиваемся, а к здравому смыслу. А здравый смысл в том, что, если колхоз даже и себя прокормить не может, он расходится; если завод не рентабелен, он закрывается; если газету не раскупают, ее не издают. А «запад» это или не «запад» — дело вторичное. Когда соседи из зависти жгут фермера или выкалывают глаза его корове, ибо дает «слишком много молока», или с утра ищут, с кем бы опохмелиться, — это признаки порчи и вырождения, хотя под все эти действия можно подвести и инстинктивное желание, чтобы всем было поровну, и даже «соборность» помянуть, не говоря уже о готовности судить всех, перепрыгивая через такие суетные вещи, как труд и законный заработок. Задним числом, наверное, теоретики найдут объяснение и этим особенностям нашего менталитета — «вербализуют» существующие на «довербальном уровне» народные ценности, как формулирует К. Касьянова, но пока бы нам ту сугубо «западную» истину освоить, что дважды два четыре.

А уж потом получится что-нибудь вроде того, что демократия плюс компьютеризация есть царство Божие на земле, как коммунизм уже был суммой власти и лампочки.

Я закончу этот этюд о «русском национальном характере» диалогом, который произошел у меня с одним честным деятелем правого крыла нашей литературы («правее Бондарева»). Напомнив мне о коварных планах сионских мудрецов сбить с толку русский народ, этот литератор сказал, что надежда русских — на здоровые силы, которые собираются под красными знаменами национальной оппозиции.

Я заметил, что красные знамена плохо вяжутся с русской национальной идеей и что большевики-марксисты как раз и подложили русскому народу масонскую отраву. Честно сказать, я хотел поддразнить моего оппонента.

И тут он ответил мне без всякого юмора, с замечательной убежденностью:

— Да, это так: марксизм, перенесенный на русскую почву, был органически чужд нашему народу, но за семьдесят лет произошло чудо: русские люди внутренним усилием переварили, ПЕРЕРОДИЛИ марксизм, и он превратился в народную идеологию, а социализм, строившийся первоначально по марксистской чужебесной схеме, превратился в народный строй и образ жизни. И вот у нас его опять отнимают!

Я остолбенел от внезапно поразившего меня чувства правоты моего собеседника. Все, что он сказал, было совершенной правдой.

Мне хотелось ему ответить: «Все так! Социализм действительно стал формой русской народной жизни. Как до того формой народной жизни стала Империя, управлявшаяся из Петербурга. А до того такую же роль сыграла греческая вера, занесенная в наши снега византийскими миссионерами. Чего же вы боитесь «рынка», «демократии», «многопартийности» и других «западных» форм? Русский народ и эти новации перемелет, переварит, переделает под себя, превратит в «формы народной жизни»...»

По какой-то инстинктивной опаске я ничего этого вслух не сказал; мы с моим собеседником поприветствовали друг друга и разлетелись по своим траекториям.

Напоследок — кое-что о траектории, из образного арсенала космической эры — времени последнего глобального триумфа Советской власти.

Если корабль на орбите закувыркался (а это бывает — и после отстрела отгоревших ступеней, и после отделения от общей кассеты ушедших в суверенный полет спутников) и если удается остановить это неуправляемое кручение, то надо заново сориентироваться. «По светилам». То есть по далеким, сияющим в звездной дали принципам, вроде «прогресса», «гуманизма», «всеобщего равенства», «удовлетворения растущих потребностей» и прочих псевдонимов Абсолюта, подброшенных нам в иллюминаторы.

Но потом главное — понять траекторию. Откуда летим, куда заброшены и, значит, чего ждать. Не мы себя на эту орбиту забросили — судьба занесла. Но летим. И ни кусочка из траектории уже не отменим: ни в семьдесят лет длиной, ни в семижды семьдесят, ни в семь дней. Все — наши.

Где там наше начало, где конец — то судьба знает. А нам бы связать концы с концами, а тем самым — и с началами.

ЧЕЧЕНЦЫ

Численность — 1 млн. человек. Время образования — впервые упоминаются в армянских источниках VI века.

Места проживания — Чечня, Дагестан, Казахстан (сюда чеченцы почти полностью были депортированы в 1944 году).

Этноним «чеченцы» — чисто русского происхождения. Слово это пошло от названия села Большой Чечен. Кабардинцы называют их — «шашэн», осетины — «цацан», аварцы — «буртиел», грузины — «кисты», кумыки — «мичигиш». Кстати, под похожим названием — «мичикизы» — чеченцы упоминаются в русских документах XVI века. Название же народа на чеченском языке звучит как «нохчо».

Чеченский язык считается одним из сложных и относится к нахской и вайнахской ветви кавказской языковой семьи. Родственными чеченскому можно назвать только языки ингушей и бацбийцев.

Исконное занятие чеченцев — земледелие на равнинах и скотоводство в горах.

Чеченцы долгое время сохраняли родовое деление. Собственно, в горных аулах оно сохраняется и до сих пор. Среди обычаев можно выделить кровную месть и особое отношение к гостю: хозяин головой отвечал за жизнь и благополучие тех, кого он принимал у себя дома.

Верующие чеченцы исповедуют ислам суннитского толка.

МАРАТ АБДУЛЛАЕВ

Созидатели России

ВАДИМ КОЖИНОВ

ЦЕСАРЬ-КАГАН ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

РЕЧЬ ПОЙДЕТ

о правителе, которого исключительно высоко ценили в Древней Руси, о чем свидетельствует уже само определение «Мудрый», — причем Ярослав был единственным русским государственным деятелем, удостоенным такого эпитета. Внук Ярослава, Владимир Мономах, родившийся всего за год до кончины деда, в старости начал свое автобиографическое сочинение признанием, что он горд «дедомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ».

Однако историки XIX—XX веков недооценивали Ярослава: достаточно сказать, что нет ни одного сколько-нибудь подробного исследования его жизни и деятельности.

Князь Ярослав Мудрый

Почти девятьсот пятьдесят лет назад, 20 марта 1049 года, под сводами церкви Святого Благовещения[1], воздвигнутой незадолго до того на монументальных Золотых воротах Киева, митрополит[2] Иларион произнес свое «Слово о законе и благодати», в котором, в частности, содержалась и возвышенная похвала деятельности Ярослава, полновластно правившего к тому времени в Киеве уже тридцать лет (а до его кончины — 20 февраля 1054 года — оставалось около пяти лет). Обращаясь к его покойному отцу Владимиру Святославичу, Крестителю Руси, митрополит Иларион так говорил о Ярославе (см. значения «устаревших» слов в примечаниях[3]):

Его же сотвори Господь наместника по тебе,
твоему владычеству, —
не рушаща твоих устав,
но утверждающа,
не умаляюща твоему благоверию положения,
но паче прилагающа,
не казяща,
но учиняюща,
иже недоконченая твоя,
наконча...

Вдумываясь в эти древнерусские речения (они почти на полтора столетия с т а р ш е «Слова о полку Игореве»!), понимаешь, что деятельность Ярослава имела в глазах его великого и прозорливого современника з а в е р ш а ю щ и й, упорядочивающий, гармонизирующий смысл. Между тем русская история, увы, не богата правителями и вообще деятелями, о которых уместно с полным основанием сказать нечто подобное. Более того, деятелей этого склада както не очень уж выделяли и ценили; гораздо большее внимание привлекали разного рода р е ф о р м а т о р ы или даже прямые разрушители. Этим, в частности, объясняется отсутствие книг или хотя бы пространных статей о Ярославе Мудром.

Митрополит Иларион «сообщал» также Владимиру о его преемнике Ярославе, что тот

славный градъ твой Кыевъ
величествомъ, яко венцемъ обложилъ...

Но Ярослав Мудрый оставил после себя не только величественный и могучий Киев, превосходивший все тогдашние города Западной Евразии, кроме Константинополя и еще, может быть, Кордовы (в принадлежащей в то время арабам части Испании). *Именно Ярослав окончательно утвердил великую государственность на Руси.*

Основанные им города — Ярославль на северной Волге и другой, «галицкий», Ярославль (позднее — Ярослав) на притоке верхней Вислы реке Сан, вблизи Карпат (ныне принадлежащий Польше), а также Юрьев, нареченный во имя небесного покровителя Ярослава св. Георгия-Юрия, в северной Прибалтике (ныне — эстонский Тарту), и еще один Юрьев на южном притоке Днепра, реке Рось, — выразительно обрамляют громадное пространство Ярославовой Руси. Впрочем, эти города, за исключением галицкого Ярославля, не очерчивали действительных тогдашних границ: Русь к концу правления Ярослава простиралась от Белого до Черного моря и — с запада на восток — от Балтики и бассейна Вислы до Печоры и Камы.

При этом необходимо подчеркнуть, что, устанавливая власть Киева над этим пространством, Ярослав отнюдь не сокрушал и не подавлял какие-либо другие, чужие государственные образования; напротив, к концу его правления были утверждены вполне благоприятные отношения со всеми существовавшими к началу Ярославовой эпохи соседними государствами — Булгарией (Волжской), Швецией, Польшей, Чехией, Венгрией, Византией; наладились и прочные дипломатические связи с более дальним «зарубежьем» — Норвегией, Англией, Данией, Германией. Что же касается тех многочисленных, но не имевших даже зачатков собственной государственности финно-угорских и тюркских племен, которые жили в границах Ярославовой Руси, они — что показано, например, в сравнительно недавнем исследовании весьма добросовестного историка М. Б. Свердлова «Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв.»[4] — были равноправными у ч а с т н и к а м и государственного строительства Руси (так, финские и тюркские имена очень широко представлены, наряду со славянскими, в в ы с ш е м слое носителей власти при Ярославе и позже).

Весь характер Ярославовой эпохи рождает мысль о глубоко продуманной (недаром — Мудрый) и уравновешенной созидательной деятельности. Однако приход Ярослава к власти совершался в остродраматических обстоятельствах.

В «Повести временных лет» есть два противоречащих друг другу сообщения, указывающих дату рождения Ярослава: отмечено, что к 1016 году он прожил 28 лет и, значит, родился в 989 году[5], а в 1054-м, в момент кончины, ему-де было 76 лет, то есть дата его рождения — 979 год. Правдоподобнее первое сообщение, которое подтверждается медицинской экспертизой скелета Ярослава[6]; известно также, что из семи сыновей Ярослава только один, Илья, родился до 1020 года, и странно было бы, если бы Ярослав начал обзаводиться многочисленными наследниками лишь после достижения им сорока лет.

Ярослав был четвертым (по старшинству) из двенадцати сыновей Владимира Святославича. Двое старших — Вышеслав и Изяслав — умерли еще при жизни отца, и в 1010 году, после кончины Вышеслава, Владимир дал Ярославу в «держание» Новгород — главное после Киева владение Руси (до этого Ярослав «сидел» в Ростове, куда в 1010-м был переведен младший его брат Борис).

Но тем самым оказался обойденным третий по старшинству брат Ярослава Святополк, державший Туровскую землю (расположенную к западу от среднего течения Днепра и до границы с Польшей).

Как общепризнано, недостаточное благоволение Владимира к Святополку имело своей первопричиной тот факт, что он не являлся его родным сыном. Судя по всему, отцом Святополка был Ярополк Святославич, жену которого «унаследовал» Владимир сразу после гибели своего старшего брата в междоусобной борьбе; Святополк родился, очевидно, до истечения девяти месяцев с момента смерти Ярополка (980).

В последние годы жизни Владимира (он скончался 15 июля 1015 года) события развивались следующим образом. Князь (позднее, с 1025 года, король) Польши Болеслав Великий (а также Храбрый), объединив-

ший свой народ и прочно связавший свою деятельность с Римской церковью (поляки приняли из ее рук христианство еще в 966 году), решил в 1013 году отторгнуть от Руси так называемые Червенские города (в верхнем течении Западного Буга и Сана). Для этого он вступил в военный союз с враждебными Руси печенегами. Но его замысел сорвался, поскольку он (по неизвестной нам причине) на этот раз рассорился с приглашенными им печенегами и был вынужден сражаться с ними, а не с русскими. Впоследствии он сумел восстановить польско-печенежский союз, а еще до того завязал также самые тесные отношения с правителем граничивших с Польшей русских земель — Святополком, за которого отдал свою дочь.

Историки спорят о точной дате сего брака — состоялся ли он до нападения Болеслава на Червенские города либо после этого. Но так или иначе в дальнейшем Болеслав действовал в прочном союзе со Святополком. Вместе с супругой к Святополку явился — в качестве ее «духовного отца» — польский епископ германского происхождения Рейнберн, который, как убеждены многие новейшие исследователи, представлял и интересы Римской церкви, всегда чрезвычайно активно стремившейся превратить в свою паству все новые и новые племена и народы.

В данном случае речь шла о подчинении или хотя бы о включении в орбиту польского влияния всей Руси, в чем были горячо заинтересованы и Римская церковь, и правитель Польши.

В 1014 году, когда Владимир, как сообщает прямой современник событий германский хронист Титмар Мерзербургский, узнал, что Святополк, «побуждаемый Болеславом, тайно готовится ему сопротивляться, он схватил и епископа, и сына с женой и запер в одиночном заключении... Болеслав, узнав обо всем этом, не переставал мстить»[7].

После кончины Владимира Святополк взял бразды правления в Киеве в свои руки. Но было ясно, что он — хотя бы как вчерашний заговорщик — имеет сомнительные права на верховную власть над Русью. Поэтому он тут же начал организовывать убийства своих братьев-соперников. Уже 24 июля был злодейски умерщвлен Борис, 5 сентября — Глеб, а затем еще древлянский князь Святослав (в результате Святополк получил прозвище «Окаянный», а Борис и Глеб были причислены к лику святых мучеников, исключительно высоко почитаемых на Руси).

Ярослав, находившийся в Новгороде, стал готовиться к войне со Святополком. И, по всей вероятности, осенью 1016 года у города Любеч (севернее Киева) произошла первая битва Ярослава со Святополком, на помощь которому пришли уже снова обретшие союз с Болеславом печенеги. Святополк проиграл это сражение и прямо с поля боя бежал к печенегам, а затем к тестю, в Польшу; жена его, то есть дочь Болеслава, осталась в Киеве.

Ярослав начал править в Киеве и вскоре, отправив посольство, возобновил союз с германским королем и императором Священной Римской империи Генрихом II — союз, который был заключен его отцом Владимиром, женившимся после кончины своей византийской супруги Анны (по-видимому, в 1012 году) на племяннице этого императора. По договоренности с Генрихом II, который вел в то время войну с Болеславом, Ярослав в 1017 году начал поход на Польшу (где находился, как было сказано, Святополк). Однако в ответ Болеслав побудил печенегов напасть на Киев, и Ярослав вынужден был вернуться, чтобы отстоять свою столицу, где, помимо прочего, сгорел тогда деревянный храм Святой Софии, построенный еще княгинией Ольгой (впоследствии Ярослав воздвиг на его месте величественный собор, сохранившийся в своей основе до наших дней).

Болеслав же в январе 1018 года сумел заключить мир с Генрихом II и уже в июле вторгся в пределы Руси вместе со Святополком. Его очень мощная по тем временам армия включала в себя германцев (из Саксонии) и венгров, а также полчища печенегов. Это была п е р в а я в истории внушительная агрессия на Русь с Запада.

Войско Ярослава потерпело полное поражение, и он вынужден был удалиться обратно в Новгород. Болеслав со Святополком 14 августа 1018 года захватили Киев. Однако именно в это время началась междоусобица в Польше, и через месяц Болеслав покинул Киев, увозя с собой множество награбленных ценностей и уводя тысячи пленников. Тогда же он присоединил к Польше Червенские города на западе Руси. А Святополк стал править в Киеве.

Но Ярослав вновь собрался с силами и в следующем, 1019 году одолел Святополка в сражении на реке Альте южнее Киева (Святополк ушел туда, чтобы соединиться с печенегами). Позднее, в 1030—1031 годах, Ярослав вернул Руси Червенские города и установил долговременный мир с Польшей.

Все вышеизложенное в основных чертах было выяснено давно, а в наше время подтверждено, уточнено и конкретизировано в ряде тщательно выполненных исследований. Но нельзя умолчать о том, что в нескольких опубликованных за последние десятилетия сочинениях предложена — без сколько-нибудь серьезного обоснования — совсем иная версия этих событий. Согласно ей, Ярослав будто бы боролся за власть над Киевом не только со Святополком, но и с другим «претендентом» — князем Борисом и подстроил убийство последнего... (Чтобы не перегружать очерк о Ярославе полемикой, я воздержусь от обсуждения сей версии, но в одном из ближайших номеров «Родины» надеюсь опубликовать специальную статью на эту тему: осветить ее просто необходимо, так как в одном из материалов, опубликованных в февральском номере «Родины» за 1992 год, упомянутая версия была «поддержана».)

Здесь же скажу только, что вся история взаимоотношений Ярослава Мудрого с его реальными или хотя бы вероятными «соперниками» решительно противоречит навязываемому ныне представлению о нем как о «братоубийце».

Характерна в этом смысле история вражды, а затем дружбы Ярослава с его младшим братом Мстиславом Храбрым — князем Тмутараканским и, позднее, Черниговским. Отдаленная Тмутараканская (Таманский полуостров и окрестные территории) земля до 960-х годов была одной из главных составных частей мощной империи — Хазарского каганата, в течение полутора столетий стремившегося разными способами подчинить себе Русь[8]. Дед Ярослава, Святослав Игоревич, нанес каганату сокрушительный удар, но в 985 году

Владимир Святославич вынужден был еще раз идти на хазар. После этой окончательной победы Владимир принял тюркский титул «кагана», приравниваемый к царскому; сохранял этот титул и Ярослав, которого величали также «цесарем», то есть царем.

Стоит отметить, что еще в 950-х годах византийские императоры («василевсы») в своих посланиях обращались к хазарскому властителю как к «наиблагороднейшему и славнейшему кагану», а к русскому — как к просто «архонту России»[9]; «архонт» — это правитель, находящийся в зависимости от какой-либо иной власти (в данном случае — хазарской), не являющийся «самодержцем», «самовластцем».

Собор Святой Софии в Новгороде построенный в 1045-1050гг. Высота собора 40 метров

Ставший каганом-самодержцем Владимир посадил одного из сыновей, Мстислава, в Тмутараканской земле, где тот — вольно или невольно — нашел опору в остатках разбитых дедом и отцом хазар. На рубеже 1010—1020-х годов Мстислав подчинил себе еще соседних касогов (адыгов) и обрел немалую мощь. И в 1023 году, как сообщает «Повесть временных лет», «поиде Мстиславъ на Ярослава с козары и с касогы». Ярослав находился тогда в Новгороде, и Мстислав смог войти в Киев, однако «не прияша его кыяне», и он «седе на столе Чернигове», объявив своим владением левобережье Днепра — прежде всего земли древнерусского племени северян.

Ярослав, наняв в помощь большой отряд варягов, предпринял поход на Мстислава, который (для большей ясности цитирую летописный текст в переводе на современный язык, сделанном Д. С. Лихачевым) «поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам». А после битвы, «увидев лежащих посеченными... северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела...»

Смысл этого многозначительно приведенного летописцем изречения явно более важен для Ярослава, ибо ради его дальнейшей борьбы с Мстиславом ему пришлось бы жертвовать не хазарами с касогами, а киевлянами... И Ярослав, торжественно сообщает далее летописец, «заключил мир с братом своим... И начал жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

А несколькими годами позднее Ярослав вместе с Мстиславом отправились на запад и возвратили Руси захваченные еще Болеславом Червенские города; здесь был основан тогда новый пограничный город Ярославль.

Иначе говоря, Ярослав ради предотвращения кровавой междоусобной борьбы отдал своему воинственному брату в «держание» левобережную Русь, но был с ним в прочном союзе, а после кончины Мстислава в 1036 году стал уже полновластным хозяином страны.

Такая благоразумная — мудрая — политика Ярослава определила прочное единство русского государства. Это единство не только было безусловным в последние два десятилетия его жизни, но и в той или иной степени сохранялось почти в течение столетия после его кончины. Именно к такому выводу пришла ныне историческая наука. В обстоятельном труде О. М. Рапова «Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII века» (М., 1977) обосновано сказано (это вытекает из всей книги):

«В русской дореволюционной исторической науке глубоко укоренилась мысль о том, что после того как в 1054 году Ярослав Мудрый наделил своих сыновей землями, единое государство Русь распалось на самостоятельные княжества... Однако это не так. Ярослав Мудрый перед смертью завещал Русь только одному князю, старшему... «Се же поручаю в собе место столъ старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, яко же послушасте мене...» Ярослав Мудрый вовсе не помышлял о каком-либо разделе территории государства в духе короля Лира... По-прежнему над держателями (отдельных земель. — *В. К.*) возвышался великий киевский князь... Земельные владения его братьев были не чем иным, как условными держаниями данных феодалов, которые в любой момент могли быть у них отобраны или заменены на другие» (с. 49, 51).

И далее: «...отдельные князья превращали вверенные им условные держания в территории, не подчиненные власти киевского князя, но существование таких княжеств-государств было, как правило, явлением кратковременным» (с. 233). И по мнению О. М. Рапова, лишь в конце 1130-х годов Русь «распалась на отдельные самостоятельные в политическом отношении княжения» (с. 235).

Я бы добавил к этому, что «распад» Руси был в известной степени о с т а н о в л е н в 1160-х годах великим князем Андреем Боголюбским, перенесшим столицу из Киева во Владимир и так или иначе управлявшим оттуда страной в целом[10]. А после монгольского нашествия Русь действительно распалась на самодовлеющие княжества, и лишь при Иване III Великом вновь восстановилась та держава, основы которой создал Ярослав Мудрый. Стоит отметить, что д в у г л а в ы й о р е л, утвержденный, как известно, в качестве государственного герба Иваном III и символизировавший евразийское двуединство Руси, был впервые введен за четыре с лишним столетия до того не кем иным, как Ярославом Мудрым[11].

Мощь государства Ярослава ярко выразилась в том, что в 1036 году было нанесено поистине сокрушающее поражение напавшим в очередной раз на Киев печенегам. Это воинственное племя, склонное превратить набеги на соседей в один из основных источников своего существования, время от времени атаковало и Русь, и другие соседние государства, включая даже Византийскую империю. А после 1036 года печенеги перестали быть серьезной военной силой.

Теперь нам необходимо обратиться к вопросу о взаимоотношениях Ярослава с Византийской империей. К сожалению, многие историки, находившиеся под влиянием западноевропейской идеологии, всячески принижавшей и искажавшей облик Византии (как главной соперницы Запада в эпоху Средневековья), стремились так или иначе противопоставить Русь и Византию, в особенности при освещении событий времен Ярослава Мудрого. Только в последние десятилетия стали появляться исследования (В. Г. Брюсовой, Г. Г. Литаврина, польского историка Анджея Поппе[12] и др.), аргументированно отвергающие это противопоставление.

Казалось бы, борьба Руси с Византией налицо, ибо, как хорошо известно, в 1043 году Ярослав отправил своего старшего сына Владимира (вообще-то старшим был Илья, но он умер еще в 1020 году) в поход на Константинополь — поход, правда, заведомо неудачный, так как сильная буря на Черном море погубила большую часть русского флота еще до начала боевых действий. Однако ныне достаточно убедительно доказано, что это был поход не против Византии как таковой, а только против определенных сил, стремившихся захватить власть в империи.

С 1028 года, после кончины императора Константина VIII, носительницей легитимной власти в Византии стала его дочь Зоя (сыновей у Константина не было); однако вскоре она начала подвергаться всякого рода унижениям и насилиям, и в апреле 1042 года ее вообще отстранили от власти и постригли в монахини. В результате в Константинополе вспыхнуло мощное восстание, в котором, что может показаться удивительным, самое активное участие приняли находившиеся в городе русские; как сообщает знаменитый хронист, современник событий Михаил Пселл, они «все готовы были пожертвовать жизнью за царицу»[13].

Впрочем, это не может удивлять, если вспомнить, что Зоя была племянницей Анны — родной сестры ее отца Константина VIII и — с 990 года — супруги русского кагана Владимира Святославича; таким образом, Зоя являлась двоюродной сестрой Ярослава Мудрого (хотя и не «по крови», так как Ярослава, вероятно, родила другая жена Владимира — Рогнеда). Вместе с тем как дочь императора, не имевшего наследника мужского пола, Зоя представала в глазах ее сторонников, в том числе русских, законной властительницей; «хотим законную наследницу!» — кричали восставшие на площадях Константинополя.

И Зоя была немедля возвращена к власти. Вскоре, 11 июля 1042 года, она вступила в брак с представителем знатного рода Константином Мономахом. Однако всего через несколько месяцев обнаружилось, что Константин имеет намерение «заменить» Зою своей любовницей Склиреной, из-за чего 9 марта 1043 года произошло новое восстание под лозунгом: «Не хотим Склирену царицей, да не примут из-за нее смерть матушки наши Зоя и Феодора!» (Феодора — младшая сестра Зои, ставшая ее соправительницей). Но главное было даже не в Склирене, а в очередной попытке отстранения Зои от власти — попытке, которая и вызвала, очевидно, поход Руси, чей флот подошел к Константинополю через четыре месяца после восстания, в июле 1043 года (вполне вероятно, что Зоя сама обратилась к своему русскому двоюродному брату за помощью). В результате гонения и интриги против Зои прекратились, и она спокойно царствовала до своей кончины в 1050 году в возрасте 72-х лет (после смерти Зои роль носительницы законной власти исполняла ее сестра Феодора).

В 1046 году, по всей вероятности, именно благодарная Зоя устроила бракосочетание сына Ярослава Мудрого, Всеволода, с Анастасией — дочерью своего супруга Константина Мономаха (от предыдущего его брака), которая, конечно, считалась теперь и ее дочерью; в 1053 году Анастасия родила сына — в будущем одного из славнейших русских князей — Владимира Всеволодовича Мономаха[14].

Проблема взаимоотношений Руси и Византии невольно обращает наше внимание к личности самого выдающегося сподвижника Ярослава — митрополита Киевского Илариона. Как ни прискорбно, многие историки создали ему совершенно необоснованную репутацию некоего непримиримого врага Византии. Сошлюсь на германского русиста Лудольфа Мюллера, который посвятил личности и творчеству Илариона свои основные труды. В 1989 году Л. Мюллер не без известного даже возмущения говорил, что само поставление Илариона в митрополиты «очень часто интерпретируют... в том смысле, что оно было якобы совершено без разрешения и против воли Константинопольского патриарха... Нигде не сказано, что избрание Илариона совершилось иным способом, чем избрание всех других митрополитов Константинопольской церкви (в состав которой входила Киевская митрополия. — *В. К.*)... а именно: постоянным Синодом Константинопольской патриархии... По моему мнению, Ярослав попросил своего шурина — византийского императора Константина IX — воспользоваться своим влиянием на Синод, чтобы тот избрал любимца Ярослава... Значит, никакого раскола, никакого антагонизма в 1051 году (год официального избрания Илариона митрополитом. — *В. К.*) не было. По крайней мере, никакой достоверный источник не говорит об этом, и в сочинениях Илариона я не вижу ни одного антивизантийского выражения»[15].

Л. Мюллер допустил здесь одну словесную неточность, которую, впрочем, могло бы допустить сегодня и большинство русских авторов: он назвал императора Константина «шурином» (что означает «брат жены») Ярослава; в действительности император был зятем Ярослава — то есть мужем его сестры (хоть и двоюродной) Зои, а также одновременно и сватом — отцом жены Ярославова сына Всеволода. Но это двойное родство (или, вернее, свойство) тем более подкрепляет точку зрения Л. Мюллера.

В начале очерка я цитировал «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, которое в последнее время изучено и общепризнано в качестве одного из гениальных творений русской литературы и мысли. Да и вообще митрополит Иларион принадлежит к немногим величайшим деятелям отечественной культуры за всю ее историю; правда, его достижения нераздельно связаны с деятельностью Ярослава Мудрого и немыслимы вне ее.

Жизнь Илариона начиналась, по-видимому, еще при Владимире Святославиче. Высшая образованность Илариона заставляет прийти к выводу, что в молодости он учился в Византии. Возвратившись, он стал иеромонахом — настоятелем церкви Святых Апостолов в резиденции Владимира, а затем Ярослава — Берестове (пригород Киева). В работах современных историков, филологов и искусствоведов, касающихся деятельности Илариона, доказывается, что именно он был основоположником Киево-Печерской лавры — этого духовного и культурного средоточия Древней Руси, что он играл существеннейшую роль в созидании главного тогдашнего собора — Святой Софии (в особенности в формировании ее монументальных фресок), что именно он заложил основы русского летописания и т. д. Приблизительно в 1048 году Иларион, как полагают, возглавил русское посольство в Париж (позднее, в 1051 году, дочь Ярослава Анна стала королевой Франции).

Страница Евангелия, принадлежавшего новгородскому посаднику Остромиру. 1050-е годы.

Многообразная и в высшей степени весомая деятельность, в ходе которой Иларион явно выступает как глава русской церкви, оказывается в противоречии с тем, что он вроде бы очень недолго являлся митрополитом — с 1051 по 1054 год; уже в 1055-м митрополитом Киевским стал византиец Ефрем. Но в недавней работе В. Г. Брюсовой[16] весьма убедительно показано, что Иларион, скорее всего, занял митрополичью кафедру в Киеве значительно ранее 1051 года, — возможно, в 1044 году.

Полной загадкой остается, увы, судьба Илариона после кончины Ярослава Мудрого (20 февраля 1054 года); об этом до нас не дошло никаких сведений. Широко распространена версия, согласно которой Иларион был отстранен от своего поста под давлением Византии, но в свете новейших исследований это мнение представляется крайне сомнительным. Гораздо естественнее предполагать, что Иларион был во враждебных отношениях с наследником власти Ярослава — его старшим (из живых к тому времени) сыном Изяславом, который лишил Илариона его высокого поста. Это был мало похожий на отца правитель, который многократно вступал в тяжкие конфликты с киевлянами, со многими своими родственниками, изгонялся из Киева и в конце концов погиб в междоусобной схватке.

Хорошо известна острая вражда Изяслава к творцам главной святыни Руси — Киево-Печерской лавры — преподобным Антонию и Никону, которых он даже заставлял надолго уходить из Лавры. А ведь Антоний и Никон были ближайшими сподвижниками Илариона, и есть все основания считать, что гонения на них связаны именно с давней Изяславовой враждой к митрополиту. И поскольку роль Илариона как митрополита была чрезвычайно значительной в жизни государства, Изяслав, придя после смерти Ярослава к власти, по-видимому, сразу же насильственно отстранил его от митрополичьей кафедры. Это, разумеется, было совершенно противозаконной и даже дикой акцией, и летописцы предпочли умалчивать о столь принижающем как власть, так и церковь факте...

Так или иначе, митрополит Иларион оказался в глазах потомков пропавшим без вести. Однако его деяния, осуществленные им в нераздельном сотрудничестве с Ярославом Мудрым, никуда не исчезли (кстати сказать, даже и сам Изяслав Ярославич в конечном счете «помирился» со сподвижниками Илариона преподобными Антонием и Никоном, и они продолжали свою плодотворнейшую деятельность в Киево-Печерской лавре).

В заключение необходимо привлечь внимание к исключительно важному результату Ярославовой эпохи. Русское государство до правления Ярослава Мудрого существовало уже более двух столетий, и мы, конечно, много знаем об историческом величии, героике и драматизме этих столетий — от князя Кия до кагана Владимира. Но память о них дошла до нас либо в неизбежно смутных устных преданиях, зафиксированных летописцами намного позднее (правда, есть у нас еще и немало «современных» сведений о Руси IX—X веков из иноязычных, иностранных хроник и иных источников), либо в виде археологических материалов (так, ни одного целого здания не сохранилось), нуждающихся в заведомо субъективной расшифровке. Между тем русская культура (в самом широком значении слова), дошедшая до нас от эпохи Ярослава,

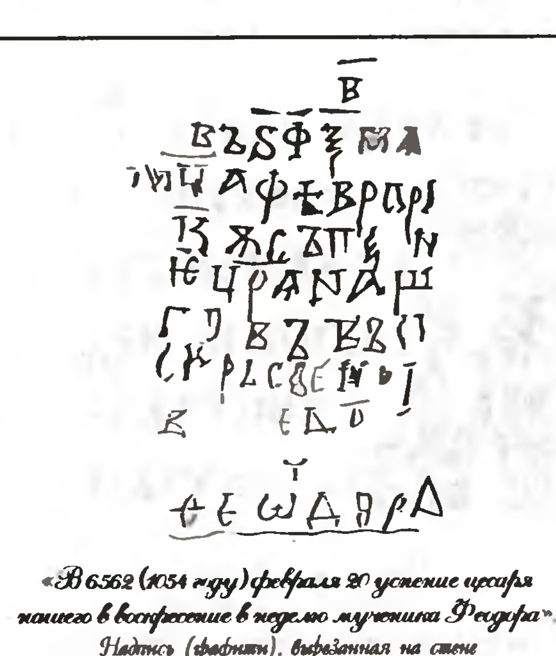
представляет собой и всецело очевидное, и сохраняющее свою непревзойденную ценность наследие, то есть она полновесно существует и с е г о д н я, сейчас. Это и собор Святой Софии в Киеве, и Новгородская София (которая, в отличие от Киевской, дошла до нас в почти первозданном виде), и целый ряд других творений зодчества, это и ценнейшие фрески и мозаики, это проникновенное «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и восходящие непосредственно к эпохе Ярослава элементы киевских и новгородских летописей, и т. д.

Продолжающееся доныне полноценное бытие созданной при Ярославе Мудром русской культуры — самое яркое, пожалуй, проявление сущности этой эпохи, первой подобной эпохи в истории Руси-России. Притом — повторю еще раз — культура, сотворенная во времена Ярослава, вне всякого сомнения, обладает и сегодня непревзойденной ценностью. И поскольку неоспорима громадная роль самого Ярослава Мудрого в сотворении этой культуры, он по праву может быть назван одним из величайших с о з и д а т е л е й России.

Младший современник Ярослава — возможно, это был преподобный Никон Великий — писал о нем, в частности, так:

«Отец... бо его, Володимеръ, землю взора (взорал — вспахал) и умягчи, ректе (то есть) Крещеньемъ просветивъ. Съ (сей) же насея книжными словесы сердца верныхъ людий... Се бо суть реки, напояюще Вселеную, се суть исходища (источники) мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина...»

И государственное строительство, и творчество культуры в эпоху Ярослава Мудрого имеет непреходящее значение еще и в том смысле, что после всех тяжких испытаний и очень резкого подчас упадка страны (особенно в годы монгольского нашествия) сохранялся так или иначе — пусть хотя бы в самой глубине исторической памяти — некий первообраз великой Руси XI века, взывающий к своему восстановлению, воскрешению. И он, этот первообраз, действительно воскресал и в эпоху Ивана III Великого, и — после Смуты — в эпоху Михаила Федоровича Романова. Взывает он к нам и сегодня...



«В 6562 (1054 году) февраля 20 успение цесаря нашего в воскресение в неделю мученика Феодора».
Надпись (графити), вырезанная на стене Святой Софии в Киеве, после кончины Ярослава Мудрого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О месте этого события идут споры: так, Н. Н. Лисовой полагает, что оно произошло в Десятинной церкви, а согласно версии Д. С. Лихачева — в соборе Святой Софии; но наиболее убедительна приведенная здесь версия тщательного исследователя творчества митрополита Илариона — Н. Н. Розова (см. его работу в пражском журнале «Slavia» № 2 за 1963 г.).
2. Считается, что Иларион стал митрополитом только в 1051 году; однако есть и другая, более правдоподобная точка зрения, согласно которой это произошло еще в первой половине 1040-х годов (см. ниже).
3. «Твоему благоверию положения» — положенного (то есть уже заложенного) твоего благоверия; «не казяща, но учиняюща» — не искажающего, но делающего все согласно «чину» (то есть порядку, установленному предшественником); «иже недокончеиая» — то, что недокончено.
4. См.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XI. Л., 1979. С. 222—237.
5. Русские летописцы при подсчете количества лет, прошедших от одной даты до другой, включали в сумму и первый, и последний годы, так что сумма оказывалась на один год больше действительной (см. об этом, например: Рапов О. М. Русская церковь в IX—первой трети XII в. М., 1988. С. 223—224).
6. См.: Краткие сообщения института истории материальной культуры. Т. VIII. 1940.
7. Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в.// В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 150.
8. См. об этом подробно главы моего сочинения «История Руси и русского Слова» в журнале «Наш современник». 1992. № 10—12.
9. См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 212.
10. См. об этом мое сочинение «Путь Руси из Киева во Владимир» в «Журнале Московской патриархии», № 1 (С. 92—96); № 2 (С. 24—29) за 1993 г.
11. См.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960. С. 390—391.
12. См.: Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха.// «Византийский временник». Вып. XXVIII. 1968. С. 127—135; она же. Русско-византийские отношения середины XI века.// «Вопросы истории». 1972. № 3. С. 51—62; Литаврин Г. Г. Война Руси против Византии в 1043 г. Исследования по истории славянских и балканских народов. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. № 3. С. 108—124; Поппе Анджей. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в.//История СССР. 1970. № 3. С. 108—124.
13. Пселл Михаил. Хронография. М., 1978. С. 61 и др.
14. См. вышеуказанную работу В. Г. Брюсовой о происхождении Владимира Мономаха.
15. «Альманах библиофила». Вып. 26. С. 232.
16. Брюсова В. Г. Когда и где был поставлен митрополит Иларион // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 1. XI—XIV века. М., 1989. С. 40—51.

АННА ГЕЙФМАН

«УБИЙ!»

Анна Аркадьевна Гейфман — профессор Бостонского университета (США), специалист по русской истории начала XX века. В середине 70-х вместе с родителями покинула СССР. Получила историческое образование в Бостонском университете и аспирантуре Гарварда. Ее научным руководителем был известный американский советолог Ричард Пайпс (подробнее о нем см: Родина. 1993. № 2). Среди ее исследовательских интересов особое место занимает история российского революционного террора.

Масштабность революционного террора в России первого десятилетия XX века очевидна даже при всей неполноте статистических данных. Это явно указывает на то, что революционные террористические акты и экспроприации были в то время воистину массовым явлением. В течение года, начиная с октября 1905 года, 3611 чиновников всех рангов было убито и ранено по всей империи[1]. Даже созыв Первой Государственной думы в апреле 1906 года не положил конец террористической деятельности, которая, наряду с различными формами массового революционного движения, продолжала мучить Россию в течение 1906—1907 годов. К концу 1907 года общее число убитых или раненых чиновников приблизилось к 4500[2]. Картина становится еще более ужасающей, если принять во внимание тот факт, что при совершении террористических актов в период 1905—1907 годов было убито еще 2180 частных лиц и ранено 2530 — это увеличивает цифры до **9000** пострадавших в эти годы[3].

«Разобранный разрывной снаряд, по типу которого изготовляли таковые анархисты-коммунисты в г. Одессе в 1904 и 1905 гг.». Из фонда Департамента полиции. Музей криминалистики.

Подробная полицейская статистика показывает, что, несмотря на общий спад революционной волны, к концу 1907 года теракты продолжались практически с такой же интенсивностью, как и во времена разгула революционной анархии 1905 года: по одной из оценок, террористы в среднем убивали и ранили до 18 человек ежедневно[4]! С начала января 1908 года до середины мая 1910 года авторитетные источники отмечают 19 957 случаев терактов и экспроприаций, в результате которых было убито 732 чиновника и 3051 частное лицо, а ранено, соответственно, 1022 и 2829. Всего в этот период по всей империи пострадало от террористов **7634** человека[5].

Оценивая число пострадавших в ту революционную эпоху, необходимо принимать во внимание не только более ранние случаи политических убийств (до 1905 года), но и те, что имели место в 1910—1911 годах, достигнув кульминации в заключительном крупном акте антиправительственного террора — фатальном убийстве премьер-министра Столыпина 1 сентября 1911 года. Вплоть до 1916 года источники отражают существование террористических заговоров. В общем хаосе революции многие теракты на местах вообще остались незарегистрированными и не попали ни в официальную статистику, ни в подсчеты радикалов. Так что правомерно предположить, что число жертв революционного террора за десятилетие 1901—1911 годов приближается к 17 тысячам человек.

Приведенные цифры не отражают того экономического ущерба, который был нанесен в результате экспроприаций — политически мотивированных ограблений, ставших с 1905 года источником постоянного беспокойства правительственных кругов. По словам либерального журналиста, такие ограбления ежедневно происходили «в столицах, провинциальных городах и городках, в селах, на дорогах, в поездах, на кораблях... [Экспроприаторы] овладевали суммами в десятки тысяч, но не брезговали и несколькими рублями»[6].

За один месяц — октябрь 1906 года — в империи было осуществлено 362 политически мотивированных ограбления, а за один день — 30 октября — Департамент полиции получил 15 докладов об «эксах» в различных государственных учреждениях. Согласно подсчетам министра финансов, только с начала 1905-го до середины 1906 года революционный разбой стоил имперским банкам более миллиона рублей[7].

В течение года, начиная с октября 1905-го, произошло **1951** «революционное» ограбление; 940 из них было направлено против государственных и частных финансовых учреждений. В 1691-м из этих случаев революционеры успешно скрылись и вообще не понесли наказания, что не могло не оказать влияния на увеличение числа широкомасштабных экспроприаций: сумма экспроприированных денег оценивается **в 7 000 000 рублей**[8].

Так же как и политические убийства, экспроприации продолжались в стране даже после того, как правительственные меры стали давать заметные результаты. При этом они все больше теряли связь и с политической ситуацией, и с затухающим массовым движением. В двухнедельный промежуток между 15 февраля и 1 марта 1908 года около 448 000 рублей перешли в руки радикалов[9].

Со временем экстремисты приобрели опыт и навыки, позволяющие им во многих случаях захватывать сотни тысяч рублей за один акт[10]. После дерзкого ограбления почтового поезда на маленькой станции Безданы на линии Петербург—Варшава (14 сентября 1908 года) польские террористы благополучно скрылись с суммой более чем в 2 миллиона рублей[11].

Государственные и частные финансы страдали также и в результате психологического урона, причиняемого экспроприациями населению. Многие сочли ненадежным делом вкладывать свои сбережения в какие бы то ни было финансовые учреждения. Страх отразился в популярной шутке: воображаемый «Новейший энциклопедический словарь» дает такое определение слову «банк»: «В старое время — место для надежного хранения ваших денег»[12].

Когда активность экспроприаторов усилилась, для простых граждан стало не менее опасным держать свои деньги дома. Огромные цифры государственных капиталов, экспроприированных после 1905 года, должны быть увеличены на сотни тысяч рублей, конфискованных радикалами у частных лиц якобы для политических целей.

В XIX веке каждый акт революционного насилия воспринимался как сенсация. После 1905 года террор стал настолько широко распространен, что многие местные газеты прекратили публиковать детальные отчеты о каждом нападении. Вместо этого в прессе появился новый раздел, посвященный исключительно криминальной хронике с публикацией ежедневных перечней политических убийств и экспроприаций по всей стране[13]. После 1905 года террор стал частью повседневной жизни России. По признанию самих радикалов, массовый психоз развился в настоящую «эпидемию боевизма»[14].

Эта эпидемия была более заметна на окраинах империи. Волной кровопролития и анархии был особенно поражен Кавказский регион. Местные представители царской администрации доказали свою неспособность контролировать ухудшающуюся ситуацию в городах и селениях, где экстремистские брошюры и листовки пользовались широким спросом, ежедневно проводились массовые антиправительственные митинги, а радикалы собирали грандиозные средства на революционные цели — все это абсолютно безнаказанно. Необычным было встретить на улице невооруженного человека. Государственные органы безопасности были бессильны против боевых организаций, чьи члены даже не пытались скрывать свою личность или род занятий. Ограбление, вымогательство и убийство стали едва ли не более обыденным делом, чем дорожное происшествие[15].

Из книги: THOU SCHALT KILL. Revolutionary terrorism in Russia. 1894—1917. Princeton, New Jersey, 1993.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Alfred Levin. The Second Duma. A study of the Socialist-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. New Haven,Conn., 1940, 21n. Неполные цифры за период с октября 1905 по март 1906 года приведены Виктором Обнинским в кн.: Полгода российской революции. М., 1906. С. 152—158.
2. Таганцев Н. С. Смертная казнь. СПб., 1913. С. 42.
3. Там же. Несколько иные цифры представлены Л. Страховским (The Statesmanship of Stolypin: A Reappraisal//Slavonic and East European Review, 37.1957—58. С. 42.): 738 служащих и 645 частных лиц было убито в течение 1906 года и, соответственно, 948 и 777 человек ранено. В 1907 году не менее 1231 служащего и 1734 частных лиц убито и 1284 служащих и 1734 частных лица ранено. Это число в 9125 жертв близко к округленным цифрам Левина и Таганцева (9200). Если учесть, что подсчеты Таганцева могли включать случаи убийств, не имеющие отношения к политике, а подсчеты Страховского следует увеличить на цифры 1905 года, особенно его последних месяцев, то число в **9000** пострадавших от террористов в 1905—1907 годах представляется приемлемым. Стоит привести для сравнения явно неполную статистику П. А. Кропоткина — 7148 жертв с октября 1905-го по конец 1907 года (The Terror in Russia. An appeal to the British nation. London, 1909.)
4. Смертная казнь в России остается?//Новое время. 1910. 22 января.
5. Полицейский рапорт от 16 мая 1910 года//Архив заграничной агентуры Департамента полиции (Okhrana collection). Hoover Institution Archives, Stanford, California (далее Okhrana), XXIVi-2m. Весьма схожие цифры представлены в недатированной полицейской записи с французским заголовком «Hors la Loi», p. 9 (Okhrana). Занижены цифры в упоминавшейся статье «Смертная казнь в России остается?», а также в статье «Годы реакции»//Красный архив. 1925. № 1(8). С. 242.
6. Вестник Европы. 1907. № 8. С. 842.
7. Воля, № 89 (10(23) декабря 1906 года)//Архив партии социалистов-революционеров. International Institute of Social History, Amsterdam (далее ПСР), 7—592.
8. ПСР, 4—346.
9. Там же. Возможно, эта цифра включает не только политически мотивированные экспроприации.
10. См., например, полицейские рапорты от 17.03.1909 (Okhrana, XXVc-1) и 16.05.1910 (Okhrana, XXIVi-2m).
11. W. Laquer. Terrorism. Boston—Toronto, 1977. P. 105.
12. Водоворот. 1906. № 6. С. 12.
13. Некоторые либеральные публицисты выступали против такого безразличного отношения к ежедневному кровопролитию (см., например. Вестник Европы. 1906. № 12. С. 886).
14. Локерман А. По царским тюрьмам//Каторга и ссылка. 1926. № 25. С. 179; Нестроев Г.Из дневника максималиста. Paris, 1960. P. 74.
15. Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины//Красный архив. 1929. № 34. С. 188, 191.

ОТ РЕДАКЦИИ

А. С. Изгоев писал, что во времена П. А. Столыпина «ценность человеческой жизни, никогда в России высоко не стоявшая, упала еще значительно ниже». Раньше скрупулезный подсчет жертв производился исключительно с одной стороны; во всем обвиняли «столыпинский террор». В этой связи небезынтересно сравнить данные А. Гейфман со статистикой смертных казней в России, достоверность которой признается большинством современных историков (см., например: П. Н. Зырянов. Петр Столыпин. Исторический портрет. М., 1992. С. 36.). За восемь месяцев (август 1906 — апрель 1907) военно-полевые суды вынесли смертный приговор 1102 человекам; в 1906 году в России было казнено 144 человека, в 1907 — 1139, в 1908 — 825, в 1909 — 717 человек, то есть всего за 1906 — 1909 годы — 2825 человек; затем кривая государственных убийств круто пошла вниз.

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

«Слово и дело» императрицы

Незнакомые герои 1812 года

Хасбулатов – советский человек

ВЯЧЕСЛАВ ЮРЧЕНКО

МЯТЕЖ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ИЗ МОСКВЫ, 25 МАЯ. 23 ЧАСА. САМАРА, Ж/Д,
ВСЕМ СОВДЕПАМ ПО Ж/Д ЛИНИИ ОТ ПЕНЗЫ ДО ОМСКА.
ВСЕ СОВЕТЫ ПОД СТРАХОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОБЯЗАНЫ НЕМЕДЛЕННО РАЗОРУЖИТЬ
ЧЕХОСЛОВАКОВ. КАЖДЫЙ ЧЕХОСЛОВАК, КОТОРЫЙ БУДЕТ НАЙДЕН ВООРУЖЕННЫМ
ПО ЛИНИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, ДОЛЖЕН БЫТЬ РАССТРЕЛЯН НА МЕСТЕ,
КАЖДЫЙ ЭШЕЛОН, В КОТОРОМ ОКАЖЕТСЯ ХОТЯ БЫ ОДИН ВООРУЖЕННЫЙ,
ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЫГРУЖЕН ИЗ ВАГОНОВ И ЗАКЛЮЧЕН В ЛАГЕРЬ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ.
МЕСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМИССАРЫ ОБЯЗУЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО ВЫПОЛНИТЬ ЭТОТ ПРИКАЗ,
ВСЯКОЕ ПРОМЕДЛЕНИЕ КОТОРОГО РАВНОСИЛЬНО БЕСЧЕСТНОЙ ИЗМЕНЕ И ОБРУШИТ
НА ВИНОВНОГО СУРОВУЮ КАРУ. ОДНОВРЕМЕННО ПОСЫЛАЮТСЯ В ТЫЛ ЧЕХОСЛОВАКАМ
НАДЕЖНЫЕ СИЛЫ, КОТОРЫМ ПОРУЧЕНО ПРОУЧИТЬ НЕПОВИНУЮЩИХСЯ.
С ЧЕСТНЫМИ ЧЕХОСЛОВАКАМИ, КОТОРЫЕ СДАДУТ ОРУЖИЕ И ПОДЧИНЯТСЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, ПОСТУПАТЬ КАК С БРАТЬЯМИ И
ОКАЗЫВАТЬ ИМ ВСЯЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ...
НАСТОЯЩИЙ ПРИКАЗ ПРОЧЕСТЬ ВСЕМ ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ЭШЕЛОНАМ И
СООБЩИТЬ ВСЕМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМ ПО МЕСТУ НАХОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКОВ.
КАЖДЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАР ДОЛЖЕН ОБ ИСПОЛНЕНИИ ДОНЕСТИ.
№ 377. НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ Л. ТРОЦКИЙ.

«На средней Волге и в Сибири происками англо-французов был организован мятеж чехословацкого корпуса... Мятеж корпуса послужил сигналом к мятежу кулачества на Волге и в Сибири и эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах».

История ВКП(б). Краткий курс. М., 1955. С. 217.

«В конце мая вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, который стал сигналом и опорой для объединения всех антисоветских сил на востоке страны и положил начало регулярной гражданской войне...»

Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991. С. 53.

Из-за ножки от печки?

14 мая 1918 года в Челябинске из вагона следовавшего в Омск железнодорожного эшелона с беженцами и австро-венгерскими военнопленными была брошена чугунная ножка от печки. Она попала в голову чешского солдата Ф. Духачека, который ремонтировал фургон на платформе. От сильного ушиба он потерял сознание. Тогда чехословацкие солдаты остановили эшелон, отцепили от него три вагона с военнопленными, вывели их наружу, девятерых избили и ранили, а одного — Иогана Малика, на которого как на виновника броска злополучной ножки указал один из избитых, — убили.

17 мая созданная местным Советом комиссия арестовала 10 чехословацких солдат, участников убийства Малика. Командование эшелонов 3-го и 6-го полков чехословацкого корпуса выслало в Совет депутацию с требованием немедленно освободить арестованных, а в подкрепление своих требований чехословаки начали захват ключевых пунктов города.

На следующий день Совет освободил арестованных, и чехословаки покинули город. История с чугунной ножкой, казалось, благополучно завершилась[1].

Чехословацкий корпус — кто, откуда и почему?

После поражения в битве на Белой горе в 1620 году Чехия, а к концу XVII века и Словакия оказались под властью австрийских Габсбургов. Не прекращавшиеся никогда попытки и надежды освободиться из-под власти габсбургского скипетра оживились с началом первой мировой войны.

В 1915 году в Париже представителями различных чехословацких политических группировок национально-либерального толка был создан единый руководящий орган — Чешский комитет действия, переименованный позднее в Национальный совет чешских и словацких земель (Чехословацкий национальный совет)[2]. Председателем совета стал известный политический деятель профессор философии Пражского университета Т. Масарик, заместителем — Й. Дюрих, секретарем — ближайший сотрудник Масарика Э. Бенеш. Вновь созданный орган фактически взял на себя представительство интересов всех чехов и словаков перед странами Антанты. Стремясь увеличить свой политический вес, Национальный совет выступил с идеей создания собственных воинских частей из находившихся в России чехов и словаков.

К началу войны в России проживало около 100 тысяч чехов и словаков. Еще осенью 1914 года по просьбе чешских колонистов была создана Чешская дружина в количестве 903 добровольцев.

В ходе боевых действий русские войска захватывали в плен все больше чехов и словаков. Первоначально царское правительство весьма скептически относилось к планам расширения чехословацких воинских частей, предпочитая помещать пленных в лагеря. Однако осенью 1915 года оно наконец согласилось на пополнение Чешской дружины военнопленными, количество которых непрерывно увеличивалось. В начале 1916 года дружина была переформирована в чехословацкий стрелковый полк, с апреля началось формирование стрелковой бригады, а 26 сентября генерал Н. Н. Духонин разрешил официально сформировать отдельный чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады. Командиром корпуса назначили русского генерала В. Шокорова, начальником штаба — также русского генерала М. Дитерихса. Общая численность корпуса составляла около 30 тыс. человек. Дислоцировались его войска на Украине.

Корпус состоял преимущественно из военнопленных. Большая его часть была весьма далека от «черносотенных» настроений русского офицерства. Даже среди командного состава было много социалистов демократического толка.

Тогда же при поддержке западных союзников перед русским командованием был поставлен вопрос о переброске чехословацких частей во Францию для участия в боевых действиях против Германии. В мае 1917-го русский генштаб по ходатайству министра вооружения Франции Альбера Тома дал на это свое согласие. В сентябре Масарик вновь просил Временное правительство перебросить чехословаков на Западный фронт, начав отправку с конца сентября через Архангельск.

В ночь на 8 ноября власть в Петрограде захватили большевики.

Как братьев славян в Днепре утопить хотели

В конце ноября 1917 года в Яссах на совещании с участием некоторых представителей Антанты, белых, румынского командования представитель чехословацкого корпуса Черженский сообщил, что в принципе тот может быть использован против большевиков, однако это потребует решения ряда предварительных вопросов, и конечное решение остается за «вождем» — Масариком. Последний же, отнюдь не питавший симпатий к большевикам, охотно шел на контакт с представителями различных антибольшевистских организаций, выражал им поддержку. Однако в декабре 1917-го составил подробную директиву, в которой ясно заявил: в случае выхода России из войны корпус будет вывезен во Францию.

15 января филиал Национального совета провозгласил чехословацкие вооруженные силы в России *«составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции»*[3]. Корпус полностью перешел на содержание союзников. *«Первые деньги, — вспоминал Масарик, — я получил в Киеве от англичан... 80 тыс. фунтов стерлингов. В Москве, с французской миссией... все вопросы, как финансовые, так и продовольственные, были разрешены в положительном смысле»*[4].

18 февраля Масарик заявил членам президиума Национального совета, что им и французскими дипломатическими представителями окончательно решен вопрос о финансировании корпуса и переброске его на Западный фронт. *«Французы, — информировал Масарик, — приняли решение: дать нам эти деньги и призвать нас, чтобы мы тотчас отправились во Францию. Путь — через Владивосток (на Мурманск — дорога не в порядке, Архангельск замерз до мая)»*[5].

Если Антанта теперь вынуждена была взять чехословаков на полное содержание, то большевиков судьба корпуса поначалу мало интересовала. На заседаниях ЦК вопросы, связанные с корпусом, не обсуждались ни разу. 10 февраля в Киеве (в районе которого были сосредоточены части корпуса) чехословаки заключили соглашение с местным большевистским главкомом М.А. Муравьевым о свободном пропуске во Францию. 2 марта части корпуса получили приказ покинуть территорию Украины и сосредоточиться в районе Льгов — Курск с целью дальнейшего движения через Челябинск во Владивосток. В Омске предполагалось сформировать второй корпус, после чего вывезти все войска морем во Францию. Уходя из Киева, части корпуса приняли жестокий арьергардный бой с немцами.

Для реализации задуманного плана корпусу предстояло пересечь с запада на восток огромную территорию. Такая перспектива не вызывала энтузиазма у большевистского руководства районов, расположен-

ных на пути движения эшелонов с корпусом. Так, уже в марте в Курске пытались задержать их движение. Центросибирь требовала вывезти корпус через Архангельск. В середине марта чехословацкое руководство офицеров обратилось в Совнарком с просьбой отправить части корпуса во Францию. Тогда же в Москве состоялось специальное заседание Высшего военного совета, на котором кроме его членов присутствовали Г. Чичерин и Ф. Дзержинский. Решался единственный вопрос — что делать с чехословаками. Утопить их в Днепре, если не будет другого выхода, «весьма недвусмысленно» предлагал военный руководитель военного совета генерал М. Бонч-Бруевич. Его поддержали некоторые военспецы — бывшие офицеры[6].

В конце концов решено было подарить чехословакам жизнь. 26 марта Сталин по поручению СНК передал в Пензу, что чехословакам в случае их полного разоружения будет разрешено следовать до Владивосток. Филиал Национального совета этого требования большевиков (правда, после достаточно жаркой дискуссии) принять не смог. СНК пошел на уступки и в тот же день передал через Сталина новые условия: *«чехословаки продвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров»* (на 1000 чел. 100 винтовок и 1 пулемет). Все эшелоны ставились под строгий контроль комиссаров[7].

Чехословаки формально приняли условия большевиков — официально 27 марта по корпусу был издан приказ о демобилизации и сдаче оружия. Однако корпус всеми способами старался сохранить себя как военную организацию.

5 апреля Япония высадила небольшой десант во Владивостоке. Большевистское руководство посчитало это достаточным основанием для разрыва только что установленного соглашения с корпусом. 9 апреля из Москвы в Красноярск было отправлено подписанное Сталиным разъяснение, фактически отменявшее прежнее соглашение. Новые условия большевиков — полное разоружение чехословаков и проезд их во Владивосток мелкими группами. Большевики, очевидно, хотели тем самым раздробить корпус, однако на деле его эшелоны растягивались вдоль всей железнодорожной магистрали. Большевики не подозревали, что устраивают себе ловушку...

13 апреля головные эшелоны достигли Иркутска. Неопределенность дальнейшей судьбы усиливала напряженность в полосе следования корпуса. Обстановка накалялась с каждым днем.

Превращение большевистской России в своеобразного невоюющего союзника Германии подтолкнуло премьеров и министров иностранных дел стран Антанты принять на совещании 15 марта решение о непризнании Брестского мира и необходимости вмешательства во внутренние дела России.

В новой ситуации чехословацкий корпус превращался в возможный авангард союзнической интервенции. Следует отметить, что к этому времени в руководстве филиала Национального совета произошли важные изменения. В начале марта Масарик, считая свою миссию в России выполненной, уехал в США. После его отъезда резко возросла роль И. Клецанды (именно он вел переговоры с большевиками в конце марта), который считал необходимым участие корпуса в борьбе с большевиками. 31 марта он направил из Москвы президиуму филиала Национального совета письмо, в котором сообщил, что намеревается завтра *«пойти к англичанам»*, чтобы выяснить, *«как обстоит дело с английским десантом в Архангельске и считаются ли они с активной или пассивной поддержкой возможной реконструкции правительства»*[8]. Однако буквально накануне (30 марта) английское военное министерство сообщало в министерство иностранных дел: *«Было бы гораздо разумнее разрешить чехам остаться в России, где их присутствие может оказаться весьма полезным»*[9]. Было предложено три варианта возможного использования корпуса: для формирования второго корпуса в Омске, для переброски в Архангельск и его защиты и для действий в Забайкалье совместно с Семеновым. На следующий день военное министерство передало через французское правительство эти предложения Национальному совету.

В руководстве чехословаков продолжались колебания и разногласия. Масарик впоследствии признавал, что в конце концов присоединил бы корпус *«к любой достаточно сильной армии, чтобы вступить в борьбу с большевиками и немцами во имя демократии»*[10]. Однако рядовой состав корпуса, вспоминал Грэвс, не желал вмешательства в гражданскую войну и сражался с большевиками только потому, что чехословаки *«представляли их себе агентами Германии или Австрии и полагали, что большевики мешают им при осуществлении их стремлений»* — создать независимое государство[11].

«Они (чехословаки), — вторит Грэвсу Локкарт, — *не любили царского режима, который отказывался признать их как самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социалистам-революционерам. Они не могли дружно работать с царскими офицерами, составлявшими основные кадры в армиях антибольшевистских генералов»*[12].

Однако руководство союзников решило иначе. *«Наша армия в России*, — свидетельствовал Э. Бенеш, — *являлась для союзников просто пешкой на шахматной доске, причем весьма весомой. Мы не могли сами решать, проводить интервенцию или не проводить»*[13]. Участие в интервенции рассматривалось также своего рода платой союзникам за помощь в создании чехословацкого государства.

Лишь в мае были намечены примерные задачи корпуса в случае интервенции. 16 мая английское министерство иностранных дел сообщило консулу во Владивостоке, что корпус *«может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников, если она осуществится»*[14]. 18 мая французский посол в России Нуланс сообщил военному представителю при корпусе майору Гинэ, что *«союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии»*[15].

Итак, интервенция планировалась на конец июня. Однако «мятеж» начался месяцем раньше. Почему? Разгадку, как нам представляется, следует искать во внутреннем положении государства, которое в мае 1918 года даже не имело еще закрепленного Конституцией названия.

«Триумфальное шествие Советской власти» — краткие итоги

В результате «сплошного триумфального шествия Советской власти» образовался невиданный в истории колосс на глиняных ногах — столь же огромный, сколь и слабый. Практически все социально-экономические эксперименты большевиков вели к одному — развалу экономики, обнищанию и озлоблению населения. Советник германской миссии в Москве К. Рицлер в пространном коммюнике от 4 июня дает колоритную картину итога полугодового правления большевиков: *«За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевистский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями. Все это само по себе еще не так плохо (?!), но теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латышских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться, не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать тонущий корабль...»*[16]

Если иной читатель не сочтет возможным согласиться с оценкой, данной «классовым противником», то ему полезно будет узнать точку зрения доктора исторических наук В.И. Старцева, убежденного ленинца, который нехотя признал, что *«в случае свободных выборов весной 1918 г. большевики провалились бы полностью... Только постоянный приток валюты* (германской. — В.Ю.) *давал возможность центральной власти в Москве удержаться независимо от коллапса всей старой России»*[17].

«Коллапс» — точнее не определить ситуацию на местах весной 1918 года. Ее легко проследить на примере территорий, ставших ареной будущего чехословацкого «мятежа» — Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Выборы в Учредительное собрание большевики в Сибири проиграли «вчистую». Это и неудивительно: Ленин называл Сибирь краем *«крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму»*[18]. Но даже в Симбирске (в Поволжье большевики пользовались большим влиянием) их на выборах опередили не только эсеры, но и кадеты. В поволжских Советах велико было влияние меньшевиков и эсеров. Впрочем, с теми Советами, которые пытались всерьез взять «всю власть», большевики не церемонились. В марте они незаконно «заменили» неугодных им депутатов самарского Совета, а власть в городе фактически передали в руки «ревкома». Лишь Урал был оплотом большевиков, его партийная организация уступала по численности только петроградской и московской. Однако к лету многие уральские рабочие также разобрались «кто есть кто» и встретили приход чехословаков антибольшевистскими восстаниями.

Система органов большевистской власти была лучшим примером несостоятельности таковой. Многочисленные «Областные объединения Советов» (Уральское, Среднего и Нижнего Поволжья, Среднесибирское, Центросибирь, Восточно-Сибирское, Дальневосточное) вместо реального строительства органов власти были заняты в основном дележом «сфер влияния». Центросибирь, например, считая такой сферой всю территорию Западной, Восточной Сибири и Дальнего Востока, едва контролировала лишь Восточную Сибирь. Между тем местные Советы и партийные организации были довольно независимы как от «областных объединений», так и от центра. *«Идея власти на местах*, — сокрушался позднее Троцкий, — *приобрела в первый период чрезвычайно хаотический характер»*[19].

Сколь-нибудь реальными вооруженными силами на вышеуказанных территориях большевики не располагали. Красная Армия в этот период существовала главным образом на бумаге. Когда же крестьяне и казаки какой-либо области поднимали «мятеж» (что случалось нередко), против них бросались собранные «с бору по сосенке» отряды, громко именовавшиеся «фронтами». Центральные военные органы не только не руководили ими, но вообще имели о них весьма слабое представление.

В этой катастрофической ситуации большевики в мае — июне начинают принимать меры, которые на первый взгляд выглядят самоубийственными. Объявление «крестового похода» в деревню, создание комбедов, разгон собраний уполномоченных фабрик и заводов, расстрел рабочей демонстрации в Колпино, «исключение» из ВЦИК и местных Советов меньшевиков и эсеров — все это могло иметь (и имело) лишь один результат — резкое обострение и без того катастрофической ситуации в стране. Понять логику этих действий невозможно, если подходить к большевикам с мерками для обычных политических партий. Но большевики были не партией, а «орденом меченосцев», для которого состояние войны было наиболее естественным. Лишь в сверхэкстремальных ситуациях большевистская партийная машина действовала наиболее эффективно.

Возможно, руководители большевиков полуосознанно-полуинстинктивно пришли к парадоксальному для всех, но естественному для них выводу: резкое обострение гражданской войны, самоощущение «сражающейся партии», беспощадная борьба на уничтожение со всеми потенциальными противниками — единственный способ и шанс удержать власть. Выступая на III Всероссийском съезде Советов (январь 1918 г.), председатель СНК объявил: «На все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, что ни одно правительство провозгласить не могло... Да, *мы начали* (курсив мой. — *В.Ю.*) и ведем войну против эксплуататоров»[20]. В еженедельнике «Красный меч», выпускавшемся политотделом особого подразделения ЧК Украины, вождь был еще более резок: «Кровь? Пусть льется кровь, если лишь она может раскрасить серо-бело-черное знамя старого пиратского мира в багровый цвет...»[21].

Приказываю: спровоцировать мятеж...

Если наша гипотеза верна, то чехословацкому корпусу, который, по выражению Локкарта, «как змея» протянулся от Волги до Сибири, отводилась особая роль в планах не только союзников, но и большевиков. Именно эта «змея» могла отравить страну ядом гражданской войны.

К концу мая 63 эшелона с частями корпуса растянулись вдоль железнодорожной магистрали от станции Ртищево (район Пензы) до Владивостока, то есть на протяжении около 7 тысяч километров. Основными местами скопления эшелонов были район Пензы (8—10 тыс.чел.), Златоуста — Челябинска (9 тыс.), перегон Новониколаевск—Мариинск (3250 и еще в обе стороны до Кургана и Иркутска — около 8 тыс.), Владивосток (14 тыс.). Общая численность войск корпуса, по различным оценкам, доходила до 45 тыс. Между тем по состоянию на 21 мая в пяти красных военных округах (Восточно-Сибирском, Среднесибирском, Западно-Сибирском, Приуральском и Приволжском) имелось лишь 4539 «бойцов», в какой-то мере сформированных, обученных и готовых к выступлению[22]. Ясно, что при подобном соотношении сил любые попытки дразнить «змею» могли закончиться весьма плачевно. Но именно этим несколько месяцев подряд занимались большевики, разрывая только что заключенное соглашение с корпусом, чтобы заменить его еще более унизительным. В конце апреля — начале мая корпус был взбудоражен слухами о возможном изменении маршрута и переброске части сил в Архангельск. В коллективном меморандуме военных советников при Верховном военном совете Антанты от 27 апреля действительно предполагалось части корпуса, еще не достигшие Омска, перебросить в Европу по кратчайшему пути — через Архангельск и Мурманск. 2 мая Верховный военный совет одобрил этот план. А почти одновременно, в конце апреля, Высший военный совет решил «*использовать чехословацкие эшелоны для охраны мурманского края, его побережья и мурманской железной дороги*» при гарантии, что «*чехословаки не будут использованы во вред Российской республике*»[23]. Все эти планы держались в секрете от солдат, что, естественно, приводило лишь к распространению самых невероятных слухов.

14 мая в Челябинске военные представители Англии и Франции довели до сведения некоторых чехословацких командиров планы участия корпуса в возможной интервенции (но никак не «окончательный план выступления», поскольку планы интервенции разрабатывались именно в расчете на конец июня). В те же дни, 14—17 мая, произошел инцидент в Челябинске, о котором подробно рассказывалось выше. Когда в Москве стало известно о случившемся, в ночь на 21 мая были арестованы заместители председателя филиала Национального совета П. Макса и Б. Чермак, первый из которых был известен как противник участия в интервенции. 21 мая арестованные, по требованию большевиков, отдали приказ чехословацким формированиям сдать все оружие «безо всякого исключения» официальным представителям местных Советов. Все это слишком напоминало провокацию, тем более что арест Максы резко усилил позиции редактора официальной газеты корпуса Б. Павлу, ярого антибольшевика.

В середине мая (из контекста следует, что 15-го числа) Троцкий разослал на места, в том числе челябинскому и пензенскому Советам, секретный приказ о разоружении чехословаков. Этот приказ стал немедленно известен им якобы в результате предательства[24].

К середине мая в Челябинск съехались делегаты долго откладывавшегося съезда чехословацкого корпуса. После предварительного совещания делегатов 20 мая состоялось совещание членов филиала Национального совета, командиров полков и руководителей делегаций обеих дивизий. Почти наверняка зная о намерении большевиков разоружить корпус силой, съезд принял решение оружие не сдавать и в случае необходимости пробиваться во Владивосток с боем. В созданный (взамен филиала Национального совета) Временный исполнительный комитет чехословацкой армии вошли члены упраздненного филиала И. Давид, Б. Павлу, Ф. Рихтер, Б. Завада, командир 3-го полка подполковник Войцеховский, 4-го — поручик С. Чечек, 7-го — капитан Р. Гайда и еще 4 делегата (Бем, Рочек, Плеский и Сотоларж). Чечеку было поручено командование частями в районах Пензы и Самары, Войцеховскому — в районе Челябинска, Гайде — на запад и восток от Новониколаевска. Зная об аресте Максы и Чермака и данном ими под нажимом приказе о сдаче оружия, съезд уведомил СНК, что, так как большевики не могут обеспечить свободный и безопасный проезд корпуса, решено оружия не сдавать. Намечалось привести части корпуса в боевую готовность к 27 мая. Для информации о принятых решениях участники съезда спешно направлялись в места сосредоточения эшелонов.

Наибольшую активность проявил Гайда, который сразу же после совещания отправил в Мариинск начальнику своего штаба капитану Кадлецу шифровку с приказом немедленно захватить Новониколаевск. В 7.35 утра 25 мая член исполкома мариинского Совета Колесников сообщил в Омск, что «*два эшелона чехов... наступают на город*»[25].

Войцеховский 23 мая приказал двум эшелонам 6-го полка двигаться через Омск к Владивостоку. Вечером 25 мая местные части, имевшие приказ о разоружении чехословаков, встретили эти эшелоны огнем.

Итак, в этот день, 25 мая, вспыхнули первые, слабые еще языки пламени. Если не погасить их, то хотя бы попытаться сделать это — такие действия подсказывала логика здравого смысла.

В тот же день в 23 часа из Москвы последовал «*Приказ Народного комиссара по военным делам* (Троцкого) *о разоружении чехословаков*».

Приказ был перехвачен чехословаками по телеграфу, очевидно, в момент передачи. Ответ был скорым.

Гайда, прибыв в Новониколаевск, отдал приказ своим эшелонам захватить те станции, на которых они в данный момент находятся. 27 мая он телеграфировал по всей линии: «*Всем эшелонам чехословаков. Приказываю по возможности наступать на Иркутск. Советскую власть арестовывать. Отрезать Красную Армию, оперирующую против Семенова*»[26]. Председатель Красноярского Совета, узнав о столкновениях под Мариинском, направил отряд в тысячу человек с целью «водворить порядок» и... пропустить корпус во Владивосток без дальнейших осложнений. Один из американских представителей полковник Эмерсон (для которого начавшиеся бои были полной неожиданностью) отправился в Мариинск для переговоров с чехословаками. Начштаба Гайды Кадлец сообщил ему, что выступление началось якобы по приказу из Пензы с целью захватить все города, находящиеся на пути следования корпуса[27]. Узнав об этом от Эмерсона, один из красных командиров в ужасе воскликнул: «*Франция в 24 часа захватила Сибирь!*».

Итак, «мятеж» стал фактом. Чего же хотели «мятежники»? Официальная советская историография годами тщилась доказать, будто перед корпусом ставилась задача «отрезать от Советской республики богатые хлебом районы Поволжья и Сибири», захватить вместе с другими «интервентами» и «белогвардейцами» Москву, свергнуть большевиков. Для большей убедительности эта «версия» подкрепляется банальной фальсификацией. Соответствующий пассаж (захват Москвы и т.п.) имеет ссылку на документ, относящийся к <u>августу</u> 1918 года (когда вследствие изменившихся обстоятельств подобные виды у союзников действительно появились), а не к <u>маю</u> того же года, когда планы интервенции только разрабатывались.

Однако убедительнее всего лживость версии о «походе на Москву» доказывается событиями в районе Пензы.

В конце мая группа Чечека, оказавшаяся в арьергарде корпуса, двигалась от Тамбова к Пензе. Чечек, как человек военный, прекрасно понимал стратегическую ценность плацдарма на правом берегу Волги в случае наступления на Москву. Ясно, что ему следовало бы любой ценой попытаться удержать плацдарм, тем более что его силам (5—6 тыс.) красные могли противопоставить лишь две тысячи человек при 5 орудиях. Однако Чечек повел себя весьма странно — он лишь потребовал пропустить его на восток — к Сызрани. Красные, имевшие приказ разоружить «противника», предприняли попытку (естественно, безуспешную) сделать это. Заняв Пензу 28 мая, два дня спустя Чечек ушел к Сызрани, прихватив с собой 2 броневика, присланные из Москвы. Подойдя к Сызрани, Чечек опять-таки попросил только об одном — пропустить его эшелоны на левый берег Волги. Зная о печальных результатах эксперимента по «разоружению» в Пензе, местные власти сочли за благо удовлетворить просьбу. 31 мая — 1 июня его группа ушла по сызранскому мосту на левобережье Волги.

Солдаты 1-й роты чешской бригады во время Брусиловского прорыва.

Разгадка действий Чечека проста: он двигался не на Москву, а на Владивосток, где в полном бездействии стояла достигшая его раньше других группа Дитерихса. Лишь отдельные, наиболее ретивые командиры (Гайда) уже в мае стремились «*арестовывать советскую власть*», утверждали, что «*будет образовано новое правительство*» и т.п. Первоначально предполагалось ограничить район интервенции Дальним Востоком и частью Сибири, не было, в частности, твердого намерения продвигаться западнее Байкала. Эсер Буршвит, приехавший в Пензу для переговоров

ТАК ХОРОНИЛИ ВОЖДЕЙ,

«Советский народ, все прогрессивное человечество проводили 13 марта в последний путь Константина Устиновича Черненко — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

... Красная площадь. В скорбном молчании тысячи москвичей, пришедших сюда на траурный митинг. В четком строю — части войск Московского гарнизона. Над их колоннами склонены боевые знамена».

13 марта 1985 года. ТАСС.

ТАК УХОДИЛА ЭПОХА...

Предложение читателя

ГОСПОДИНУ ПРЕЗИДЕНТУ РОССИИ
Б. Н. ЕЛЬЦИНУ

Уважаемый Борис Николаевич!
Мавзолей Ленина должен стать мавзолеем жертв революции и красного террора. Ему самое место на Красной площади. Мумия Ленина может быть погребена в земле под мавзолеем: это главная жертва революции. В стеклянном саркофаге должен покоиться прах из могильников Гулага. На стене под двуглавым орлом должны быть изображения православного креста, мусульманского полумесяца, звезды Давида и пятиконечной звезды с серпом и молотом. Вход в мавзолей должен быть свободным.

А. Николаев,
ветеран 106-й воздушно-десантной дивизии.

ВИКТОР БОНДАРЕВ

СТАЛИН и ХАСБУЛАТОВ:

ШТРИХИ К ДВОЙНОМУ ПОРТРЕТУ

СПИКЕР БЫЛ, ВИДИМО, ПОСЛЕДНИМ КРУПНЫМ ПОЛИТИКОМ, ПЫТАВШИМСЯ СПАСТИ ИМПЕРИЮ

Когда в средствах массовой информации замелькали сравнения Хасбулатова со Сталиным, то общественное мнение не возмутилось подобным сопоставлением: «демократ» (как называл себя спикер) и тиран, проливший кровь миллионов сограждан. И дело, видимо, не во внешнем сходстве: оба — кавказцы, оба — сироты, оба — на вершине политического Олимпа... А в том, что при вхождении Хасбулатова во власть удивительно точно воспроизводились стиль руководства, методы борьбы с противниками, расстановки кадров, какими Сталин пробивал себе путь к абсолютной власти. Методы, видимо, потому и похожи, что генсек и спикер ставили одинаковую цель. Но пойдем в этих рассуждениях дальше. Вряд ли Сталину власть нужна была ради власти — тщеславие далеко не главный его порок. Тогда для чего же? Для претворения в жизнь идей Маркса—Ленина? Если внимательно проследить путь вождя, в особенности последнее десятилетие правления, то станет очевидным, что коммунистическая утопия была лишь одним из средств создания сверхдержавы, которую в прошлые века назвали бы Империей. Создание советской Империи — вот для чего нужна была абсолютная власть Сталину. Спикер же пытался спасти Империю, которую создал генсек, — вот для чего и ему нужна была абсолютная власть.

ФОТО БОРИСА КРЕМЕРА

Путь в корифеи

Биография Сталина хорошо известна, особенно старшему поколению. Она была издана отдельным томом миллионными тиражами, чтобы служить настольной книгой каждому советскому человеку. За последние десятилетия историки и публицисты немало потрудились над ревизией «жития» вождя, и сегодня в массовом сознании Сталин периода прихода к власти выглядит приблизительно так: образование — ниже среднего, честолюбие — болезненное, характер — склочный. Кроме того, про Кобу известно, что он был жестоким комиссаром во время гражданской войны и всегда, в любой ситуации поддерживал Ленина. В общем — посредственность. Правда, Троцкий, характеризуя своего ненавистного врага, определил его как «гениальную посредственность». Но эти характеристики Сталина не дают ответа на вопрос: почему же генсек сумел победить своих оппонентов и создать систему, которая пережила его почти на сорок лет?

Жизненный путь Хасбулатова менее известен, но основные вехи биографии нетрудно узнать по справочникам.

Руслан Хасбулатов родился в 1942 году и в воспоминаниях детства вряд ли мог сохранить любовь к Сталину. Мало того, что в 1944 году все чеченцы были депортированы со своей родины (будущий политик вместе с родней попал в Казахстан), при высылке пропал без вести отец маленького Руслана. Сталинский режим лишил будущего спикера чуть ли не всего: родины, дома, близких, обрек на тяжелые испытания. С 15 лет он уже работал на заводе, и в дальнейшем все, чего он достигал в жизни, доставалось ему собственным горбом. Но, судя по всему, у профессора Хасбулатова к сталинскому режиму особых претензий не было, как не было и ненависти к вождю народов. Может, потому, что судьба в дальнейшем щедро вознаградила его за все испытания?

Хасбулатов учился в Московском университете на юридическом факультете. Правда, в прокуроры или адвокаты молодой чеченец не пошел. Он предпочел комсомольскую работу и экономику. Выбор вполне логичен. В обществе интерес к экономике возник не с началом рыночных реформ, а гораздо раньше, к тому же из всех преподаваемых в МГУ наук эта дисциплина с конца 60 — начала 70-х была самая «диссертабельная»: кто только не подавался в это время в экономисты — и математики, и кибернетики, и «технари», и, естественно, юристы, поскольку изобретение различного рода экономических механизмов непосредственно связано с правом. Что касается комсомола, то надо признать: Хасбулатов на этом поприще преуспел, добравшись до поста секретаря комитета МГУ.

Научная карьера будущего спикера была вполне удачной. Он в конце концов занял довольно престижную должность заведующего кафедрой. Но его научные труды не впечатляют: две диссертации (кандидатская и докторская) посвящены изучению проблем Канады. В то время как экономисты дискутировали по поводу очередного набора хозрасчетных показателей, конструировали организационно-экономические механизмы, Хасбулатов описывал государственно-монополистический капитализм Канады. Деталь: не рыночные механизмы и институты, а методы государственного регулирования экономики.

Для либерализма, который ныне в российской политике представляет и символизирует Гайдар, главным является признание саморегулирования экономики как основы всей организации общественной жизни: при этом предполагается «примат» рынка над государством, что, естественно, не означает непризнания существенной роли и государства в экономике. У Хасбулатова и его научных единомышленников позиция иная: конечно, они не отрицают необходимости рынка, но отвергают его «первичность». Диссертации, написанные будущим спикером, свидетельствуют о том, что его политическая эволюция непосредственно связана с его научными взглядами и пристрастиями: «государственник» в экономике, он стал в конце концов «державником» в политике.

Естественно, что проблемы госкапитализма, да еще канадского, для советских экономистов особого интереса не представляли, и откликов на научные труды Хасбулатов не получил. В Академию ему было явно не пробиться — ни в профессиональном, ни в административном отношении предпосылок для дальнейшей карьеры не было. На юридическом поприще он не трудился и, строго говоря, даже экономистом не был, поскольку защищал свои диссертации по политической экономии — дисциплине преимущественно идеологической, а не научной. И если бы не политическая карьера, страна и не узнала бы, что есть такой видный — каким Хасбулатов постоянно себя представлял — экономист, профессиональный юрист и крупный политолог. Слушая его высокие самооценки, легко было прийти к выводу, что себя он считает корифеем во всех областях, которыми занимается.

По-видимому, некритическое отношение к собственным интеллектуальным возможностям типично для определенного класса политиков. Как известно, Сталин при жизни был объявлен корифеем чуть ли не во всех науках, что в конечном счете привело к изменению значения этого слова в русском языке: оно получило иронический оттенок. Стоит, однако, сказать, что в одной из теоретических дисциплин генсек действительно оставил существенный след, а именно в политической экономии. Случайно ли, что Сталин и Хасбулатов фактически были «коллегами»? В какой-то мере, конечно. Правда, вклад генсека и вклад спикера несопоставимы: Сталин фактически создал политическую экономию социализма, а Хасбулатов был одним из многих то ли идеологов, то ли ученых, использовавших сталинское теоретическое наследие. Справедливости ради надо признать, что генсек неплохо потрудился и его «наука» почти еще сорок лет после смерти основателя преподавалась в вузах, правда без указания авторства. Спикер, в отличие от генсека, так и не добился признания своих научных достижений, и эта неудовлетворенность явно толкала его на получение сатисфакции на политическом поприще.

Технология власти

Каким образом Сталин сосредоточил в своих руках огромную власть — вроде бы известно. Случайно попав на второстепенный, как казалось прочим «вождям», аппаратный пост генсека, он сполна использовал возможности бюрократической машины. Будучи генсеком, Сталин фактически возглавил партийный, а по сути и всесоюзный отдел кадров. Расстановка своих людей на всех постах, постепенное устранение оппонентов, контроль, как сейчас принято говорить, над силовыми структурами, засекречивание работы аппарата, резкое ограничение роли демократических процедур в партии, использование «демократического централизма» для подавления меньшинства, политические ярлыки — вот приблизительный перечень сталинской «технологии» захвата власти.

Хасбулатов стал первым заместителем Председателя тоже случайно. Московский профессор, естественно, казался своим землякам из небольшой республики фигурой авторитетной и был избран депутатом. Никаких поступков и деяний он для этого не совершал, ничем не прославился и в Кремль пришел как рядовой представитель одного из многих российских народов. В то время ничто не предвещало ни стремительной карьеры, ни драматической развязки.

Помог случай. После того как Ельцин был избран Председателем Верховного Совета, номенклатурное большинство взяло реванш: все кандидатуры, предложенные Ельциным, были отвергнуты. Так, первым заместителем (по советской традиции он должен был представлять автономные республики) предлагалось избрать профессора Микитаева, но, поскольку его демократические взгляды были известны, ученого забаллотировали. И только после этого практически неизвестный депутатам профессор Хасбулатов (большинство просто не поняло, что его выдвинули демократы) попал на весьма высокий пост в государстве. Кстати, Хасбулатова рекомендовал, как выяснилось позже, Гавриил Попов, бывший в свое время его оппонентом на защите диссертации.

Однако случай случаем, но и от человека зависит, как он его использует. Сталин и Хасбулатов по-разному распорядились своими шансами, но начало восхождения к вершинам власти было похожим и удачным для обоих.

Без честолюбия политиков не бывает. Судьба сложилась так, что Хасбулатову вроде бы и стремиться некуда — выше только президент. Кроме того, «кавказская» национальность спикера закрывала для него даже в принципе возможность стать на самую высокую ступень. И, видимо, в начале своей карьеры Хасбулатов и не помышлял об этом. Всеми своими действиями Руслан Имранович пытался доказать, что именно он, спикер, является первым помощником и первым соратником президента. Можно предположить даже определенный психологический комплекс: Ельцин фактически был крестным отцом Хасбулатова в политике, и отношение спикера к президенту довольно долго напоминало ревность сына к отцу, который отдает предпочтение другим сыновьям. Было заметно, что разрыв с президентом давался спикеру трудно. Однако у власти свои законы, и в конце концов претензии Хасбулатова на высшую власть победили «сыновний» долг. Как тут не вспомнить отношения между Лениным и Сталиным, который, получив пост из рук вождя мирового пролетариата, фактически изолировал Ильича от мира. Так что оба ученика оказались весьма неблагодарными к своим учителям.

Политик — это особая профессия, которая требует особых качеств, в том числе и интеллектуальных. Ему необходима отличная память, хорошая реакция, он должен быстро «схватить» суть дела и адекватно среагировать, уметь четко формулировать задачу сподвижникам, находить хотя бы кажущийся выход из критической ситуации — в общем, у политика должен быть интеллект игрока. Трудно не признать, что и Сталин и Хасбулатов в борьбе с оппонентами демонстрировали изощренность политических ходов, умение «просчитать варианты» и нанести упреждающий удар. Даже предложения о самоотставке оба выдвигали в ситуациях, исход которых нетрудно было предугадать. В этом отношении все разговоры о «серости» и «посредственности» свидетельствуют о том, что люди, выступающие с подобными оценками, к политикам подходят не с теми мерками. Об уме государственного деятеля говорят не труды по политэкономии, а способность навязать свою волю, «уложить» противника, причем соблюдая те же правила игры, что и оппоненты.

Несмотря на то что спикер как ученый был достаточно зауряден, трудно отрицать, что в политической борьбе он проявлял неординарные интеллектуальные качества. Это только со стороны могло казаться, что работа у Председателя Верховного Совета простая: дал слово — не дал слово, включил микрофон — отключил микрофон. Нет, Хасбулатов держал руку на пульсе парламента умело: он всегда был в курсе обсуждаемой проблемы, ясно осознавал свои цели, отслеживал ход дискуссии, оперативно реагировал, быстро формулировал свои предложения для любого нормативного акта.

Весь период существования Верховного Совета Российской Федерации был насыщен драматическими событиями: девять съездов народных депутатов, каждый из которых представлял из себя острейшую политическую схватку, два путча и т.д. и т.п. Не раз возникали ситуации, когда каждому участнику этой политической драмы приходилось быть на пределе. И можно признать, что личного мужества у Хасбулатова было достаточно. Он нередко шел на обострение ситуации, совершал рискованные поступки, радикально менявшие ход политической борьбы. В то же время последний год своего «спикерства» Хасбулатов сам постоянно нагнетал в парламенте истерию, подхватывал и муссировал всякие слухи о заговорах, назревающих переворотах и грядущих штурмах. Это уже напоминало какую-то манию преследования, и здесь тоже напрашивается аналогия с поведением Сталина, явно одержимого в последнее время своего правления различного рода фобиями.

Хасбулатов пришел в парламент, где большинство принадлежало политическим противникам. Традиционные парламентские методы работы в этих условиях были непригодны, нужно было найти свою, особую технику и технологию борьбы за власть. Обращался ли Хасбулатов сознательно к опыту Сталина? Вряд ли в этом была необходимость: как раз перед началом своей политической карьеры он тщательно проанализировал феномен советского бюрократизма, поэтому так хорошо знал механику бюрократической машины. Были и собственные воспоминания о работе в аппарате, и жизненный опыт, и пример спикера союзного Верховного Совета, а главное — был постоянный процесс, в котором приходилось быстро учиться и искать выходы из кризисных ситуаций.

Для укрепления личной власти Хасбулатов начинает назначать на ключевые посты и должности доверенных людей. Парламент — это не только депутаты, но и большой аппарат чиновников, специалистов, консультантов, информационных и хозяйственных служб. Особенность кадровой политики Хасбулатова состояла в том, что лояльность к спикеру была главным критерием для отбора и продвижения, и всех, кто этому не соответствовал, выживали бесцеремонно.

Демократы в массе своей были из интеллигенции и чаще всего просто не годились для аппаратной работы. В результате в хасбулатовском аппарате собрались чиновники и специалисты из ЦК КПСС и обслуживавших его контор. Они принесли с собой не только чиновничий профессионализм, но и дух прежней системы с ее жесткой иерархией. Люди самостоятельные и инициативные в таком аппарате не приживались, здесь в цене были только послушные исполнители — шел «естественный» отбор. Сразу же была востребована и прежняя система «кнута-пряника»: квартиры, машины, медобслуживание и прочие льготы и привилегии. Теперь аппаратчикам снова было что терять, и ими можно было управлять жестко. Причем спикер лично контролировал назначение на любые мало-мальски существенные должности, удаляя с них тех, кто не вписывался в заведенный порядок.

Труднее с депутатами. Их нельзя ни снять, ни назначить. Здесь спикеру помогли несовершенства и дефекты нарождающегося российского парламентаризма, отсутствие необходимых экономических, социальных и прочих предпосылок для его нормального существования. Специфика организационного устройства Верховного Совета заключалась в его иерархической структуре, во всяком случае с точки зрения величины зарплаты и масштаба привилегий. Вроде бы равные по званию народного депутата члены парламента разделялись на законодателей разного сорта. Заместители спикера, председатели палат, их заместители, члены президиума, председатели комитетов, комиссий, подкомитетов — это уже депутаты более высокого ранга, нежели остальные народные избранники. Все вместе они фактически образуют уже парламентскую бюрократию, и чем выше пост, тем больше жалованье и больше привилегий. Кроме того, депутат — это человек честолюбивый: ощутив себя государственным мужем, он уже не думает о возвращении к прежней жизни, ему надо утвердиться на властном Олимпе, и те, в чьих руках находятся ключи и пропуска в элиту, пользуются этим в своих целях.

Нельзя сказать, что Хасбулатов мог по собственному желанию назначить или уволить кого угодно из парламентских «начальников», но механизмы для управления бюрократической машиной у него были. Например, от председателя зависело, какие законопроекты ставить на обсуждение, какие — нет. В результате для одних комитетов и их руководителей открывалась «зеленая улица», а перед другими постоянно возникал закрытый «шлагбаум». Даже если они и прорывались на трибуну, всегда можно было создать соответствующую атмосферу и похоронить любой документ из-за его действительных или мнимых недостатков. Естественно, что не преуспевшие в законотворчестве парламентские руководители становились претендентами на снятие с должности с вполне благопристойной формулировкой — за бездеятельность. И это самый «невинный» способ контроля над парламентской бюрократией. А в общем, стиль Хасбулатова один из его коллег, Александр Починок, охарактеризовал следующим образом: «В чем он гениален — последовательно, поштучно расправлялся с каждым депутатом: кого уничтожал, кого выдавливал, кого покупал. Поштучная шла работа...»

Стоит сказать, что задачу создания режима личной власти Хасбулатов решал в более сложных условиях, чем это делал Сталин. Должность спикера похожа на должность генсека, но возможностей все-таки было намного меньше, самое главное — не было реального контроля над силовыми структурами, механизмов подчинения органов исполнительной власти. Региональные Советы, хотя и поддерживали Верховный Совет, зачастую не могли реализовывать его решения из-за противодействия президентских структур на местах. И тем не менее Хасбулатову удалось превратить Верховный Совет в своеобразный ЦК советской власти.

К особой политической технике Хасбулатова можно отнести и его специфическую манеру общения с депутатами и политическими противниками. Ее отличительными чертами был спокойный, иногда даже меланхолический тон и регулярные оскорбления. Причем грубил спикер, если можно так выразиться, «интеллигентно», не повышая голоса и не используя нецензурной лексики. Поначалу подобные финты воспринимались как случайные оговорки, тем более что спикер искренне недоумевал: «А что же такое я сказал?» — и даже однажды публично извинился. Удивительно было и то, как депутаты реагировали на выходки — не возмущались, наоборот, было явно, что им этот стиль импонирует. Постепенно подобное поведение стало нормой, и это позволяет говорить о том, что за кажущейся импровизацией был скрыт вполне определенный смысл, точнее — стиль политика, нацеленного на создание особой атмосферы, хорошо нам знакомой по прошлому. В обществе, где господствовал принцип «Я — начальник, ты — дурак», хамство было органической частью общественной и личной жизни. Бесправие порождало рабские привычки, и прежде всего неуважение к другой личности. Оскорбление человека, унижение его достоинства — это попытка подавить его волю, заставить подчиняться. Не случайно и Сталин отличался грубостью, о чем вынужден был на-

писать Ленин в письме к съезду. Это стиль человека, стремящегося к единоличной власти, не желающего воспринимать никакого другого мнения и позиции. Реакция депутатов на профессорское хамство Хасбулатова как раз и демонстрировала уровень не только политической, но и общей культуры российских парламентариев «советского призыва».

Просчет спикера

Если задаться вопросом, что ведет крупного политика к победе: жесткое следование каким-то принципам или компромиссы, то однозначный ответ дать невозможно. Практически все политические деятели, повлиявшие на судьбу страны, сочетали каким-то непостижимым образом и то и другое. Непостижимым потому, что в конечном счете только история обнаруживала в их действиях четкую логику, которая, однако, была совсем не той, что вытекала из их заявлений и деклараций.

Какое место занимает в нашем прошлом Сталин, как он повлиял на судьбу российских народов? Ответ на этот вопрос однозначен для подавляющего большинства: тиран — загубил страну, завел ее в исторический тупик, расстрелял миллионы людей. Правда, кое-кто вспоминает о ценах, «которые ежегодно понижались», или о том, что во время войны солдаты погибали с его именем на устах. Но подобные аргументы всерьез не воспринимаются.

Действительный ключ к пониманию роли Сталина в российской истории дала только перестройка и все последовавшие за ней события. Эти годы дали однозначный ответ на вопрос: может ли социализм быть не тоталитарным? Нет, не может. Как только жесткий контроль над всеми сферами жизни прекращается, вся система стремительно разваливается. Иного не дано!

Теперь, понимая это, мы можем оценить логику Сталина в 1929 году. Альтернативой Великому Перелому могла быть только не менее великая Перестройка. Поэтому выбора у Сталина не было: без коллективизации, то есть без уничтожения миллионов крестьян, социализм бы не утвердился. В противном случае — перестройка, распад СССР, новая гражданская война, ибо ничем иным диктатура «пролетариата» в крестьянской стране удержаться бы не смогла.

Сталин, под руководством которого было уничтожено крестьянство как класс, фактически предотвратил этим гражданскую войну. Скорее всего, ни один из его соратников и лево-правых оппозиционеров не был способен на такое: взяться за уничтожение большей части населения, которое кормило страну. Сталин победил не только своих оппонентов, но и народ. Не будь этой победы, Россия вернулась бы к 1917 году, что наглядно продемонстрировал год 1991-й, когда рухнул СССР.

Сталин победил своих оппонентов и десятилетиями возглавлял страну не потому, что был «гениальной посредственностью». Его триумф был обусловлен тем, что в то время сталинский социализм был единственно возможным вариантом выживания России как государства. Сталин не просто строил тоталитарное государство на основе коммунистического мифа, а создавал сверхдержаву, в которой культ Маркса и Ленина сочетался с прославлением Петра Первого и почитанием Ивана Грозного, интернационализм уживался с автаркией, социализм скрещивался с патриотизмом, а идеологическое мракобесие с культом разума и прогресса.

Сталин создал особую Империю — Советскую и особый народ — советский народ, для которого высшей ценностью стал не коммунизм — а Государство, не родина — а Держава, именуемая СССР. Сталин действительно был Отцом всего Советского народа, и только его можно считать персонифицированным символом СССР как великой державы. Ни Хрущев, ни Брежнев, ни Горбачев для этой роли явно не годятся. После смерти вождя Империя продолжала по инерции существовать еще несколько десятилетий благодаря сталинизму, воплощенному в КПСС, всей системе хозяйствования, идеологии.

Руслан Хасбулатов осознавал себя прежде всего советским человеком. Как Сталин не хотел, чтобы его воспринимали грузином, так и спикер постоянно подчеркивал свой российский патриотизм, а на деле — советский. Своей Родиной он считал именно Советский Союз. После распада империи Хасбулатов дважды потерял свое отечество: сначала СССР, а затем и Чечню, которая отделилась от России. Правда, свое отношение к СССР спикер первое время не проявлял, но зато постоянно говорил о любви к России. Но на самом деле для Хасбулатова понятия «советский» и «российский» были синонимами.

На первый взгляд, за два с половиной года пребывания у власти московский профессор изменил свою политическую позицию на 180 градусов. Логику этой метаморфозы можно искать в психической конституции спикера, и причем не без успеха: мания величия, жажда власти, комплексы разного типа — все это какой-нибудь психоаналитик найдет без труда в действиях и особенно в речах Хасбулатова. Но все-таки доминирующим идейным мотивом всех его действий явно выступал патриотизм, «государственничество», ностальгия по СССР. И не случайно, что, разорвав с президентом весной 1993 года, он, задвинув в тень заслуженных «патриотов», тут же становится лидером национал-патриотических сил в парламенте. Спикера признали не только потому, что в его руках были реальные рычаги власти, но и вследствие очевидной близости взглядов.

Мысли об СССР в последнее время все больше и больше захватывали спикера в плен; может быть, он уже решил, что именно ему уготована историческая миссия восстановить империю, которую создал Сталин, — отсюда и добродушность к газетным сравнениям спикера с «отцом народов», и создание своеобразного имиджа вплоть до нарочитого курения трубки...

Одним из последних решений руководимого Хасбулатовым Верховного Совета стало обращение к членам СНГ восстановить СССР. Однако время империй ушло, как прошли и те времена, когда судьбы народов решались в аппаратных схватках и начальствующих кабинетах. Попытка Хасбулатова спасти империю, созданную генсеком, потерпела закономерный крах.

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

Анна Иоанновна

Князь Дмитрий Михайлович Голицын.

Глава IV
ТЕРРОР

Первой жертвой печальной памяти императрицы Анны Иоанновны стал князь Дмитрий Михайлович Голицын, причем поводом для расправы с ним послужили обстоятельства, по времени далеко отстоявшие от событий января—февраля 1730 года. Как известно, после воцарения курляндской герцогини на русском престоле и провала «затейки» верховников казни обрушились только на головы Долгоруких, и то не всех, а трех братьев (Сергея, Ивана и Алексея Григорьевичей) и фаворита Петра II Ивана Алексеевича. В списке репрессированных отсутствовал фельдмаршал Василий Владимирович.

Остается загадкой, почему вслед за поражением «затейщиков» императрица не организовала следствие, а затем и суд над всеми, кто был причастен к попытке ограничить самодержавие, которая в соответствии с правовыми нормами того времени вполне могла квалифицироваться как политическое преступление. Почему же Долгоруким вменялись в вину поступки, совершенные при покойном Петре II, а действия, направленные на ограничение самодержавной власти царствовавшей императрицы, не рассматривались в судебном порядке? Почему Тайная розыскных дел канцелярия ограничилась поверхностным допросом Василия Лукича и трех братьев Долгоруких? Следствие интересовал всего лишь один вопрос — о составленном Шафировым завещании Петра II, объявлявшем Анну Иоанновну наследницей трона. Информация на сей счет исходила от Василия Лукича, признавшегося на допросе, что он, будучи в Митаве, сболтнул об этом, «желая за то ее величества больше к себе милости». Но Василий Лукич поведал Анне Иоанновне не только о выдуманном завещании, но и обо всех реальных событиях, случившихся в Москве до его отъезда в Курляндию. Он рассказал о совещаниях Долгоруких в занимаемом Алексеем Григорьевичем Головнинском дворце, где было решено объявить наследницей престола помолвленную с Петром II Екатерину Алексеевну. Сообщил Василий Лукич и о намерении трех братьев Долгоруких избить министров, если те откажутся поддержать ее вступление на престол. Разорвав «Кондиции», Анна даже спросила Василия Владимировича Долгорукого: «Было ли де так?» Фельдмаршал ответил уклончиво, назвав замысел трех братьев «дураческим дерзновением». Таким образом, Анне еще в 1730 году в общих чертах было известно все, что происходило в Головнинском дворце.

Чтобы прояснить ситуацию, позволим себе высказать несколько догадок. Первая и главная из них состоит в том, что подлинным руководителем событий, происходивших в Москве после прибытия туда Анны, была не императрица, а кто-то другой, хорошо знавший обстановку в старой столице и расклад сил между соперничавшими «партиями». В самом деле, курляндская герцогиня не располагала связями в среде сановников и не имела надежных советников, поднаторевших в интригах. Таким советником мог быть только Остерман. Попытка Василия Лукича втереться в доверие к императрице ценой предательства родственных интересов сорвалась. На роль советника мог претендовать и Павел Иванович Ягужинский. Однако его чрезмерная приверженность горячительным напиткам и буйный нрав во хмелю позволили Остерману практически без усилий оттереть Ягужинского на задний план. Удивительна и схожесть расправы над

Продолжение. Начало см. в № 10—12, 1993.

Меншиковым и Долгорукими — в обоих случаях советы исходили от одного и того же лица.

Выезд Меншикова из северной столицы был вызывающе пышным. Стоило, однако, выпроводить светлейшего из Петербурга, как немедленно последовали все новые и новые ограничения для ссыльных: сначала князя лишили вооруженной охраны, затем изъяли у него и членов семьи русские и иностранные ордена, а по прибытии в Раненбург отобрали все драгоценности. Еще раньше у Меншикова конфисковали его многочисленные имения. Однако Раненбург показался небезопасным местом ссылки, и поверженного «полудержавного властелина» упекли в далекий Березов. Генеральная задача победителей состояла в выдворении опального из столицы, а все остальные строгости откладывались на потом.

Долгоруким сначала предложили выехать из Москвы в дальние деревни; в пути у них изъяли награды, а по прибытии в родовые имения их ждали новые указы, отягчавшие жизнь. Семье Алексея Григорьевича Долгорукого было велено держать путь в Березов. Предлогом для этого стало медленное продвижение несчастных к месту ссылки (действительно, отец и сын Долгорукие — оба страстные охотники — не отказали себе в удовольствии организовать в пути охоту).

Переменчивая судьба подстерегала младшего брата Алексея Григорьевича — Сергея, российского посла в Речи Посполитой. В 1729 году он был спешно вызван родичами в Москву и оказался втянутым в честолюбивые замыслы брата. Указом от 9 апреля 1730 года Сергею Григорьевичу было велено отправиться в дальнюю деревню на безвыездное житье. Не успел он добраться до своей вотчины в сельце Фоминки, как 12 июня последовал новый указ — взять семью под стражу и отправить в Раненбург. Дважды, в 1730 и 1731 годах, Сергей Григорьевич обращался к императрице с челобитными о помиловании, но ответа не последовало. Без ответа осталась и его просьба к Сенату прислать к нему доктора, в услугах которого он остро нуждался. И все же у него мелькнула надежда вырваться из опалы и вернуться к активной государственной деятельности.

В мае 1735 года князю Сергею разрешили переселиться из Раненбурга в одну из своих вотчин. И вот наконец он дождался полной амнистии — в 1738 году его вызвали в столицу и назначили послом в Лондон. Столь разительной перемене Долгорукий был обязан влиятельному тестю — Петру Павловичу Шафирову. По настоянию своей дочери Марфы Петровны Шафиров помогал опальным родственникам материально, постоянно изыскивал возможности для облегчения их участи и в конце концов своего добился.

Сергей Григорьевич уже готов был сесть на корабль и отплыть в Англию, как вдруг на него обрушились сразу две беды: 1 марта 1739 года умер его покровитель Шафиров; второе несчастье оказалось посерьезнее: не выдержал пыток Иван Алексеевич Долгорукий. Бывший фаворит рассказал о составлении подложной духовной — ее, как мы помним, писал князь Сергей. Вместо Лондона последовало заточение в Шлиссельбургскую крепость, а затем и казнь (Корсаков Д. А. Князь Сергей Долгорукий // Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 167—192).

В начале аннинского царствования едва ли не самым обласканным оказался Василий Лукич Долгорукий. Столь милостивое отношение, очевидно, было связано с тем, что тот входил в узкий круг вельмож, издавна известных Анне: еще в 1726 году он приезжал в Митаву хлопотать об избрании курляндским герцогом Меншикова, а затем привез радостную весть о русской короне. Василию Лукичу была уготована должность сибирского губернатора. По сути, это была тоже ссылка, хотя и почетная, ибо карьеру в то время обеспечивала близость ко двору.

На пути к месту службы в Тобольск Василия Лукича нагнал подпоручик с командой в 14 человек с повелением взять под стражу, лишить чинов и «кавалерии» за многие императрице и государству «бессовестные противные поступки» и отправить на жительство в пензенскую вотчину Знаменское. Крутую перемену в жизни Василия Лукича молва связывала с Бироном, якобы заподозрившим в нем соперника.

В Знаменском Василию Лукичу жилось вольготнее, чем прочим ссыльным Долгоруким: ему разрешалось ходить в церковь, совершать прогулки во дворе и даже покидать его для присмотра за конюшней и полевыми работами. Впрочем, относительной свободой узник пользовался месяца полтора — 23 июня 1730 года его увезли из Знаменского, а 4 августа он оказался в Соловецком монастыре, откуда десять лет спустя был доставлен в Шлиссельбург (Корсаков Д. А. Ссылка князя Василия Лукича Долгорукого в село Знаменское // Из жизни русских деятелей XVIII века. С. 195—218).

В 1730 году от кровавой расправы с противниками Анну Иоанновну удержала опытная рука Остермана. Тому причин было несколько. Во-первых, в соответствии с обычаем, каждое новое царствование сопровождалось не казнями, а проявлением великодушия и милосердия. Так было во время стрелецкого бунта 1682 года, когда правительство отказалось от розыска и казней. Вступление на престол Екатерины I ознаменовалось уменьшением подушной подати на четыре копейки. Во-вторых, неожиданно свалившаяся на голову Анны Иоанновны императорская корона ввергла ее в состояние эйфории. Угроза лишиться трона стала настолько ничтожной, что ни императрица, ни Остерман не сочли необходимым прибегнуть к жестокостям.

Чтобы покончить с гипотезами и догадками, попытаемся ответить на вопрос: почему остался безнаказанным Верховный тайный совет, хотя именно он совершил самое тяжкое преступление — покусился на самодержавие.

Две причины вынуждали Анну Иоанновну и Остермана оставить это учреждение в тени, не высказывать в его адрес слов осуждения и вообще не упоминать о нем, будто его и не существовало никогда. Первая заключалась в том, что именно Верховный тайный совет призвал Анну на царство. В такой ситуации императрица не хотела выглядеть неблагодарной. С другой стороны, шельмовать Верховный тайный совет не входило и в планы Остермана, как известно, редактировавшего «Кондиции». Хула на Верховный тайный совет означала дискредитацию не только Остермана, но и его шефа, канцлера Г. И. Головкина, крайне необходимого Андрею Ивановичу, ибо за его спиной он командовал Иностранной коллегией и направлял внешнюю политику России.

Итак, кары на первых порах обрушились лишь на Долгоруких. Голицыных, Дмитрия Михайловича и фельдмаршала Михаила Михайловича, они обошли стороной.

Анне, конечно, было хорошо известно, что инициатива приглашения ее на трон исходила от Д. М. Голицына. Не прояви он в тот момент настойчивости и не используй своего красноречия, Бог весть, на чьей голове оказалась бы императорская корона. Но императрица отлично знала, кто первым подал идею ограничить самодержавие и бросил призыв «себе полегчить». Князь Дмитрий, Гедиминович по происхождению, один из образованнейших русских людей того времени, был аристократом не только по родословной, но и по убеждениям: он не отвергал петровских преобразований, но в то же время не одобрял пренебрежительного отношения монарха к носителям древних фамилий. Осуждал он Петра и за приглашение многочисленных иностранцев на русскую службу.

У Анны, равно как и у Остермана, были прямо противоположные суждения об аристократах и иностранцах. Два полярных чувства несколько лет уживались в сознании императрицы, пока наконец чувство благодарности было принесено ею в жертву мести. Остерман также не упустил случая расправиться с умным и проницательным противником, от которого веяло неприязнью ко всему немецкому.

В тени императрицы и Остермана располагался Бирон. У него были свои претензии к верховникам. Это от их имени Василий Лукич потребовал, чтобы Анна порвала с фаворитом и оставила его в Митаве. Таким образом, могущественные враги Д. М. Голицына лишь поджидали удобного случая, чтобы свалить его. В 1736 году Голицын подставился сам. С 1725 по 1736 год Сенат трижды рассматривал иск вдовы молдавского господаря Дмитрия Кантемира Настасьи Ивановны к своему пасынку Константину Дмитриевичу, причем каждый раз приговор выносился в пользу вдовы, а пасынок его неизменно игнорировал. Упрямство Константина Дмитриевича объяснялось легко — он приходился Д. М. Голицыну зятем.

Вдова пыталась отсудить свою долю от недвижимости покойного супруга. В соответствии с указом о единонаследии умерший в 1723 году Кантемир передал решение

Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая, невеста Петра II.

вопроса, кому из трех его сыновей отказать наследство, на усмотрение Петра. Царь, однако, своим правом не воспользовался (видимо, ожидая, когда подрастет младший и самый любимый сын господаря Антиох, будущий сатирик). До 1729 года все сыновья Кантемира владели недвижимостью сообща, а в мае этого года единственным наследником Петр II объявил Константина.

В мае 1725 года вдова господаря подала просьбу в Сенат, претендуя на получение причитающейся ей четвертой доли недвижимого имения. Жалоба возникла вследствие отказа пасынков удовлетворить ее притязания. Братья ссылались на духовную Кантемира, в которой он выделил ей часть имущества, особо оговорив, что прав на остальную недвижимость она не имеет. Однако Сенат не согласился с доводами пасынков и три раза подтверждал свое постановление.

Константин Кантемир (возможно, по совету тестя) подал челобитную на имя императрицы, в которой доказывал неправомерность сенатских постановлений.

Реакция Анны Иоанновны, к тому времени отрешившейся от участия в управлении страной, была на удивление мгновенной: она согласилась председательствовать в «вышнем суде», специально созданном для рассмотрения жалобы Кантемира в составе адмирала графа Ф. А. Головина, обер-шталмейстера князя А. Б. Куракина, обер-егермейстера А. П. Волынского, гофмаршала А. А. Шепелева и генерал-полицеймейстера В. Ф. Салтыкова.

Уже сам состав «вышнего суда», укомплектованного первыми сановниками государства, и председательствование в нем императрицы говорили в пользу того, что гражданский иск частного лица решено было возвести в ранг события государственной важности. Это был подкоп не под Константина Кантемира, а под его тестя. Выражаясь современным языком, следствие обнаружило использование Д. М. Голицыным служебного положения в личных целях: по его повелению канцелярист Камер-коллегии Лукьян Перов был переведен из Москвы в Петербург, где выполнял роль ходатая по делу Кантемира.

«Вышний суд» отнесся к Голицыну весьма жестоко. К тому времени Дмитрий Михайлович страдал подагрой и не мог самостоятельно передвигаться. Это обстоятельство не помешало «вышнему суду» вызвать его на допрос. Не помогла и просьба брата — князя Михаила Михайловича Голицына Меньшого. Больной старик был доставлен в суд в тот момент, когда в результате сильного приступа подагры у него парализовало правую руку. Тем не менее суд потребовал, чтобы князь Дмитрий отвечал на вопросные пункты, не выходя из здания суда. В общей сложности допрос продолжался восемь часов. Анна велела передать ей ответы немедленно после окончания допроса. Можно себе представить, в каком изнуренном состоянии пребывал допрашиваемый.

Огромный интерес императрицы

к следствию с головой выдает ее замысел расправиться с князем. После каждого заседания «вышний суд» в полном составе являлся в апартаменты императрицы для доклада. 7 января 1737 года следствие было закончено. Генеральное собрание в составе 20 персон, куда помимо членов «вышнего суда» вошли и высшие гражданские чины, санкционировало составленный судом приговор. Он состоял из 13 пунктов. Само собой разумеется, у «вышнего суда» отсутствовали юридические основания привлекать Дмитрия Михайловича к ответственности за отказ пасынков выделить долю мачехе — все документы исходили от Константина Кантемира. Ничего не оставалось, как раскрутить дело несчастного Лукьяна Перова. Однако, несмотря на все старания следователей, из Перова не удалось вытянуть показания политического характера. В результате князя обвинили в том, что он не только потакал противозаконным действиям зятя, но и направлял его по ложному пути. Кроме того, Голицыну ставили в вину, что он «отговаривался всегда болезнью, не хотя нам и государству по должности своей служить». Обвинялся Дмитрий Михайлович и в том, что «положенных на него дел не отправлял, а вместо того против своей присяги указы наши противным образом толковал и всячески правду ниспровергать старался». Столь же бездоказательно звучало и обвинение в том, что князь «некоторые доношения, присланные ему из Москвы, подлежащие для подания в Сенат, закрывая происки свои, у себя держал».

Проступки Голицына для вельможи первой половины XVIII века считались настолько обыденными, что на них не обращали внимания. Упущения Дмитрия Михайловича были тем более извинительны, что ему было за семьдесят — возраст, лишавший вельможу способности безупречно тянуть служебную лямку.

Политическую окраску носил тринадцатый пункт приговора, обвинявший князя Дмитрия в произнесении перед судом Богу противных слов. Во время первого же допроса князь, выведенный из себя утомительной процедурой, выразился так: «Когда б из ада сатана ко мне пришел, то бы, хотя я пред Богом и погрешил, однако ж и с ним бы для пользы своей советовал и советов от него требовал и принимал».

«Вышний суд» приговорил Д. М. Голицына к смертной казни с конфискацией имущества. Анна Иоанновна проявила «милосердие». Манифест, подписанный императрицей 8 января 1737 года, объявлял: «И хоть он, князь Дмитрий, смертной казни и достоин, однако ж мы, наше императорское величество, по высочайшему нашему милосердию, казнить его, князь Дмитрия, не указали, а вместо смертной казни послать его в ссылку в Шлиссельбург и содержать под крепким караулом».

В четыре часа пополудни в дом Голицына прибыл генерал-полицеймейстер Салтыков с генералом Игнатьевым, чтобы отобрать у осужденного «кавалерию», шпагу и бумаги, опечатать дом и выставить караул. На следующий день, 9 января, в 8 часов утра конвой доставил Дмитрия Михайловича в Шлиссельбург.

Инструкция о содержании Голицына в крепости ничем существенным не отличалась от такого рода документов: стражникам поручалось не спускать глаз с каждого движения заключенного; узника лишили бумаги и чернил, запретили ему общаться с кем бы то ни было, даже в церковь дозволялось ходить лишь в те часы, когда там отсутствовали прихожане. Лишь относительно обеспечения узника провизией можно обнаружить некоторые послабления. Ему разрешили «из бывших его пожитков серебра и платья и прочего, что с собою взять пожелает». Для личных услуг к князю приставили из дворовых трех человек, в том числе повара. Любопытен список продуктов, призванных дополнить скудный шлиссельбургский рацион (рубль в сутки): 28 гусей, 85 кур, 20 полтей свинины, 6 севрюжин вяленых, кадка меда, пиво, крупы, мука и прочее. Среди имущества значилось два костыля — скорее всего, без их помощи узник не мог передвигаться. Впрочем, большинство этих припасов вряд ли было востребовано — дряхлый старик, перенесший сильное потрясение, протянул недолго — спустя три с небольшим месяца, 14 апреля, его не стало. Вдумчивый биограф Голицына Д. А. Корсаков справедливо заметил: «...Князь Голицын понес наказание не за свои служебные проступки: они были только весьма плохо измышленным поводом для его осуждения» (Корсаков Д. А. Указ. соч. С. 262).

Князь расплачивался за свои деяния 1730 года. Это была запоздалая месть злопамятной императрицы, Остермана и Бирона. Подобное объяснение вполне стыкуется и с судьбой Долгоруких, физически уничтоженных в результате второго политического процесса.

Повод для расправы дал князь Иван Алексеевич. Когда читаешь «Своеручные записки» его супруги Натальи Борисовны, то создается образ идеального супруга, глубоко порядочного, заботливого и преданного семейному очагу. Нет здесь ни слова осуждения его разгульного поведения до женитьбы, как, впрочем, отсутствует какая-либо критика его похождений в Березове, когда супруг вновь увлекся горячительными напитками. В последнем случае на Наталью Борисовну, вероятно, повлияла трагическая гибель мужа в расцвете сил: любая попытка бросить тень на репутацию мужа расценивалась ею как кощунство. Быть может, в своих догадках мы и далеки от истины, но иных причин, побудивших мемуаристку тепло отзываться о своем непутевом муже, мы не находим.

Семья А. Г. Долгорукого под конвоем, состоящим из капитан-поручика, капрала, сержанта и 24 солдат, прибыла в Тобольск 24 августа 1730 года. В тот же день на «струге худом» Долгоруких отправили в Березов. Там ссыльных охраняла такой же численности команда, но из Тобольского гарнизона. В конце сентября узников доставили на место. Потянулась унылая, однообразная жизнь, полная лишений и унижений.

Казалось бы, горе должно было сплотить семью. Однако этого не случилось: часто вспыхивали ссоры, зачинщиком которых был сварливый глава семьи, а после его смерти в 1734 году — государыня-невеста, мелочно надменная и гордая тем, что была помолвлена с самим императором. Лишь известные нам молодожены первые несколько лет жили душа в душу. Однако

затем Иван Алексеевич не выдержал испытаний и частенько стал искать утешения в вине.

Инструкция предписывала караульной команде содержать ссыльных в строгой изоляции, разрешая им покидать пределы острога только для посещения церкви. Однако в положении караульных и ссыльных было много общего. Необходимость жить в замкнутом мирке, постоянное общение друг с другом приводили к ослаблению режима. Этому в немалой степени способствовала и щедрость узников, в пределах скромных возможностей одаривавших караульных офицеров — майора Петрова, сменившего начальника караула капитана Шарыгина. Петров разрешал князю Ивану и его супруге выходить из острога. Покладистый старик Бобровский, березовский воевода, был частым гостем четы молодых Долгоруких, случались и ответные визиты. Подружились Долгорукие и с флотским поручиком Дмитрием Овцыным, частенько приезжавшим в Березов по делам службы. Появлялся там и тобольский таможенный подьячий Осип Тишин, сблизившийся с князем Иваном. Он-то и погубил семью Долгоруких.

Захмелев, Иван Алексеевич частенько позволял себе высказывать опасные суждения:

— Ныне фамилия наша и род наш совсем пропали, а все это разорила... наша теперешняя императрица. (Князь отзывался о ней непечатно.)

— Императрица послушала Елизавету, а та обносила всю нашу фамилию за то, что я хотел за непотребство сослать ее в монастырь.

Тишин пытался урезонить разошедшегося собеседника:

— Для чего ты такие слова говоришь, лучше бы тебе за ее императорское величество и за всю императорскую фамилию Бога молить.

— А что, донести хочешь? Где тебе доносить, ты ныне уже стал сибиряк. Впрочем, хотя и доносить станешь, то тебе же голову отсекут.

Тишин, стремясь выведать у князя побольше компрометировавших того сведений, произнес провокационную фразу:

— Я не донесу, а донесет пристав Долгоруких майор Петров.

— Петров уже наш и задарен,— возразил Иван.

Все, что сорвалось с языка захмелевшего, легло на бумагу — Тишин настрочил донос. Ему предшествовало событие, придавшее извету подьячего форму мести, — Тишин в грубой форме предлагал сожительство государыне-невесте. Та отвергла домогательства кавалера и пожаловалась на него Овцыну. Флотский поручик совершил рыцарский поступок — вместе с приятелем он жестоко избил подьячего. Затаив злобу, Тишин решил

Князь Василий Лукич Долгорукий.

отомстить обидчикам, а заодно и Долгорукому. Вначале он обратился с доносом к майору Петрову; тот на свою голову оставил извет без внимания. Тогда Тишин настрочил новый донос, на этот раз сибирскому губернатору, дополнив его сведениями о попустительстве Петрова и воеводы Бобровского.

8 мая 1738 года началось следствие, руководимое капитаном Ушаковым. Тот прибег к коварству: прикинулся радетелем интересов березовских обитателей, в том числе и Долгоруких, втерся к ним в доверие и в конфиденциальных беседах выведывал необходимые ему факты.

После отъезда Ушакова из Тобольска последовало распоряжение о заключении под стражу и отправке в столицу Сибири всех лиц, оговоренных Тишиным и Ушаковым: князя Ивана, Петрова, Овцына, Бобровского, березовских священников, слуг Долгоруких и других, общим числом более 60 человек. Начались допросы. Под пытками Иван Алексеевич не только подтвердил слова, сказанные им Тишину, но и сообщил подробности о событиях восьмилетней давности: о составлении подложной челобитной, об отношении к ней представителей рода Долгоруких. Императрица проявила к его признаниям живейший интерес и повелела немедленно доставить подследственного в Шлиссельбург. Туда же в начале 1739 года были свезены все оговоренные им Долгорукие: Сергей и Иван Григорьевичи, Василий Лукич, Василий Владимирович, Михаил Владимирович.

По завершении розыска, сопровождавшегося тяжелыми истязаниями, указом 31 октября 1739 года было учреждено «Генеральное собрание» в составе кабинет-министров, сенаторов, трех первенствующих членов Синода, представителей от гвардии, генералитета, президентов нескольких коллегий и других. «Генеральному собранию» предстояло выполнить пустую формальность — освятить своим авторитетом результаты следствия и приговор, вынесенный следователями. Для этого потребовалось всего несколько часов. Ивана Алексеевича надлежало колесовать, а затем отсечь голову; князьям Василию Лукичу, Сергею и Ивану Григорьевичам — наказание полегче: отсечение головы. Что касается Василия и Михаила Владимировичей, то, как сказано в приговоре, хотя они тоже достойны казни, но меру наказания им должна определить сама императрица. Анна Иоанновна сохранила им жизнь, но велела до конца их дней содержать под крепким караулом: Василия — в Ивангороде, а Михаила — в Шлиссельбурге.

1 ноября 1739 года немилосердная рука императрицы поставила подпись под кровавым приговором. Казни велено было совершить в Новгороде. В Тобольске казнили майора Петрова.

Таков был финал попытки Долгоруких возвести на трон Екатерину Алексеевну.

(Продолжение следует)

имеет привычку приходить без звонка, причем с массой разных проблем, которые надо немедля решать.

Помню, главный редактор «Правды» был срочно вызван в «верха», дабы в составе андроповской команды готовить соответствующие печальному событию документы для печати: «Обращение к народу», жизнеописание усопшего генсека, а я отправился в редакционную библиотеку листать подшивку «Правды» за 1953 год с материалами марта месяца, по которым можно было судить, как «хоронили» вождя всех времен и народов.

После Сталина Брежнев Леонид Ильич был первым генсеком, скончавшимся на этом уникальном в мировой практике посту. До глубокой осени 82-го генсеки в Стране Советов не умирали, прецедента, хотя бы промежуточного, как освещать в газетах кончину лидера партии и государства, не имелось. Никита Сергеевич Хрущев, как известно, умер опальным пенсионером, его «пример» к Брежневу явно не подходил. Да и не только к Брежневу. Обычного, действующего члена Политбюро партийно-советская пресса провожала в последний путь более заметно и скорбно, нежели пенсионера Хрущева, маленькую заметку о кончине которого Старая площадь приказала напечатать на четвертой странице. Во всех газетах эта страница была последней, а в «Правде» оказалась срединной, международной, так что «Правда» «хоронила» Никиту Сергеевича как иностранца. Но тогда это не имело никакого значения, ибо генеральным секретарем он уже не был, а был, как и все простые люди, никем.

Подшивку «Правды» за март 1953 года листали не только мы у себя в секретариате редакции... Насколько мне было известно, к ней постоянно обращались и в аппарате ЦК КПСС, чтобы быть верными «его величеству прецеденту». В известной мере было даже любопытно, пойдет ли Старая площадь на сталинский прецедент? Ведь Брежнев все-таки не Сталин, и вряд ли самому покойнику, даже имеющему пять Звезд Героя, понравилась бы идея его сравнения с вождем... Но тем не менее очень скоро мы получили команду, которая на редакционном жаргоне звучала следующим образом:

— «Хороним» по Сталину.

По Сталину так по Сталину... За годы работы ответственным секретарем приходилось сталкиваться с освещением событий самого разного толка — съездов партии, пленумов, визитов первых лиц за рубеж, приемов в Кремле, всесоюзных совещаний, обменов телеграммами и т. д. Кого и куда «поставить» согласно партийному протоколу в газете — то была целая «наука». Ее выдумали не журналисты «Правды», а хозяева партийного протокола. С годами объем его разросся, официоз вытеснял живые материалы, а газеты стали похожи друг на друга. Читатели возмущались, почему печатается одно и то же во всех изданиях, но не печатать этот «джентльменский партийный набор» главные редакторы не могли, так как рисковали получить по шапке или же обрести репутацию «несерьезного» человека, политически незрелого. Особенно неистовствовали помощники некоторых членов Политбюро и секретарей ЦК. Если им казалось, что их поставили в менее заметное положение на газетной странице, нежели иного «хозяина», или же посвятили ему на десять строк меньше в сходной ситуации, — можно было ждать скандала и укоров. Помню, как политический обозреватель Всеволод Овчинников, будучи дежурным редактором по номеру, выбросил в корзину тассовскую заметку с дифирамбами в адрес выдающейся личности, какой представлялся покойный генсек Брежнев некоторым иностранцам. Дифирамбы были неумеренными, а точнее — неумными (пусть тассовцы не обижаются), потому известный журналист и принял столь категоричное решение. Наутро «пропажу» в «Правде» обнаружили помощники генерального. Они начинали кампанию по восхвалению Брежнева, то была ее первая ласточка — и вдруг какой-то Овчинников встал на пути! Последовали звонки, вторичная передача заметки в «Правду» и — желанная публикация... Правда, желанная не для читателей...

Видимо, для того чтобы журналисты особенно не вольничали в таких случаях, было подготовлено и принято решение Политбюро, касающееся святая святых — политического протокола. На нем стоял гриф «Секретно». Все было разложено по полочкам: кому и где публиковаться в «Правде» и в других газетах. Личность генсека в том документе была вне конкуренции. В «Правде» ему отводилась первая страница. Если на первой странице место заканчивалось — переходили на следующую. Члены Политбюро и секретари в основном толкались на второй и третьей страницах. Член Политбюро мог в газете говорить длиннее, нежели секретарь ЦК, — независимо от того, кто из них умнее.

Личность генерального секретаря была вне конкуренции не только при жизни, но и в первые два дня после смерти. Ему полагалась траурная рамка во всю страницу, снимок прощания во всю ширину (не меньше), скорбные отклики и эпитеты типа «выдающийся», «верный ленинец» и т. д. Самое интересное, что это особенно никого не трогало. Если после убийства американского президента Джона Кеннеди в советских семьях появились портреты симпатичного молодого человека, то после кончины Брежнева и Андропова появились... анекдоты. Вот один из них. «Пропуск, пожалуйста», — требует работник КГБ у человека, пришедшего проститься в Колонный зал с генеральным секретарем. «У меня абонемент»...

Сегодня по этому поводу можно злословить, издеваться, но тогда было не до шуток всей партийно-советской печати. Чтобы подстраховать себя от гнева господнего, редакторы других газет звонили в «Правду», спрашивали, как она верстается, просили ее снимки с изображением вождей, чтобы в случае недовольства партийного начальства сказать, прикрывшись словно щитом: «Правда» тоже так делает».

В общем Брежнева «похоронили» «по Сталину», Андропова — «по Брежневу», Черненко — «по Андропову». На этом генсековский прецедент, «созданный» Сталиным, обрывается. Говорят, мечтал о нем еще кто-то, но История распорядилась иначе. Наверное, ей стыдно было наблюдать за всей этой политической суетой стариков из Кремля, узурпировавших власть. Поэтому когда сегодня во всех смертных грехах нашей жизни обвиняют Горбачева, а затем Ельцина, я всегда вспоминаю анекдот про абонемент на похороны.

Однажды отдел пропаганды ЦК, возглавляемый Тяжельниковым, до того докомандовался прессой, что вконец запутал все газеты областного, республиканского масштаба, а заодно и центральные. Дело было во время очередных похорон генерального секретаря, «сталинско-брежневский прецедент» в силу ряда обстоятельства не проходил, и тогда отдел ЦК взял на себя функции секретариата редакции, предложив через ТАСС всем газетам обязательный вариант расположения материалов на первой полосе. Специалисты газетного дела в отделе пропаганды были, видимо, еще те, напортачили они крепко, а потому все материалы и фото на первой странице не умещались. Арифметика простая: на каждой странице типа «Правды» помещалось примерно полторы тысячи строк, и никто не в силах при старой технологии набора вместить больше, будь ты хоть сам генеральный секретарь.

Мы о тяжельниковском варианте ничего не знали, спокойно работали, исходя уже не из прецедента, а из здравого смысла, и когда в редакции раздался вопль отчаяния с мест, то всполошились не на шутку.

Вместе со старшим выпускающим, прекрасным специалистом Валерием Макаровым мы еще раз просчитали варианты (тяжельниковский явно не проходил) и отправились в кабинет главного редактора. Тот уже знал о «проколе». Ослушаться команды «сверху» местные редакторы не могли, до Тяжельникова, естественно, им не дозвониться, а потому вышли привычным путем в «Правду». Дело закончилось тем, что мы через ТАСС отменили прежнюю команду, дали свой вариант и свободу действий на местах, чтобы не задерживать выпуск газет.

Но Тяжельников не сдался. Наутро седой директор издательства «Правда» Б. А. Фельдман был вызван в отдел ЦК, где, по его словам, он давал пояснения, почему на газетную полосу, исходя из правил полиграфии, нельзя вогнать столько материалов, сколько, скажем, хочется заведующему отделом ЦК. Доктор наук, ходячая энциклопедия полиграфического дела, Фельдман дал урок не только полиграфической грамотности, но и совет иного рода — пожалуйста, не вмешивайтесь туда, куда не надо, каждое дело должны делать профессионалы. Ведь в полиграфии

ПРАВДА
Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза
СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:
МОГУЧЕЕ ИДЕЙНОЕ ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА КОММУНИЗМ
Многотысячный митинг трудящихся Минска

даже система измерений придумана иная: не сантиметр и дециметр, а пункт, квадрат и т. д.

Над этой курьезной историей «партийного руководства печатью» потешались довольно долго. Но даже и тут кому-то захотелось выслужиться перед начальством. Редактор одной известной газеты почему-то решил, что казус шел от «Правды», потому что в нем встречалось слово «подрез», которое якобы любили в «Правде». У этого человека была правительственная связь, он, говорят, вышел на Тяжельникова и без обиняков сказал: «Что это за дурак предложил нам такую верстку?» На том конце провода, видимо, промолчали. Другой редактор тоже звонил, чтобы прояснить ситуацию, и ему в отделе ответили, что при расчете варианта они все мерили по линейке. «Какой?» — спросил редактор. Потому что обычная линейка для полиграфии не подходит, в секретариатах редакций пользовались линейкой совсем иной — «строкомером».

Видимо, только незнанием «строкомера» можно объяснить тот факт, что на должность ответственного секретаря из ЦК никогда никого не присылали. Мне могут сказать, что ответственным секретарем была когда-то Мария Ильинична Ульянова. Да, это так. Но тогда в газете не было поста главного редактора. Кстати, сохранился документ — выписка из протокола заседания Политбюро от 12 января 1931 года, где говорится: «В целях установления ясной и точной ответственности в редактировании «Правды» установить институт ответственного редактора». Ответственным редактором был утвержден тогда Савельев, заместителем — Попов, секретарем редакции — Мехлис. Согласно протоколу, редакция «Правды» была утверждена в следующем составе: тт. Савельев, Попов, Ярославский, Стецкий, Мехлис, Мальцев, Попов-Дубовский. Бюро редакции из «Правды» упразднялось. Подпись — секретарь ЦК И. Сталин.

Менялась страна, менялась и газета. Вряд ли кто станет отрицать, что «Правда» семидесятых—восьмидесятых годов была другой, чем в сталинские времена. И, конечно, жизнь не сводилась только к похоронам, которым я уделил столько внимания выше. Могу поспорить с кем угодно, что в старой «Правде» умели думать, и не случайно отсюда вышло немало интересных людей, среди которых академики, послы, министры, редакторы других изданий, писатели. Недолго отделом экономики «Правды» заведовал Егор Гайдар, корреспондентом международных отделов был директор службы внешней разведки Рос-

АНАТОЛИЙ КАРПЫЧЕВ

В известной антиутопии Джорджа Оруэлла описывается Министерство Правды, которое занимается идеологическим оболваниванием населения. Газета «Правда» даже по названию напоминает об этом произведении, не говоря уже о том, что ее идеологическая роль хорошо известна. Она была рупором системы, ее голосом. Впрочем, вряд ли стоит фантазировать, изобретая термины: большевики использовали очень выразительное слово — «орган». Существовали различные «органы», среди которых «Правда» занимала одно из первых мест. Разнос в газете означал «гражданскую казнь» человека. Как функционировал этот «орган», рассказывает журналист, который занимал в нем один из ведущих постов — ответственного секретаря.

ТОЙ ГАЗЕТЫ, О КОТОРОЙ Я ПИШУ, УЖЕ НЕТ...

Остались на первой странице ордена, кстати их немного, осталось упоминание о Ленине, с авторством которого связано более тысячи публикаций. Вот, пожалуй, и все. И самая большая ирония судьбы состоит в том, что, всю свою жизнь призывая не поступаться принципами перед капиталом, «Правда» первой допустила в свой стан греческого финансиста, чтобы выжить.

Как известно, первый номер газеты вышел 5 мая 1912 года. Она не была центральным органом партии, им была газета «Социал-демократ». А «Правда» была провозглашена «рабочей газетой». Ее выпуск разрешался по следующей программе: статьи по вопросам внутренней и иностранной жизни, политики, телеграфные и телефонные сообщения, корреспонденции из России и из-за границы, беллетристика и поэзия, фельетоны и библиография, хроника, театр, смесь, сатира и юмор, объявления и т. д. — всего 18 позиций. Газета как газета, каких было немало.

Революция изменила «Правду». Она стала... Мне, как бывшему правдисту, трудно однозначно определить, чем же она стала. Да, она была органом, рупором, голосом партии и Кремля, частью, и весьма важной, системы. Но, с другой стороны, это была газета, а не партячейка, не райком и не КГБ. В ней стремились работать далеко не худшие журналисты, которые вовсе не спешили брать под козырек на каждый чих со Старой площади. Они могли писать правду и только правду, если... она не затрагивала основы Системы, высшее руководство и аппарат ЦК, то есть своего хозяина. «Правда» была зеркалом власти, ее отражением. Газета сама не может сконструировать то, чего нет в жизни, а если может — то это уже называется миром фантастики. С фантастикой газетное ремесло почти не соприкасается, потому что его исходный материал — это реальные факты, то есть новости, достойные печати. Журналисты «Правды» ясно представляли, что они делают официальную газету, а она выражает официальную точку зрения. В принципе точку зрения КПСС выражали все газеты, ибо всех главных редакторов утверждали в одном месте — в ЦК и всех собирали для консультаций и накачек тоже в одном кабинете. Но «Правда» была главным официозом со всеми вытекающими отсюда последствиями. В своем журналистском цеху она могла критиковать всех, ее же критиковать не мог никто, кроме руководства ЦК.

Однако была и другая сторона — «Правда» могла себе позволить то, что не было разрешено другим. Естественно, журналистика начиналась не с «Правды» и на ней не заканчивалась. Но очень часто газета первой открывала дверь в запретную тему. Возможно, по нынешним понятиям открывала робко, без галдежной саморекламы, но тем не менее она как бы снимала запреты с недозволенного, оберегая своим именем других от наказаний и расправы. В приоткрытую дверь затем уверенно входили другие издания, «распахивали» ее, нередко делая материал более мастерски и свободно, а иногда и просто блестяще. И все потому, что запрет уже был снят. Было, конечно, и другое: «Правда» «закрывала» дверь, и если иным общественное мнение прощало многое, то «Правде» не прощали ничего.

Просматривая документы из архива «Правды», сразу видишь, какое внимание Система придавала средствам массовой информации, как цепко она держала в своих руках прессу, как тщательно отбирала людей для работы в газетах.

Вот, например, выписка из протокола заседания Политбюро от 8 июля 1929 года.

«Слушали: О статье и речи т. Бухарина. Постановили: 1 — Считать, что речь т. Бухарина на антирелигиозном съезде и статья его «Организованная бесхозяйственность» представляют продолжение в замаскированной форме борьбы против партии и ее ЦК. 2 — Предложить редакциям «Правды» и других органов партийной печати во имя исполнения постановления последнего пленума ЦК и ЦКК не опубликовывать впредь подобных статей и речей. Подпись — И. Сталин».

Еще один документ из архива, который, как мне думается, представляет большой интерес для читателей и журналистов «Комсомольской правды». Это выписка из протокола № 75 заседания Оргбюро ЦК РКП от 10 апреля 1925 года.

«Слушали: О Всесоюзной комсомольской газете. Постановили:

а) Утвердить отв. редактором комсомольской газеты т. Слепкова, освободив его от всякой иной работы, кроме работы в ж. «Большевик».

б) Членами редколлегии утвердить тт. Ярцева (зам. отв. редактора), Варейкиса, Горлова и Мильчакова.

в) Принять предложение ЦК РЛКСМ, согласованное с редакцией «Правды», об издании комсомольской газеты при «Правде».

г) Утвердить название Всесоюзной комсомольской газеты «Комсомольская правда».

д) Предложить Орграспреду ЦК совместно с отд. Печати подобрать группу партийцев для работы в газете».

Если кто-то считает, что журналисты «Правды» находились в особо привилегированном положении, то это тоже неправда. Я снова ссылаюсь на документы.

«НКВД — товарищу Литвину. Редакция просит проверить т. Макарова, работавшего корреспондентом «Правды» в г. Кирове, а сейчас утвержденного корреспондентом в Смоленске. Л. Мехлис».

«Московское областное управление НКВД. В целях освежения аппарата редакции новыми людьми и для воспитания новых газетных кадров, мы берем на работу в «Правду» группу работников фабрично-заводской печати. По рекомендации МК ВКП(б) уже работают в редакции...»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

Миллионы рабочих, колхозников, служащих, работников науки, техники и искусств демонстрировали в день Октябрьской годовщины огромные победы, одержанные под руководством партии Ленина—Сталина, беззаветную преданность делу построения социализма, готовность грудью встать на защиту своей великой родины.

«НКВД — товарищу Ежову. Сов. секретно. 1 августа находившиеся в Антверпене советские футболисты передавали по телефону в «Правду» информацию. Информацию записывала стенографистка, а по непонятным вопросам беседовал сотрудник отдела информации М. Нейман, занимавшийся освещением в «Правде» вопросов физкультуры и спорта. Во время разговора футболист Старостин просил передать привет тов. Косареву, еще кому-то и Харченко. М. Нейман ответил, что передаст всем за исключением Харченко, который очень болен. Находящиеся за границей спортсмены поняли, что Харченко арестован, позвонили потом в Комитет по делам физкультуры и справлялись, действительно ли арестован Харченко. За разглашение государственной тайны М. Нейман снят с работы в «Правде». Подпись — Л. Мехлис».

Был август 1937 года...

Это документы. А теперь личные впечатления из недалекого прошлого.

Глубокая осень 82-го. Десятое ноября. По «старому» календарю — день рождения советской милиции. По новому, подводящему черту «застойному» периоду, хотя и неокончательную, — день кончины Брежнева, генерального секретаря ЦК КПСС.

То, что кончина престарелого генсека близка, знали давно, но все равно в тот день она была неожиданностью. Обычное дело: смерть

сии академик Примаков, заместителем редактора отдела писем была его нынешний пресс-секретарь Татьяна Самолис, собкором, а затем в отделе партийной жизни работал Михаил Полторанин, спецкорреспондентом был нынешний директор издательства «Русская книга» Борис Миронов. В «Правде» работали Лен Карпинский — редактор «Московских новостей», Федор Бурлацкий и еще немало тех, кто сыграл большую роль в тех переменах, которые произошли в стране за последние годы.

Да, были, и не столь редко, случаи, когда со страниц «Правды» раздавались грозные окрики, предавались анафеме события и люди, деятельность которых мы сейчас оцениваем иначе. Но на страницах газеты появлялись и совсем другие материалы. Напомню, что «ответ Нине Андреевой» был опубликован именно у нас. Чтобы показать, какова была «механика» подобных акций, расскажу об одном случае, когда-то имевшем большой резонанс.

Слово Очищение — наряду с Покаянием — было одним из символов горбачевской перестройки. Статья под этим названием наделала в 1986 году много шума. Она впервые открыто обвиняла партийные структуры в том, что они преднамеренно не пропускают через «свой слой» идеи обновления, стали тормозом прогресса. Статья критиковала привилегии — систему спецпайков, спецбольниц, спецдач и многое другое. После этого слово Очищение пошло гулять по другим изданиям, его использовали в названиях своих книг видные публицисты.

Хорошо помню, как появлялась статья. Мне принесли ее в секретариат ближе к вечеру, когда прикидка очередного номера «Правды» уже была сделана. Но статья заслуживала того, чтобы, оттолкнувшись от нее, пересмотреть все заново. По заведенному в «Правде» порядку члены редколлегии имели возможность познакомиться с материалами очередного номера заранее. Однако случилось так, что статью Татьяны Самолис члены редколлегии, среди которых были «настоящие бойцы партии», способные предупредить ЦК о надвигающейся опасности, прочитать не успели. Шло партийное собрание, читать было некогда. Но главный редактор В. Г. Афанасьев «Очищение» читал, одобрил его — и статья вышла в свет.

Первая реакция на «Очищение» — беспрерывные звонки читателей со словами поддержки и благодарности. Звонили не только из столицы. Был даже шахтерский звонок с Украины, горняки весело пообещали в ответ на «Очищение» ...дать больше угля. Уже по одному этому факту можно было судить, насколько глубоко скомпрометировали себя на местах и в центре партийные деятели, если даже робкая пока что критика воспринималась на ура. В редакции в этот февральский день, примерно за неделю или две до XXVII съезда партии, был хотя и маленький, но праздник. Старые политические обозреватели «Правды», не знавшие молодого автора в лицо, спрашивали, откуда она, горели желанием поздравить Татьяну Самолис, работавшую в то время корреспондентом отдела писем.

Надо сказать, что люди этого отдела знали, чем дышит простой люд, что думает о властях, в каком настроении пребывает. Не могу знать, интересуются ли сегодня в правительстве почтой редакции, но прежде правдинский отдел писем постоянно выполнял заказы Кремля, направляя туда обзор мнений читателей по самым разным вопросам. Однажды такой заказ пришлось выполнять даже по просьбе М. С. Горбачева. Он вернулся из отпуска и, минуя, видимо, свои службы, вышел на главного редактора с просьбой подослать ему последнюю читательскую почту. Мы с Афанасьевым подобрали письма, вложили в конверт все это «добро» и отправили прямиком по адресату. Там было над чем поразмыслить. Там было не одно, а несколько «Очищений».

Кстати, тема статьи «Очищение» тоже выросла из письма рабочего человека. Но маленький праздник по поводу ее появления звучал на нашей улице недолго. На следующий после публикации день у главного редактора раздался кремлевский звонок, и «сверху» было сказано, что «Правда» допустила серьезную политическую ошибку, опубликовав «Очищение». Звонил один из секретарей ЦК от имени Лигачева и, видимо, передавал мнение последнего. Виновных в недосмотре велено было наказать на заседании редколлегии.

Те члены редколлегии, которые статью не читали, ибо заседали в тот день на партсобрании, моментально взбодрились, сделались еще принципиальнее и уже грозно вопрошали: «Кто пропустил?» Старые политобозреватели, еще вчера жаждавшие поздравить симпатичного автора с успехом, укоризненно качали головой: «Девчонка, как она смела...» Надо отдать должное главному редактору — он не изменил своего мнения.

Договорились провести редколлегию через день-два. Помню, главный редактор сам писал проект постановления, в котором объявлял себе выговор. И смех и грех. Автора решили поберечь, ее имени в постановлении не было: смешно наказывать человека за честное исполнение журналистского долга. Больше того, поскольку в редакции действительно было письмо рабочего человека с резкой критикой партии, то побеспокоились и о его судьбе — местная номенклатура, следуя примеру высшего руководства, могла перестараться. Если не ошибаюсь, главный редактор договорился с Аркадием Вольским, работавшим тогда в ЦК, чтобы тот не давал рабочего в обиду. Был предупрежден и собкор «Правды» Владимир Швецов.

С рабочим ничего не случилось, да и над редакцией громы и молнии потихоньку разошлись. В то утро, когда должна была собираться «грозная» редколлегия, чтобы наказать виновных, я заглянул в кабинет главного и спросил:

— Выговоры себе будем объявлять?

— Не будем, — вяло ответил он, явно не желая продолжать тему.

Оказывается, звонил Горбачев. По-видимому, он не считал «Очищение» политической ошибкой.

Но история на этом не закончилась. На XXVII съезда КПСС Егор Лигачев все-таки врезал «Правде» за допущенную политическую ошибку, а его единомышленники — первые секретари — навалились на журналистов с такой резкой критикой, какой я и не припомню. Смысл их выступлений был таков: журналисты не имеют права

оценивать работу партийных комитетов, у них для этого нет знаний и опыта. Одним из критиков был волгоградский первый секретарь Калашников, который до этого работал в Ставрополье вместе с Горбачевым. Говорили, что они дружили домами, вероятно, по этой причине Калашников считал себя недосягаемым для критики в газетах.

Съездовскую критику первых секретарей обкомов журналисты «тихо проглотили», но не забыли. В скором времени в Волгоградскую область отправился специальный корреспондент, чтобы доказать, что журналисты знают, как оценивать работу и партийного комитета, и его первого секретаря. Это не было ни местью, ни злой памятью — из области уже давно шли тревожные сигналы, в том числе и в редакцию. Статья получилась острая, доказательная, взрывная, ибо ходили уже слухи, что ее герой должен выдвигаться на более высокий пост то ли в партии, то ли в государстве. Правда, после публикации слухи отпали, но, видимо, они имели под собой почву.

Публиковали эту статью, если можно так выразиться, втайне от ...редколлегии. О том, что она завтра появится в газете, знали главный редактор, автор, я и один из моих замов в секретариате. Были опасения, что могла произойти утечка информации «в сторону аппарата ЦК» и замысел мог быть сорван, ну, скажем, если не генсеком, то секретарями, членами Политбюро. Но все получилось, как и замышляли. За час до выхода газеты материал из Волгограда был, как мы говорим в редакциях, поставлен на полосу, на заранее отведенное ему место, где временно был другой материал. Через час, строго по графику, газета пошла в свет.

В Волгограде срочно собрали пленум, вынесли «Правде» порицание, хотя опровергнуть ни одного факта, приведенного в статье, не смогли. В принципе для партии это было ЧП, ибо права на столь экстремальные меры по отношению к центральному органу волгоградцы не имели. Но Старая площадь промолчала, хотя и была недовольна сложившейся ситуацией. Возможно, главный редактор получил выволочку, но до нас это не дошло. Правда, академик Афанасьев стал чаще повторять, что пора уходить в науку.

...Я могу привести и другие примеры, когда «Правда» была первой в справедливой оценке фактов и явлений, что очень не нравилось партийной номенклатуре. В своей передовой статье «Правда» первой, к примеру, сказала о том, что Московский горком партии всячески пытался помешать Б. Н. Ельцину, когда проходили выборы народных депутатов, и эту строчку, как эпиграф, цитировала одна из уважаемых демократических газет, публикуя отличный по мысли и исполнению материал.

ТЕПЛЫЕ ВСТРЕЧИ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Завершение советско-кубинских переговоров ◆ Прием в Большом Кремлевском дворце ◆ Встреча в Министерстве обороны СССР

Но были, как я уже говорил, и другие примеры, совершенно не делающие чести газете. Причина здесь, видимо, одна: «партийное руководство» печатью. Ведь после Сатюкова, выросшего из журналистов в главного редактора «Правды», лет тридцать газета получала главных редакторов, первых заместителей главного, а то и обычных замов непременно из ЦК партии. Среди них были симпатичные люди, ответственные товарищи, но беда заключалась в том, что они не были журналистами и слишком чутко реагировали на все звонки из ЦК. Эти «выдвиженцы», уходя из ЦК, не теряли с ним связи, звонили, советовались, извещали о редакционных намерениях, и ЦК даже не надо было нажимать на редакции газет, чтобы все было в них «по-партийному».

Поведение «Правды» нельзя назвать безупречным, ее есть за что критиковать, но я никогда не соглашусь с теми, кто считал газету примитивной, будто бы не умеющей делать ничего, кроме как бороться с империализмом, разносить его в пух и прах да обещать светлое будущее при коммунизме. Все это чепуха, откровенная демагогия некоторых журналистов средней руки, коим дорогу в центральные издания закрыла собственная творческая несостоятельность, когда при равных условиях выбирали человека более талантливого, нежели «большей партийности». «Правду» ищут многие, — сказал мне однажды старый редакционный кадровик, — но мы предпочитаем находить сами».

Долгожданная и далекая, как жар-птица, свобода слова, о которой мечтали журналисты (в том числе и в «Правде»), сыграла с газетами злую шутку. Когда свобода была за семью замками, мы часто завидовали Западу, повторяя: «Смотрите, как они четко работают, и это благодаря тому, что там можно высказать свое мнение в полный голос». Сегодня и мы можем высказать все, что думаем, но газеты от этого не стали лучше, интереснее. Наоборот, старые издания состарились, за исключением немногих газет, а новые уже родились старыми. Серость нашего мышления стала видна как никогда. Редкое издание отличается ныне культурой мысли и высоким профессионализмом. Зато примитива полным-полно, а вместо старых, коммунистических стереотипов появились новые штампы и шаблоны, и уже кто-то повторяет судьбу «Правды», став органом одной ветви власти. Не ждет ли и их та же участь?

АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛОВ

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛКОВОДЦЕВ 1812 г.

А. П. Ермолов

В архиве военно-морского министра России при Александре I адмирала П. В. Чичагова сохранилась рукопись под названием «Характеристика полководцев 1812 г. А. П. Ермолова»[1]. Рукопись аккуратно переписана и снабжена подстрочными примечаниями справочно-биографического характера (даты жизни, титулы, должности, иногда важнейшие факты биографий). Судя по тому, что в примечаниях есть ссылка на «отзыв Ермолова» и сообщаетсл о смерти А. И. Чернышева 8 июня 1857 года, можно заключить, что переписывал рукопись не ранее этой даты кто-то, кому Ермолов доверил (возможно, для публикации) портретные зарисовки, которые не вошли в текст его «Записок»[2].

Таких зарисовок в рукописи 10. Их герои — М. И. Кутузов, Л. Л. Беннигсен, П. Х. Витгенштейн, П. В. Чичагов, А. П. Тормасов, М. А. Милорадович, Д. С. Дохтуров, М. И. Платов, Ф. Ф. Винценгероде и А. И. Чернышев[3]. Каждого из них Ермолов хорошо знал и о каждом высказался со всей откровенностью и присущим ему злоязычием. О злоязычии Ермолова ходили легенды. Так, на любезное предложение Александра I просить за что-то «любую награду» Ермолов ответил: «Государь, произведите меня в немцы» (намекая тем самым на немецкое засилье в окружении царя). Не зря в «Словаре-альбоме русских деятелей XIX века» П. К. Мартьянова Ермолов представлен так:

Герой Двенадцатого года,
Гроза Кавказа, друг народа.
Язык его был враг его,
Язык лишил его всего.

Впрочем, Николай I подверг Ермолова почти 30-летней опале не столько за то, что было у него на языке, сколько за то, что имел он в уме против николаевского режима. Царь многое знал о свлзях Ермолова с декабристами, еще в большем подозревал его и прямо говорил о нем: «Ему менее всех верю».

Ермоловская «Характеристика полководцев 1812 г.» критически заострена против официально-елейного изображения их безупречными (кроме Чичагова и Беннигсена) героями. Ермолов строго судит слабости и недостатки «безупречных» героев, а Беннигсена и особенно Чичагова, несправедливо обвиненного чуть ли не в измене, напротив, показывает с положительной стороны. Может быть, в этом кроется хотя бы часть ответа на вопрос, почему «Характеристика» Ермолова оказалась в архиве Чичагова. Как бы то ни было, при всей субъективности оценок Ермолова, они важны для полноты наших представлений о героях 1812 года и поэтому должны быть учтены.

Ниже следует текст заметок А. П. Ермолова. Примечания, составленные неизвестным лицом, в публикации опущены.

Фельдмаршал Князь Кутузов[4], которого своенравное счастие вывело на сцену важнейших его времени происшествий и до кончины его со славою на оной удержало, слишком знаменит, чтобы не было особенного его жизни описания. Многие будут прославлять редкие ума его способности, необычайную остроту, многим выгодно будет выставить его проницательным в выборе людей и в познании их способностей, они не скажут истины и не иначе как в защиту себя, по предложению, превознесут военные его дарования. Скажут явную ложь.

Я служил под начальством его в кампанию 1805 года и в ретираде нашей из Баварии. Ретирада почтена была чудесною. Львиные сего рода операции не были до того времени нам известны и не могли не казаться нам удивительными. В последствии времени несчастие явило более чудес в сем роде. В кампанию 1812 г. по званию моему[5] находился я довольно к нему близким: все распоряжения его не могли от меня укрываться и многих из них возлежало на мне исполнение. Я не видал в нем желаемых военных дарований, не только таковых, которые бы оправдать могли случайную его знаменитость, я не заметил и порядочных соображений обстоятельств, не только предложений, обнаруживающих большие виды; не видал ни предприимчивости в предприятиях, ни твердости в исполнении их. Не укрылась от меня слабость души его и робость в обстоятельствах, решительности требовавших. Угасла храбрость, молодость его одушев-

лявшая, и низкое малодушие место ее заступило.

Никто из людей, описывающих жизнь его, не скажет сей истины. Польза наша заставляет каждого представить его свыше обыкновенного. История мира поместит его в числе героев, летописи отечества — между избавителей. Неужели кто из соотечественников дерзнет рассеять мечту, раскрыть истину? Неужели отнесем мы к слепому случаю успехи войны, народ наш прославившей, спасение Отечества, от гибели восставшего?

О генералах Багратионе и Барклае де Толли упомянул я прежде довольно обстоятельно[6].

Адмирал Чичагов, командовавший третьею армиею, известный твердостью своею в царствование покойного императора [Павла I][7], известен был особенными ума способностями. Я не предпринимаю рассуждать о нем, ибо не довольно его разумею: гордость чувства его превосходительства отдалила его от многих, еще более от меня. Высокие степени, занимаемые им в государстве, никогда не могли его сблизить со мною. В 1812 году некоторое время был я вместе с ним, заметил, сколько нов он был в звании начальствующего армией. Сколько мало уважал некоторые, по званию необходимые обязанности, но не мог не видеть превосходства ума его, точности рассуждений и совершенного знания обстоятельств. Упругий нрав его, колкий язык и оскорбительная для многих прямота сделали ему много неприятностей, происки двора охладили к нему государя и, кончив Отечественную войну, он удалился. Я осмелился думать, что он мог быть многих полезнее в продолжение войны.

Генерал от кавалерии граф Витгенштейн, до настоящей войны[8] известный как храбрый офицер, никогда не имел случая дать себя заметить способным военным человеком. В 1812 году, командуя корпусом, имел он удачные дела против маршалов Удино и Виктора, которых решительная неспособность, в самых их войсках признанная, сделала ему славу. Испуганные петербургские жители видели в нем избавителя своего, все поклонялись ему как воскресшему Суворову. Государь не мог идти против общего мнения, должен был особенно его уважать и вознаградить его заслуги, что и утвердило в нем надежду. Никто не хотел взглянуть близко на дела его; окружающие, коим щедро расточал он награды, ожидая дальнейших, разглашали о нем немаловажные дела.

Всему дано вероятие, и шум людей, привязанных к нему или, паче, к собственным своим видам, заглушил голос знавших Витгенштейна и смотревших на него с настоящей стороны. О нем, по справедливости, сказать можно, что в нем, кроме храбрости, долженствующей быть достоянием каждого военного, и решительности, счастием порожденной, ничего нет образующего военного человека и заслуживщего той высокой степени, на которую он возведен.

Генерал от кавалерии барон Винцегероде, немец происхождением и немец душою, ничем себя не прославил, кроме интриг у двора и жизни самой распутной. Служил в России, потом в Австрии, наконец снова в России и везде без всякой пользы для всех, кроме себя. Когда неприятель отступил от Москвы и оставался в ней только слабый арьергард, он, желая первым войти в город, поехал сам парламентером, будучи начальником отряда, и в справедливое наказание за нерассудительный свой поступок взят был в плен. Сим кончилась вся его служба 1812 года.

Флигель-адъютант полковник Чернышев, отправлен будучи от адмирала Чича́гова с полком казаков к графу Витгенштейну, напал неподалеку от Минска на конвой, препровождавший барона Винценгероде, и освободил его из плена. [Чернышев] показал в реляции, что он сделал операцию, которой в течение войны не было подобной; он, надобно думать, разумел о сделанном марше, где [казалось ему] он переплывал реки. Но приняли, что операция в том состояла, что он освободил Винценгероде. Кутузов, тонкий придворный человек, умел происшествие сие видеть такими глазами, как желал государь, и точно операции сей способствовал сделаться необыкновенною, ибо не только освободитель пожалован в генерал-адъютанты, даже освобожденный получил Александровский орден[9].

Генерал от инфантерии Милорадович, в кампании Суворова в Италии оказавший необыкновенную личную храбрость, отличившийся в кампании 1805 года и в Молдавии, долгое время был почитаем генералом, подающим высокие надежды. Руководим будучи высшею над ним властью, был он лучшим исполнителем, но когда надобно было действовать средствами собственными, тогда дерзость заменяла в нем достоинства. Таким образом выиграно им сражение при Обилешти в Валахии, и в сем предприятии имели другие влияние на него. Впрочем, кроме командования авангардом и арьергардом никогда не были возлагаемы на него особенно важные поручения и начальствование отдельными войсками. Не укрылась, однако же, чрезмерная ограниченность его способностей. До того времени как не в больших чинах могла быть уважаема храбрость, к нему было более уважения; когда потребны стали — или, лучше сказать, необходимы — достоинства, лишился он и того уважения, которое храбростью снискано было.

Словом, трудно быть на степени столь грубого невежества в ремесле своем, столь тупое иметь соображение, такую решительную неспособность. Я говорю о нем, как о прочих, в одном отношении к военному ремеслу, не касаясь других качеств.

Генерал от инфантерии Дохтуров в кампании 1805 года при отступлении из Баварии рекомендован отлично государю. Никакая особенная заслуга не дала тому причины: ему приписан был успех сражения при Кремле, на Дунае. Но и там, кроме грубой ошибки, не должен он быть замечен. Если что его отличало, что он многих других был лучше, то знать надобно, что другие были совсем неспособны. В нем заключена храбрость, слишком достаточная к пренебрежению опасностями, но ничего совершенно не производящая. Способностей как военный человек он никаких совершенно не имел.

Генерал от кавалерии Тормасов, с самого начала своего служения ни малейшего значения не имевший, ничем с молодости себя не отличавший, от спокойной жизни оторванный бурею войны, появился на сцену начальствующим армией. Судьба усердие его вознаградила одною победою[10] и водворила паки в спокойную жизнь. Армия в нем ничего не потеряла.

Генерал от кавалерии Беннигсен, бывший в кампании 1806 года главнокомандующим армией против французов, в кампании 1812 года находился при фельдмаршале князе Кутузове в звании начальника Главного штаба всех действующих армий. С молодых лет в службе военной усмотрен был храбрым офицером, с отличием употреблен был в кампании 1794 г. в Польше, где, командуя отрядом войск, дал заметить себя предприимчивым и решительным. Многие блистательные дела обратили на него внимание Екатерины II, она увидела в нем достоинства и употребила их против персов, избрав в нем помощника графу Валериану Зубову[11], войсками тогда начальствовавшему, коему нужны были, по важности поручения, люди с истинными способностями. Достоинства Беннигсена в 1806 году возвели его в степень главнокомандующего, и в течение сей войны одержал он многие успехи против Наполеона, с превосходными силами действовавшего. Сражения при Пултуске, Прейсиш-Эйлау, Гутштадте свидетельствуют о даровании его и знании своего дела. Фридландское сражение, повлекшее за собою несчастный Тильзитский мир, удалило его от службы.

Отечественная война, возвратив

его к войскам, не возвратила с прежнею крепостью сил, хотя и с прежнею бодростию духа. Он не принял никакой части войска, но был помощником Кутузова. Первое наступательное действие, 6 числа октября при Тарутине, было им распоряжено и приведено в исполнение, успех оправдал предприятие. Между Кутузовым и им несогласие, происшедшее от упреков его в недостатке деятельности и последовавших от того упущениях, было причиною его удаления.

Генерал от кавалерии Платов, войск Донских атаман, при начале кампании находясь при второй армии князя Багратиона, служил с отличием. Войска его во многих случаях имели блистательные успехи, в затруднительных обстоятельствах облегчали отступление армии. Соединясь с первой армией, в которой малое число утомленной кавалерии с трудом удерживало стремление преследующего неприятеля, атаман был встречен с восхищением.

Во время пребывания армии в Смоленске неприятель на некоторое время остановил свои действия. Армия после продолжительного отступления не смогла верить своему отдохновению, и причины оного отнесены были на счет бдительности Платова, начальствовавшего тогда передовыми войсками. Услуги его почтены были чрезвычайными. Багратион умел держать Платова в повиновении, умел возбудить его честолюбие и показал ему в виду возможность приобрести титул графа — и Платов делал все то, что мог. Барклай де Толли с ледовитостью своею охладил Платова. Не слыша обещаний сделать его графом, Платов перестал служить, войска его предались распутствам и грабежам, рассеялись сонмищами, шайками разбойников и опустошили землю от Смоленска до Москвы. Казаки приносили менее пользы, нежели вреда. Прибыл к армии Кутузов. [Он] не имел твердости заставить Платова исполнять свою должность, не смел решительно взыскать за упущения, мстил за прежние ему неудовольствия и мстил низким и тайным образом. Платов сказался больным, отклонил лучших чиновников Войска Донского, и казаки вообще почти ничего не делали. Кутузов усмотрел необходимость обратить Платова к деятельности.

При отступлении неприятеля от Москвы Платов получил особый отряд. В состав его поступили прибывшие с Дона свежие полки, и он появился ужасным неприятелю. С сего времени началась знаменитость казаков и тот шум о славе их, который разнесся по всей Европе.

Хитрый Платов ловким образом воспользовался бегством и слабостью неприятеля. Все успехи он приобрел малыми пожертвованиями: действуя отдельно, без участия прочих войск, не имел беспокойных свидетелей. Окружавшие его чиновники щедро награждены были за разглашения, с пользою его согласующиеся. Ничто не останавливало бегства неприятеля, преодоление препятствий приобреталось гибелью тысяч несчастных, и Платов по следам их, как вихрь, пронесся к границам.

Кампанию 1812 г. Платов окончил с блеском и славою: дано достоинство графа[12], даны разные почести. Войска Донского уважены заслуги, и казаки сделались удивлением Европы.

Рассуждая беспристрастно, надобно удивиться, как малыми напряжениями, как слабыми усилиями приобретена сия слава, и легко весьма постигнуть, как не трудно было принести большие степени пользы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВИА. Ф. 263 (П. В. Чичагов). Оп. 1. Д. 6.
2. Впервые изданы в 1863—1864 гг. Новейшее изд.: Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991.
3. Из выдающихся полководцев 1812 г. здесь нет М. Б. Барклая де Толли, П. И. Багратиона, П. П. Коновницына (все трое подробно охарактеризованы в «Записках»), Н. Н. Раевского (возможно, из родственных соображений: мать Раевского была женой дяди Ермолова), А. И. Остермана-Толстого.
4. Подчеркнуто здесь и далее, как в документе.
5. В 1812 г. Ермолов был начальником штаба 1-й, а затем и соединенной армии.
6. См.: Записки А. П. Ермолова. С. 149—153.
7. Павел I в 1799 г. «за ослушание» посадил Чичагова в Петропавловскую крепость. Упоминание здесь о *покойном* Павле означает, что Ермолов писал этот текст при жизни Александра I. См. также прим. 8.
8. Речь идет о войне 1812 г. Значит, Ермолов писал это *вскоре* после нее.
9. То есть орден св. Александра Невского.
10. Под Кобрином 27 июля 1812 г. Это была первая победа русских в 1812 г.
11. В. А. Зубов — младший брат последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова. Старший из братьев Зубовых — Николай — был зятем А. В. Суворова. Все трое вместе с Беннигсеном участвовали в убийстве Павла I.
12. Испрашивая у царя для М. И. Платова титул графа, М. И. Кутузов приписал: «Кажется, что верх его желаний есть титло графское» (М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 218).

Предисловие и публикация доктора исторических наук
НИКОЛАЯ ТРОИЦКОГО

НАТАЛЬЯ ЛЕБИНА,
МИХАИЛ ШКАРОВСКИЙ

ДЕТАЛЬ НОЧНОГО ПЕЙЗАЖА

КОЕ-ЧТО ИЗ МИРА ПРОСТИТУТОК САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДА

Мария Львовна Маркус (справа) и воспитанницы диспансера на первомайской демонстрации 1929 г.

Темно под арками Казанского собора,
Привычной грязью скрыты небеса.
На тротуаре в вялой вспышке спора
Хрипят ночных красавиц голоса.
САША ЧЕРНЫЙ

В городе Петра, как известно, практически все совершалось по плану. В определенной степени это касалось и проституции. Точно известна дата, когда правительство взяло эту древнейшую профессию под свой контроль. Произошло это в мае 1843 года: по инициативе тогдашнего министра внутренних дел графа Л. А. Перовского был создан специальный орган для надзора за публичными женщинами — Врачебно-полицейский комитет. А спустя сто лет — к 40-м годам XX века — проституция в СССР считалась полностью ликвидированной.

В реальности же все было по-другому.

Деятельность Врачебно-полицейского комитета в 1843 году началась с установления точного числа особ легкого поведения в столице Российской империи. В первые же дни было зарегистрировано 400 проституток, которым вместо паспорта выдали «желтый билет». В нем указывались фамилия, имя, отчество, особые приметы девицы. Всех проституток решено было сосредоточить в домах терпимости. В 1852 году таких домов было 148, а в 1879-м — уже 200. В них «работали» 1523 проститутки. В начале XX века число публичных домов стало стремительно сокращаться: в 1910 году в Петербурге осталось лишь 32 заведения с 322 девицами, а к 1917-му дома терпимости в обычном понимании этого слова — как закрытое заведение — вообще исчезли.

Гораздо более живучей оказалась свободная, или бланковая, проституция. Промысел продажных женщин-одиночек вначале существовал параллельно с публичными домами. В Министерстве внутренних дел очень быстро поняли, что невозможно сосредоточить всех особ легкого поведения в закрытых заведениях. В 1852 году Врачебно-полицейский комитет зарегистрировал около 200 свободных проституток, назвав их «бланковыми», так как документ, дающий право на торговлю телом, они держали при себе. В 1864 году в Петербурге насчитывалось 1067 бланковых девиц, а в 1883-м — 3463. К февралю 1917-го, по данным Врачебно-полицейского комитета, в городе осталось около 2,5 тысяч проституток-одиночек. Это ни в коей мере не говорит о сокращении рынка любви в столице Российской империи. Просто под воздействием общедемократических тенденций начала сворачиваться, а затем (в марте 1917 года) и вовсе прекратилась деятельность самого Врачебно-полицейского комитета.

Петербург хоть и считался лидером в индустрии продажной любви, но одновременно стремился к внешнему благообразию в этой области. И определенные успехи здесь были достигнуты. Так, если в 1853 году на тысячу жителей приходилось более трех проституток, то в 1909-м — менее двух. В то же самое время тысячу москвичей «обслуживали» 15 публичных девиц.

В проститутки обычно шли бывшие крестьянки, приезжавшие в город на заработки. В конце XIX века они составляли 40—50 процентов от общего количества проституток Петербурга, а в 1914 году — уже 70. Почти половина девиц до перехода в ранг публичных имела какое-то занятие. В основном это бывшие горничные, белошвейки, портнихи... Они больше других зависели от капризов клиентов и хозяев и, следовательно, в любой момент могли лишиться и работы, и жилья. Куда идти? Для многих вопрос решался однозначно — на панель. Правда, по данным обследования 1910 года, почти 60 процентов проституток избрали сей тернистый путь, считая его все же более легким, нежели систематический труд.

Сложнее дело обстояло с женщинами, торговавшими собой тайно, без надзора. Число тайных, то есть не состоящих на официальном учете проституток в Петербурге неумолимо росло. В 1910 году Врачебно-полицейский комитет привлек к ответственности за незаконный промысел 2600 женщин. Эта цифра в восемь раз превышала число проституток в публичных домах. Но и она не отражала действительного положения. В том же году на первом съезде по борьбе с торгом женщинами приводились иные, может быть несколько завышенные, но более близкие к реальности данные — около 40 тысяч. Особую опасность представляла детская проституция, которая нигде не регистрировалась. Девочки 10—14 лет составляли почти 15 процентов от числа всех женщин, скрытно занимавшихся этим «ремеслом». Ликвидация организации, осуществлявшей надзор за сексуальной коммерцией, формально уничтожила и проституцию как особый вид трудовой деятельности, признаваемой обществом. И если следовать этой логике, то исчезла и профессия «проститутка». Оставались лишь женщины, вступавшие в многочисленные безличные половые связи. Факт же купли-продажи — важнейший признак торговли любовью — оставался незарегистрированным, а следовательно, и неустановленным.

Ситуация еще больше усложнилась после Октябрьского переворота. Проституция резко изменилась в годы гражданской войны. Петроград обезлюдел, закрылось большинство кафе и ресторанов. Под влиянием голода заметно понизилась сексуальная активность. Ю. П. Анненков, ссылаясь на свидетельство В. П. Шкловского, так писал о жителях Петрограда в 1919 году: *«У мужчин была почти полная импотенция, у женщин исчезли месячные»*[1].

Конечно, это не означало, что в городе не осталось мужчин и женщин, вступавших в половые отношения. Телом, например, можно было расплатиться за карточку более высокой категории, за ордер на жилплощадь, за место в вагоне при поездке в деревню. Можно было попытаться такой ценой спасти жизнь близких. Один молодой рабочий, привлеченный в 1919 году к деятельности Петроградской ЧК, рассказывал, как сопровождал к месту расстрела группу офицеров. Жена одного из приговоренных *«следовала за отрядом и предлагала каждому пойти с ней, чтобы мужа отпустили. Я отошел с ней в сторону, совершил акт пролетарской справедливости, но мужа все равно расстрелял»*[2].

Правда, Петроград довольно быстро сбросил с себя аскетическую суровость «военного коммунизма». По оценке отдела управления Петросовета, в июне 1920 года в городе тайным промыслом относительно постоянно занимались 17 тысяч женщин. Вскоре засверкали огнями окна знаменитого ресторана Палкина на Невском, ночного ресторана «Универсаль», игорного дома на Владимирском. Около подобных заведений, как и до революции, вновь стали группироваться жрицы любви. В милицейских документах, относящихся к середине 1922 года, отмечалось: *«Явление это, сначала малозаметное, в последнее время стало обретать повальный характер. Все более или менее оживленные улицы города в вечерние и ночные часы кишат подобного рода женщинами, откровенно торгующими своим телом и обращающими на себя внимание вызывающим поведением»*. В целом милиция предполагала, что в конце 1922 года проституцией тайно промышляли около 30 тысяч женщин. Эта цифра держалась до конца 20-х годов. После революции ряды особ, торговавших собою, в основном пополняли безработные служащие, домашняя прислуга, чернорабочие, а иногда и бывшие дворянки.

К концу 20-х годов социальный состав продажных женщин изменился. Вновь резко выросло число крестьянок — более двух третей всех проституток социалистического Ленинграда. Бывшие жительницы сельской местности, насильственно втянутые в городскую жизнь в результате форсированной коллективизации, часто не могли найти работу, не имели жилья и вынуждены были проституировать. Но с введением паспортов ситуация изменилась. Ряды проституток стали стабильно пополнять представительницы рабочего класса. В 1934 году, по данным Ленгорсобеса, они составляли более 60 процентов всех продажных женщин города. Это полностью опровергает утверждение советской исторической науки о том, что число женщин легкого поведения в эпоху социализма множилось лишь за счет «деклассированных слоев: дочерей бывшей буржуазии и дворянства».

Материалы специальных записок ленинградских органов, занимавшихся борьбой с проституцией в 30-е годы, свидетельствуют: *«Работница ударница завода «Краснознаменец» пьянствует и занимается развратом»*; *«Владимирова М. имеет четырех детей, работает на ткацкой фабрике, водит к себе на квартиру мужчин...»*[3] Это была новая, советская черта в облике проститутки. До революции систематическим проституированием занимались в основном женщины, не имевшие профессии или не желавшие трудиться на фабрике. Знавшие ремесло предпочитали все же жизни проститутки труд на производстве.

Не меньшую опасность представляла и другая тенденция — рост в рядах проституток семейных и особенно разведенных. Последние к январю 1936 года составляли почти половину всех состоявших на учете в ленинградской милиции особ. В царской России наблюдалась обратная ситуация — выход замуж нередко спасал женщину от панели.

Произошли изменения и в формах «работы» проституток. Попытки возрождения домов свиданий, как известно, строго пресекались милицией. И тем не менее в городе в 20-х и 30-х годах существовали нелегальные притоны. В 1922 году петроградская милиция выявила целый ряд заведений, где работало по десять и больше женщин. В 1923—1924 годах органы правопорядка обнаружили несколько притонов для шикарной публики. Некоторые из них, как и до революции, размещались в задних комнатах модных магазинов. Тайный салон для избранных содержала в своей квартире на Невском некая Т., жена артиста одного из петроградских театров. В 1924 году в губернском суде слушалось дело этой притоносодержательницы. Судя по материалам следствия, Т. и сама не брезговала своеобразной проституцией, ссылаясь на свои особые запросы в интимной сфере. Посещавшие ее клиенты явно тяготели к садизму, и Т. старалась удовлетворять их требования. На процессе по делу Т. выяснилось, что в ее заведение заходил известный партийный публицист И. Л. Оршер. Посчитав себя оклеветанным, он отправился в Москву искать защиты у М. И. Ульяновой. Последняя же сочла дом свиданий явочной квартирой контрреволюционеров и была очень разгневана на «отступника», как сам он рассказывал К. И. Чуковскому.

В притонах подбирался и своеобразный инструментарий: резиновые плети, каучуковые палки, специальные доски, покрытые шипами, для посетителей с садистскими и мазохистскими наклонностями.

Хозяйки возродившихся домов свиданий придерживались дореволюционных традиций. Чаще всего они содержали по две-три «девушки», которым предоставляли еду и жилье. Преемственность проявлялась и в стиле обращения с жилицами. Характерный пример — рассмотренное в 1925 году в ленинградском губернском суде дело некой С., 37 лет, дворянки по происхождению. В 1921 году ее муж купил небольшую гостиницу и по сути превратил ее в дом свиданий. Через два года мужа сослали на Соловки, гостиницу закрыли. Но С. оставила себе две комнаты, которые стала сдавать. Клиентов «девушкам» хозяйка подыскивала сама, заботясь о репутации заведения. В материалах следствия отмечалось: *«С девицами С. обходится сурово, беря себе львиную долю их заработка. Она умело держит их в беспрекословном повиновении угрозами сообщить о них в милицию»*[4].

с чехословаками, был встречен прохладно. Ему сообщили, что части корпуса следуют во Францию и не желают вмешиваться во внутренние дела России[28]. Однако чехословаки встретили поддержку местного населения. Красный военачальник Р. Берзин свидетельствует, что жители Челябинска и Златоуста приветствовали их приход. Упомянутый Буршвит вспоминал летом 1918 года: «*Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Томилинского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян, доставивших чехам провизию и все необходимое, а также восстание уральских казаков окончательно убедили чехов, что Россия может возродиться*»[29].

Но в мае корпус хотел лишь одного — во Владивосток, потом во Францию. Однако Троцкий на переговорах 31 мая с представителем корпуса Найбертом продолжал диктовать: все оружие должно быть сдано, «*а всякая часть, в которой будет найдено оружие, должна быть заключена в концлагерь*»[30]. В тот же день председатель Высшей военной инспекции Н. Подвойский издал приказ всем эшелонам сдать оружие, покинуть вагоны и разместиться в казармах до окончания переговоров. В опубликованном 29 мая сообщении Наркомвоена «Чехословацкий мятеж» излагалось распоряжение о «немедленном и безусловном» разоружении «всех чехословаков» и «столь же безусловном расстреле тех, которые будут сопротивляться с оружием в руках»[31]. И напрасно Жак Садуль добился все же освобождения Максы и Чермака, напрасно они соглашались принять условия большевиков и сами с готовностью отправились для переговоров в Пензу...

4 июня Троцкий держал речь перед специально собранными членами ВЦИК и других организаций. Вглядываясь в лица разношерстной публики, заполнившей зал, Троцкий вдруг снова, как и год назад, на митингах в цирке «Модерн», почти физически ощутил прилив радостной для него силы разрушения. Он знал, что и как будет говорить.

«*Само собой разумеется*, — гремел голос Троцкого, — *что Советская власть есть организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков. Советская власть... не боится призывать массы к гражданской войне и для этого их организовывать*»[32].

Упомянув о боях с чехословаками, Троцкий торжествующе продолжал: «*Теперь Советская власть будет действовать более решительно и радикально... Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война уперлась в хлеб... Да здравствует гражданская война!*»[33]

«*Чехословацкое восстание*, — писал позднее Троцкий, — *... выбило партию из угнетенного состояния, в котором она находилась, несомненно, со времени Брест-Литовского мира*»[34]. «*Началась настоящая революционная кристаллизация красных. Можно сказать, что только с появлением чехословаков Поволжье совершило свою Октябрьскую революцию. ...Опасность сразу обострилась, вот тут и начался радикальный перелом*»[35].

Большевики хотели гражданской войны — они ее получили. «*Закусивший удила мелкий буржуа*, — рассуждал Троцкий, — *не хочет знать никаких ограничений, никаких уступок, никакого компромисса с исторической действительностью — до тех пор, пока эта последняя не осадит его бревном по черепу*»[36].

«Мятеж»[37] чехословацкого корпуса превратился в войну с ним. В ожесточенных боях лета—осени 1918 года корпус потерпел поражение, в середине января 1919 был отведен в тыл, а затем — значительно поредевший — вернулся все-таки на родину. Но Россию уже пожирало пламя гражданской войны, пламя, куда немало сухих поленьев было брошено в мае 1918 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Изложение событий дается по: Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 202—203.
2. Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. М., 1965. С. 23; Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 12.
3. Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 147
4. Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982. С. 499.
5. Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 153.
6. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 291—292.
7. Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 184—185.
8. Там же. С. 185—186.
9. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1972. С. 73.
10. Там же. С. 72. Это не означает, что Масарик был «ярым» сторонником интервенции — большевиков и немцев он видел своего рода «единым целым» и борьбу с ними считал возможным вести как в России, так и во Франции.
11. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932. С. 61.
12. Локкарт Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 265.
13. Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955. С. 71—72.
14. Ротштейн Э. Указ. соч. С. 82.
15. Из истории гражданской войны в СССР. Т.1. М., 1957. С. 17.
16. Zeman, p. 130—131.
17. Нева. 1991. № 3. С. 158.
18. Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 40.
19. Троцкий Л. Д. Как вооружилась революция. Т. 1. М., 1923. С. 16.
20. Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 268.
21. Цит. по: Демократическая газета. 1991. № 20.
22. Гражданская война в СССР. Т. 1. М., 1980. С. 179.
23. Клеванский А. Х. Указ. соч. С. 196.
24. Веселы И. Указ. соч. С. 121. Автор не приводит ни текста приказа, ни даты его появления на свет. Однако следует учесть, что автор ранее был шефом чехословацкой госбезопасности и имел доступ к соответствующим архивам.
25. Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 207. Веселы утверждает, что Мариинск был захвачен в 15.00 (Указ. соч. С. 121). Явное противоречие: едва ли слабые силы большевиков продержались бы в течение 8 часов.
26. Клеванский А. Х. Указ. соч. С. 209.
27. Грэвс В. Указ. соч. С. 31. Сообщенное Эмерсону было скорее всего дезинформацией Гайды, наиболее ярого антибольшевика, стремившегося оправдать свои действия несуществовавшим «приказом из Пензы».
28. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 47—48.
29. Алексеев В. Н. Два года борьбы. Ульяновск, 1927. С. 66.
30. Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 213—214.
31. Там же. С. 210.
32. Там же. С. 69.
33. Там же. С. 70—71.
34. Луначарский А., Радек К, Троцкий Л. Политические силуэты. М., 1991. С. 97.
35. Там же. С. 95, 97.
36. Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 8.
37. Здесь, видимо, необходимо пояснить, почему мы писали это слово в кавычках. По крайней мере, нельзя именовать мятежом действия войск одной армии (корпус был составной частью французской армии) против другой. Корректнее было бы назвать происшедшее вооруженными столкновениями, переросшими в боевые действия...

КАК ТЯЖКО МЕРТВЕЦУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ...

«Температура воздуха в траурном помещении Мавзолея зимой и летом 16 градусов. Температура мумии 15,6 градуса».

Из официальной справки

...Очутиться один на один с самым знаменитым в мире покойником — такое возможно только в наши фантастические дни. Как во сне — одна на огромной Красной площади, перекрытой для всех, кроме посетителей Мавзолея. Одна в темных после солнечного света коридорах усыпальницы. И вот — наедине с трупом вождя мирового пролетариата В. И. Ленина.

Первое ощущение — противоестественности, жутковатой и тошнотворной: как ни приукрашивай труп, а невероятная, больше, чем у камня, недвижность, неживой цвет — все выдает прах, что от века завещано на третий день предавать земле. Острое чувство непорядка, недоделанности, незавершенности трагедии человеческого тела, в которой чьим-то нелепым тщанием до сих пор не поставлена точка... Вглядываюсь в «вечно живого». Умер он в пароксизме, в судороге — но лицо тут скульптурно красивое, спокойное, разглаженное; прямой нос, четко вылепленные ноздри...

Что-то притягивает внимание, заставляет еще и еще смотреть на это... нет, неточно сказать л и ц о, ибо было оно таковым ровно 70 лет тому назад, а сейчас это нечто уже иное. Физически и метафизически иное.

Но ведь существуют нетленные мощи православных святых; они у всех на памяти, на них все еще ориентировано народное сознание; они во многом имелись в виду устроителями Мавзолея. Знаменитая Киево-Печерская лавра и ее старцы во гробах, раки святых по церквам и монастырям... Почему там все полно святости и таинства, а здесь ощущение кощунства над прахом, над коим ежеденно возится «Институт тела» вот уже несколько десятилетий?..

Нетленные мощи святых — дело Божье, Его промысел и наше упование, чудо, чью разгадку не дано узнать на земле. «Смертию Смерть поправ...» У безбожников же долговременное сохранение тела — дело рук человеческих, не тайна, но расчет точной науки. Прикасаться к мощам святых — кощунственно, извлекать их из раки — надругательство. Но можно, и блаженно, и свято, — лобызать край гроба. Так делают у раки Сергия Радонежского. Здесь, в Мавзолее, все наоборот: задерживаться у гроба, тем более к нему прикасаться «простому смертному» нельзя, но регулярно извлекают тело для гигиенических процедур. Ведь само коммунистическое общество, отвергнув Бога, поставило все с ног на голову. Комиссары хотели бы совсем изгнать мистику; но тайна Смерти подавляет конъюнктуру, и когда вы смотрите на лежащий посреди страны, выставленный на всеобщее обозрение труп, вас против воли охватывает мистическое чувство.

О н принадлежит миру мертвых — огромному большинству человечества, живущему там, в ином измерении, по своим собственным законам. Говорят, мертвецы так же боятся живых, как мы боимся их, мы им так же противны — настолько непереходима грань между мирами. И вот живые, словно вурдалаки, захватили тело и не допускают его к родному большинству...

Смятенные мысли вихрем проносятся, пока стою — одна! — в полутемном склепе пред телом Ленина под фонарем прожектора. Всего с минуту, не больше — и по советской ли привычке к дисциплине, по странному ли чувству, что дольше здесь задерживаться не нужно и нельзя, — прохожу в коридорчик. Там часовои — отнюдь не вытянувшись по стойке смирно, а вольно, с намечающейся ухмылкой.

...Пусто на перекрытой до часу дня главной площади страны. И шагаю, выходя из Мавзолея, по розово-серой под солнцем брусчатке, с чувством интимного соприкосновения с этой площадью, Красной-прекрасной... Купола Василия Блаженного под ласковым солнышком, фантастически красивая Спасская башня Кремля. Послушайте, а ведь главная башня страны не зря называется — Спасская. От Спаса. От спасения. Блаженный да Спасская... «Веруйте и спасены будете», — сказал Господь спутникам посреди морской (читай, и житейской!) бури. История выносит неумолимый приговор вождю мирового пролетариата. История. Но не толпа, не те, что обольстились лжеучением и пошли за вождем. Простим наших мертвецов, даже тех, кому молились...

Простим мертвых. Но спросим с живых. «Кто не со Мною — тот против Меня» — это тоже сказал Христос. И означает это вовсе не абсолютную нетерпимость, а тот непреложный факт, что нельзя одновременно служить Христу и Антихристу.

Прощение гнушается упорства во зле, нераскаянности. Оно вступает в силу только там, где есть п о к а я н и е, сознательное отступление от сил зла. Мертвые — вот те уже не могут покаяться. Потому простим их посмертно — «мертвые срама не имут».

Трудно их прощать. Очень трудно. Миллионы уничтоженных, замученных, выгнанных из страны. В 20-е годы залиты кровью целые губернии восставших крестьян. Оставшиеся в живых поражены страхом и покорностью, невозможностью реализоваться.

Но, может, не в прощении даже дело? Прощать, в конце концов, — прерогатива Бога. (Как и не прощать — «Аз воздам!») Тысячу лет православные говорят: «Бог простит!»

Но вот осмыслить собственную историю и события последних лет, последних дней — прямая наша обязанность.

Мертвое предадим земле и будем жить. И только вечно живое — действительные духовные ценности — сохраним как великое национальное богатство.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

Правоохранительные органы активно боролись с притоносодержательством, но оно продолжало существовать даже в конце 30-х годов.

Но все же основной формой была уличная торговля любовью. В начале 20-х годов продажные женщины «среднего уровня» группировалось вокруг гостиниц, ресторанов, кафе в центре города.

Но вскоре жрицы любви были вытеснены с центральных улиц и перебазировались, как свидетельствуют документы спецбригады Ленсовета, в рабочие кварталы, где легко находили потребителей.

Мир проституток социалистического Ленинграда оказался, пожалуй, более страшным, чем до революции. Многие тайно занимавшиеся торговлей любовью женщины были прочно связаны с уголовной средой города. Об этом, в частности, свидетельствует рекордное многообразие терминов, которыми обозначалась проститутка на блатном жаргоне 20-х годов. Выборка сделана по данным «Словаря блатной музыки», изданного в 1927 году. Слово «продажная женщина» имело более 20 синонимов: алюра, бедка, бикса, гарандесса, дежурка, клева марухан, кошка, ласточка, лярва, млеха, профурсетка, скважина, стуколка, суфлера, флюра, чеканка, чувиха, швабра, шкура, шмара...

Росли ряды питерских хипесниц, то есть особ, обкрадывающих клиентов, не предоставляя им предлагаемых интимных услуг. Вот характерные примеры хипеса 20-х годов, зафиксированные в милицейских сводках и наблюдениях социологов и юристов: *«Девушка 18 лет сделала своей специальностью поездки с мужчинами в такси. Питая отвращение к половым отношениям, она, получив с них деньги, при попытках их к сношениям начинала кричать, заставляя тем самым оставить ее в покое. 32 года, вдова, имеет двух детей. Последние 3 года занималась проституцией. Мужчин избегает, обычно старается получить деньги и обмануть, скандалом избавиться от притязаний».* Хипес был довольно распространенным видом преступлений и в 30-е годы, когда криминальная волна вновь захлестнула Ленинград. В 1934 году в одном из районов города работники милиции задержали группу девушек, которая, как зафиксировано в протоколе, *«нашла способ добычи денег, близкий по характеру к шантажу проституток. Они выходили на Невский, одна из них подходила к кому-нибудь из граждан и предлагала пойти на лестницу. При согласии она шла, а подруга становилась на «стрему». Когда деньги были получены, стоявшая на страже кричала: «Дворник!», девочка, бывшая с мужчиной, и мужчина бежали»*[5].

Многие женщины успешно сочетали оба занятия — проституцию и воровство. Об этом ярко свидетельствует доклад начальника городской милиции Ленсовету. В документе, в частности, отмечалось: *«34% зарегистрированных проституток непосредственно участвовали в разного рода преступлениях — большинство кражи, ряд случаев ограбления и раздевания пьяных. Посещая пивные, ночные буфеты, рестораны, проститутки, высмотрев подходящий объект, знакомятся с ним и уводят в ближайший двор, парадную и пустынное глухое место, и, выбрав удобный момент, сообщники проститутки, в зависимости от степени опьянения «клиента», оглушают его ударами и похищают одежду, деньги и ценности или, пользуясь беспомощностью последнего, без особых затруднений и насилия просто обирают...»*

В докладе приводилось много характерных примеров: *«Михайлова Вера, Покровская Вера 19 лет и Бочарова Мария 27 лет — все трое из семей служащих — знакомились с иностранными моряками и приводили их на квартиру Бочаровой. Спаивали и обкрадывали. Проститутки Федорова Надежда 17 лет, Тарасова Ольга 18 лет, Власова Лидия 18 лет, обычно «работавшие» у Московского вокзала, решили по инициативе Власовой ограбить одного из ее клиентов — одинокого старика 80 лет, проживавшего в Детском Селе. Приехав вечером в Д/Село, Власова вошла в квартиру, а через некоторое время впустила туда остальных, и с их помощью старик был задушен и ограблен»*[6].

Следует отметить, что одной из наиболее важных причин выхода женщин социалистического Ленинграда на панель в 20—30-е годы являлась материальная нужда. Но абсолютизировать подобное утверждение не стоит. В советское время, как и до революции, в сексуальную коммерцию втягивались женщины особого психологического склада, нередко психически неуравновешенные. Еще в 1918 году медики и юристы Петрограда поставили вопрос о выделении в особую категорию девиц, для которых *«проституция служит болезненной потребностью в качестве психического расстройства»*. В этой связи стоит процитировать любопытный документ — протокол, составленный одним петроградским участковым надзирателем на некую гражданку П. Стилистика материала сохранена умышленно. *«При обходе своего района у решетки Екатерининского сквера я увидел нагнувшуюся гражданку с поднятой юбкой и рядом с ней гражданин, который произвел половое сношение, при приближении к ним гражданин отошел в сторону, а гражданка выпрямилась и опустила юбку, за что мною означенные лица и задержаны».* При выяснении личности проститутки оказалось, что она по профессии учительница, имеет дочь, замужем за секретарем районного суда и отнюдь не бедствует. В справке же с места жительства подчеркивалось, что П. *«обладает слабостью к замеченному»*.

И все же, несмотря на наличие неких вечных черт, свойственных продажной женщине, средние показатели социокультурного облика проститутки в 20—30-х годах повышались. Уменьшилось число неграмотных: в 1922 году они составляли одну десятую часть в среде проституток, а в 1934-м — уже одну двадцатую. Улучшились и жилищные условия советских жриц любви. Если в конце 20-х годов, судя по данным ряда обследований, вообще не имели жилья около половины женщин, то в 1936 году — менее 10% проституток. Система взаимоотношений с институтом проституции, сложившаяся до революции и сводившаяся к двум принципам — контролю и регламентации, не устраивала новые властные структуры. Тем не менее совершенно очевидно, что заимствования из опыта прошлого были возможны. В первую очередь это относится к институтам социальной реабилитации проституток.

Уже в 60—80-х годах XIX века в ведении Врачебно-полицейского комитета находился вопрос об освобождении «девиц» от надзора. Согласно одной из многочисленных инструкций, поводами для снятия женщин с учета как проституток являлись: 1) болезнь, 2) возраст, 3) отъезд, 4) замужество, 5) требование опекуна, 6) поступление в богадельню или дом милосердия. Об этом последнем пункте следует рассказать подробнее.

В начале 30-х годов XIX века было создано «Магдалинское убежище» в районе Коломны. Почти за десять лет существования оно дало приют более чем 400 женщинам. С 40-х годов деньги на содержание убежища стала предоставлять великая княжна Мария Николаевна, дочь императора Николая I. В 1844 году «Магдалинское убежище» разделилось на два благотворительных приюта, один из которых стал функционировать именно как Дом милосердия для падших женщин. В 1863 году ему в бесплатное пользование было передано помещение в районе Лесного института, а тремя годами позже на Объездной улице построили новое здание, рассчитанное на 50 человек. К этому времени в учреждении имелось уже и отделение для несовершеннолетних проституток. В начале 70-х годов взрослых женщин перевели в специально приобретенный дом на Бармалеевой улице с прилежащим участком земли, собственной церковью. Благодаря постоянным взносам общественности рос капитал Дома милосердия, расширялись его возможности. В 1871 году он мог предоставить 75, а в 1881 году уже 102 места для постоянного проживания женщин. Покровительство Дому милосердия оказывал принц Ольденбургский. Просуществовало учреждение до революции.

Популярность Домов милосердия среди проституток была невелика, а эффективность воспитательных приемов — невысока. В 1900 году по собственному желанию в исправительное учреждение пришли лишь 3 процента его обитательниц, а почти 70 процентов призреваемых вернулось к прежним занятиям. Даже накануне первой мировой войны там действовал устав 1864 года, который предусматривал возвращение падших женщин к честной жизни посредством религиозно-нравственных бесед, обучения закону божьему, приобщения к тяжелому физическому труду.

Любые внушения такого характера имели сугубо временное воздействие. Еще меньший эффект давала трудотерапия. Большинство женщин могли заниматься тяжелым физическим трудом и до вступления на путь порока, но такая перспектива не привлекала их. Они тяготились условиями жизни в Доме милосердия и чаще всего сбегали оттуда.

Дом милосердия был не единственной организацией, занимавшейся социальной реабилитацией проституток. Существовали и другие — Российское общество защиты женщин, общества попечительства о молодых девицах, женской взаимопомощи...

Конечно, они не могли остановить роста заболеваний сифилисом, уменьшить число женщин, тайно торговавших собой, но оказать индивидуальную помощь действительной жертве обстоятельств подобные общества были в состоянии. Однако Россия стояла на пороге великих перемен, и это не могло не отразиться и на институте проституции.

Нельзя сказать, что новые власти полностью пренебрегли опытом своих предшественников. В 1928 году в Ленинграде открылся спецпрофилакторий — аналог дореволюционного Дома милосердия. Первоначально женщин в него набирали добровольно, по путевкам венерологической больницы имени В. М. Тарновского. Ограничен был прием проституток с большим «профессиональным» стажем. Насильно на первых порах в учреждении никого не держали. 1 мая 1929 года обитательниц профилактория вывели отдельной колонной на демонстрацию. Но с весны 1929 года началась планомерная работа по превращению лечебно-реабилитационного заведения в исправительное учреждение закрытого типа с почти тюремным режимом. Проституток начали отправлять туда насильно. Изменился и обслуживающий персонал, возглавила заведение жена С. М. Кирова Мария Львовна Маркус. В определенной мере это можно тоже рассматривать как продолжение традиций дореволюционной России, в которой судьбами падших женщин нередко занимались члены царствующей семьи. М. Л. Маркус не имела специального медицинского или педагогического образования. Более того, она была малограмотной, окончив

всего лишь два класса немецкой школы. Отсутствовал и опыт какой-либо практической работы. Но эти недостатки Мария Львовна восполняла большевистским рвением.

Существуют ранее нигде не публиковавшиеся воспоминания дезинфектора диспансера, некоего Д. В. Шамко, по словам которого основным методом воспитания падших женщин М. Л. Маркус считала «большевистское слово» и «хороший пример из жизни людей». Работа со «спецконтингентом» так увлекала супругу лидера ленинградских коммунистов, что она задерживалась в диспансере до поздней ночи и не могла городским транспортом добраться до дома. С. М. Киров вынужден был заезжать за женой на машине. Мария Львовна истово следила за тем, чтобы ее подопечные не имели лишних контактов с внешним миром и не убегали на ночной промысел. Но давалось это с большим трудом.

Профилакторий, где два с лишним года трудилась М. Л. Маркус, располагался на Большой Подьяческой улице в доме № 30. Логика выбора места для советского «дома милосердия» до предела абсурдна. Известно, что именно район Сенной, начала Московского (бывшего Забалканского) проспекта, Таирова переулка, Большой и Малой Подьяческих до революции служил местом скопления самых дешевых проституток. Мало что изменилось и на рубеже 20—30-х годов. У Сенного рынка по-прежнему промышляли полуголодные женщины. Конечно, если бы у Марии Львовны были элементарные навыки работы, она бы знала, что наиболее эффективное средство в перевоспитании проституток — это полная изоляция от привычной им среды.

Неудивительно, что «спецконтингент» как-то плохо внимал внушениям далеко не молодой, весьма непривлекательной, бездетной и вполне обеспеченной жены первого секретаря обкома ВКП(б). Довольно частыми были бунты проституток с требованиями освободить их из заточения. Один такой случай описан в воспоминаниях Д. В. Шамко довольно подробно. *«Девицы вытолкали за двери все руководство профилактория, затащили к себе швейцара и стали предлагать ему провести время с любой, когда он отказался, они раздели его догола и под общий хохот объяснили свой поступок тем, что их не выпускают в город, а у них большая потребность и нужда в мужчинах»*[7]. Мария Львовна не была готова к подобным эксцессам ни профессионально, ни психологически. В середине 1930 года под давлением мужа и Г. К. Орджоникидзе она покинула своих подопечных. Их же судьба привела в Свирскую спецколонию лагерного режима.

Репродукции с открыток начала века.

Не менее уродливые формы приобрела в социалистическом Ленинграде и система добровольных обществ, деятельность которых могла быть направлена на помощь падшим женщинам. Как правило, в дореволюционной России в такие организации вступали прежде всего врачи, юристы, священнослужители. В условиях нового общества все переменилось. В борьбу с торговлей любовью решено было вовлечь широкую пролетарскую общественность. Так предписывало действовать специальное постановление Ленинградского обкома ВКП(б) от 7 октября 1929 года[8]. Этот документ явился ответом коммунистов на общесоюзную кампанию по искоренению проституции, начатую летом. В Ленинграде появились общественные комиссии по борьбе с проституцией.

Но даже в таком весьма специфическом виде общественные организации помощи падшим женщинам просуществовали недолго. В начале 30-х годов советское государство перешло к сугубо репрессивным мерам воздействия на проституцию. Это внешне способствовало облагораживанию пейзажа ночных улиц социалистического Ленинграда, но по сути означало, что болезнь не излечена, а загнана внутрь, и при неблагоприятной ситуации она обязательно проявится.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Т. I. Л., 1991. С. 29.
2. ЦГА ИПД. Ф. 400. Оп. 5. Д. 616. Л. 8.
3. Проблемы преступности. Вып. I. М.—Л., 1925. С. 146, 147.
4. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 123. Л. 95—96.
5. Там же. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 59. Л. 682—684.
6. Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 721. Л. 154—155.
7. Музей С. М. Кирова. Ф. V. Д. 663. Л. 4.
8. ЦГА ИПД. Ф. 16. Оп. 174. Д. 174. Л. 3.

КАК СТАЛИН САМ СЕБЯ С ГЕНСЕКА СНИМАЛ

19 декабря 1927 года избранием Центрального Комитета завершил 18-дневную работу XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Через десять с лишним лет в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» он будет задним числом назван «съездом коллективизации». На самом деле о коллективизации в том смысле, как ее стали понимать в конце 20-х—начале 30-х годов, на съезде речи не было. Основной его целью было нанесение окончательного удара по объединенной оппозиции, которая уже второй год резко критиковала курс генерального секретаря И. В. Сталина и других «тонкошеих вождей», требовала публикации «завещания» Ленина, настаивала на преодолении партийно-советского бюрократизма. Непосредственным результатом съезда было исключение из партии лидеров оппозиции Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Х. Г. Раковского и других.

В день закрытия съезда состоялся пленум новоизбранного ЦК, которому предстояло выбрать высших иерархов — членов Политбюро, Секретариата и, главное, генерального секретаря. Всем присутствовавшим было ясно, что кандидатура на этот пост могла быть только одна — Сталин.

Председательствовавший на пленуме А. И. Рыков предоставил слово С. В. Косиору, который огласил предлагаемый состав Политбюро, Секретариата и предложил избрать генеральным секретарем И. В. Сталина. Никаких обсуждений не ожидалось. Но неожиданно слово взял Сталин и попросил освободить его от обязанностей генсека.

Сталин, разумеется, был убежден, что его предложение единодушно отклонят. И тем не менее говорил, что именно ему принадлежала решающая роль в разгроме оппозиции, что на должность генсека он был поставлен Лениным, что генсек в партии должен быть только один и, стало быть, всяких «маленьких генсеков» — в национальных республиках и областях — надо устранить. Свою речь Сталин тщательно подготовил. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в тексте его речи в стенограмме нет ни одного исправления, тогда как ответная речь Рыкова пестрит правкой — от первоначального текста в ней осталось немного.

Пленум 19 декабря 1927 года был одной из главных вех на пути превращения Сталина в единоличного диктатора.

В последние годы в печати появились упоминания о том, что Сталин несколько раз просил «освободить» его от высоких обязанностей генерального секретаря. Но никакими документами эти сведения не подтверждались. Ниже мы публикуем часть машинописной стенограммы пленума 19 декабря 1927 года с рукописной правкой Рыкова. В круглых скобках даны слова и фразы, сказанные на пленуме, а затем вычеркнутые из стенограммы.

Сталин. Товарищи! Уже три года прошу ЦК освободить меня от обязанностей Генерального Секретаря ЦК. Пленум каждый раз мне отказывает. Я допускаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту, как человека более или менее крутого, представляющего известное противоядие против опасностей со стороны оппозиции. Я допускаю, что была необходимость, несмотря на известное письмо т. Ленина, держать меня на посту Генсека. Но теперь эти условия отпали. Отпали, так как оппозиция теперь разбита. Никогда, кажется, оппозиция не терпела такого поражения, ибо она не только разбита, но и исключена из партии. Стало быть, теперь нет налицо тех оснований, которые можно было бы считать правильными, когда Пленум отказывался уважить мою просьбу и освободить меня от обязанностей Генсека. А между тем у вас имеется указание т. Ленина, с которым мы не можем не считаться и которое нужно, по-моему, провести в жизнь. Я допускаю, что партия была вынуждена обходить это указание до последнего времени, была вынуждена к этому известными условиями внутрипартийного развития. Но я повторяю, что эти особые условия отпали теперь и пора, по-моему, принять к руководству указания т. Ленина. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста Генерального Секретаря ЦК. Уверяю вас, товарищи, что партия только выиграет от этого.

Догадов[1]. Голосовать без прений.

Ворошилов[2]. Предлагаю заслушанное заявление отвергнуть.

Рыков[3]. Голосуется без прений. В основу кладется предложение т. Косиора[4]. Голосуется предложение Сталина об освобождении его от генерального секретарства. Кто за это предложение? Кто против? Кто воздержался? Один[5]. Всеми при одном воздержавшемся отвергнуто предложение т. Сталина.

Сталин. Тогда я вношу другое предложение. Может быть, ЦК сочтет целесообразным институт Генсека уничтожить. В истории нашей партии были времена, когда у нас такого поста не было.

Ворошилов. Был Ленин тогда у нас.

Сталин. До X съезда у нас института Генсека не было.

Голос. До XI съезда[6].

Сталин. Да, кажется, до XI съезда у нас не было этого института. Это было еще до отхода Ленина от работы. Если Ленин пришел к необходимости выдвинуть вопрос об учреждении института Генсека, то я полагаю, что он руководствовался теми особыми условиями, которые у нас появились после X-го съезда, когда внутри партии создалась более или менее сильная и хорошо организованная оппозиция. Но теперь этих условий нет уже в партии, ибо оппозиция разбита на голову. Поэтому можно было бы пойти на отмену этого института. Многие связывают с институтом Генсека представление о каких-то особых правах Генсека. Я должен сказать по опыту своей работы, а товарищи это подтвердят, что никаких особых прав, чем-либо отличающихся от прав других членов Секретариата, у Генсека нет и не должно быть.

Голос. А обязанности?

Сталин. И обязанностей больше чем у других членов Секретариата нет. Я так полагаю: есть Политбюро — высший орган ЦК; есть Секретариат — исполнительный орган, состоящий из 5-ти человек, и все они, эти пять членов Секретариата, равны. Практически так и велась работа, и никаких особых прав или особых обязанностей у Генсека не было. Не бывало случая, чтобы Генсек делал какие-нибудь распоряжения единолично, без санкции Секретариата. Выходит, таким образом, что института Генсека, в смысле особых прав, у нас не было на деле, была лишь коллегия, называемая Секретариатом ЦК. Я не знаю, для чего еще нужно сохранять этот мертвый институт. Я уже не говорю о том, что этот институт, название Генсека, вызывает на местах ряд извращений. В то время как наверху никаких особых прав и никаких особых обязанностей на деле не связано с институтом Генсека, на местах получились некоторые извращения, и во всех областях идет теперь драчка из-за этого института между товарищами, называемыми секретарями, например, в национальных ЦК. Генсеков теперь развелось довольно много и с этим теперь связываются на местах особые права. Зачем это нужно?

Шмидт[7]. На местах можно упразднить.

Сталин. Я думаю, что партия выиграла бы, упразднив пост Генсека, а мне дало бы это возможность освободиться от этого поста. Это тем легче сделать, что в уставе партии не предусмотрен пост Генсека.

Рыков. Я предлагаю не давать возможности т. Сталину освободиться от этого поста. Что касается генсеков в областях и местных органах, то это нужно изменить, не меняя положения в ЦК. Институт Генерального Секретаря был создан по предложению Владимира Ильича. За все истекшее время, как при жизни Владимира Ильича, так и после него (и в организационном и в политическом отношении...) (это было) оправдал себя политически и целиком и в организационном и в политическом отношении. В создании этого органа и в назначении Генсеком т. Сталина принимала участие и вся оппозиция, все те, кого мы сейчас исключили из партии; настолько это было совершенно несомненно для всех в партии: (нужен ли институт генсека и кто должен быть генеральным секретарем). Этим самым исчерпан, по-моему, целиком и полностью и вопрос о завещании, (ибо этот пункт решен) исчерпан оппозицией в то (же) время так же, как он был решен и нами. Это же вся партия знает. Что теперь изменилось после XV съезда и почему (это нужно) отменить институт генсека?

Сталин. Разбита оппозиция.

Рыков. Ну да, оппозицию разбили благодаря хорошей работе партии, благодаря хорошей работе Центрального Комитета.

Голос. Правильно!

Рыков. Нужно ли эту работу портить после всех тех успехов, которых мы достигли к XV съезду? И нужно ли (особенно) ее портить (тем) (этим) этак, (чтобы за это упрекали) чтобы в (этом) нашем решении видели какую-то уступку совершенно уничтоженной оппозиции, которая никогда никак не вытекает?* (и которая может быть истолкована так. По-моему,) Раз (практика при Ленине и после Ленина) и сам институт генсека (и тот, кто должен быть секретарем) и работа т. Сталина в качестве Генсека оправдана всей жизнью нашей организационной и политической как при Ленине, так и после смерти т. Ленина. Оправдана на все 100%. Никаких аргументов за то, чтобы изменить это положение (это) теперь, по-моему, нет.

Тов. Сталин прав в одном, что (у нас) работа в Секретариате, в Политбюро и Оргбюро (и везде) была совершенно коллегиальной и все делалось за коллективной ответственностью всех. Это, несомненно, верно, но все-таки ведь ответственность тов. Сталина за Секретариат несколько большая, чем остальных членов Секретариата — это совершенно ясно, и эта ответственность должна сохраниться за ним и дальше.

Голос. (Факт!) Правильно.

Рыков. Я предлагаю отвергнуть предложение т. Сталина.

Голоса. Правильно, голосуй!

Рыков. Есть предложение голосовать.

Голоса. Да, да!

Рыков. Голосуется. Кто за предложение т. Сталина: уничтожить институт Генерального секретаря? Кто против этого? Кто воздерживается? Нет.

Сталин. Товарищи, я при первом голосовании насчет освобождения меня от обязанностей Секретаря не голосовал, забыл голосовать. Прошу считать мой голос против.

Голос с места. Это не много значит.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 335. Л. 4—8.

* Здесь рукописная вставка на полях, которую невозможно прочитать, так как значительная ее часть срезана.

Выход членов правительства на парад 1 мая 1945 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Догадов Александр Иванович (1888—1937) — участник революционного движения в России. В 1921 г. стал секретарем ВЦСПС. В 1930 г. заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства СССР. В последующие годы был наркомом рабоче-крестьянской инспекции Закавказской СФСР и членом Комиссии советского контроля при СНК СССР. В 1924—1930 гг. член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1930—1934 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). Расстрелян во время «большого террора».

2. Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — участник революционного движения в России. Во время гражданской войны командовал частями и соединениями Красной Армии. В 1924 г. стал командующим войсками Московского военного округа, а в 1925 г. наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета СССР. Во время войны 1941—1945 гг. член Государственного комитета обороны. В 1953—1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. До 1961 г. и с 1966 г. член ЦК, в 1926—1960 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

3. Рыков Алексей Иванович (1881—1938) — активный участник социал-демократического движения в России. С 1921 г. заместитель председателя Совнаркома СССР и с 1923 г. одновременно председатель Высшего совета народного хозяйства СССР. С февраля 1924 г. председатель Совнаркома СССР. В 1931—1936 гг. нарком связи СССР. До 1930 г. член Политбюро, в 1934—1937 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1930 г. обвинен в «правом уклоне». В 1938 г. приговорен к расстрелу и казнен.

4. Косиор Станислав Викентьевич (1889—1939) — участник социал-демократического движения в России. В 1919—1920 гг. член ЦК КП(б) Украины. В 1922—1925 гг. был на партийной работе в Сибири. В 1926 г. стал секретарем ЦК ВКП(б). В 1928—1938 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1927 г. кандидат в члены, а с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). Расстрелян во время «большого террора».

5. Воздержавшимся, естественно, был Сталин.

6. Должность генерального секретаря ЦК партии была введена после XI съезда РКП(б) (27 марта—2 апреля 1922). Генсеком был избран И. В. Сталин.

7. Шмидт Василий Владимирович (1886—1940) — участник рабочего, профсоюзного, а затем социал-демократического движения в России. В 1918 г. стал секретарем ВЦСПС и вслед за этим народным комиссаром труда. В 1928—1930 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1930—1931 гг. заместитель наркома земледелия СССР. Был обвинен в «правом уклоне». С 1931 г. главный арбитр при Совнаркоме СССР. С 1933 г. работал на Дальнем Востоке. Погиб в условиях «большого террора».

Предисловие и публикация доктора исторических наук
ГЕОРГИЯ ЧЕРНЯВСКОГО (Харьков)

В ГОСТЯХ У «РОДИНЫ» ГАЗЕТА «РЕФОРМА»

АРХИВНАЯ НАХОДКА

РЕФОРМА

ПРОФЕССОР А. А. МАНУЙЛОВ: «ПУТЬ СПАСЕНИЯ РОССИИ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ОДИН...»

Александр Аполлонович Мануйлов (1861—1929) — видный русский экономист, автор трудов по политической экономии и аграрному вопросу, член ЦК Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). С 1908 года был ректором Московского университета. В 1911 году в знак протеста против политики Министерства народного просвещения, направленной на свертывание академических свобод, вместе с большой группой профессоров и преподавателей подал в отставку и покинул университет. В 1917 году во Временном правительстве занимал пост министра народного просвещения. После октябрьского переворота эмигрировал, но вскоре возвратился. Преподавал в вузах, с 1924 года был членом правления Государственного банка. 14(27) октября 1917 года выступил с речью на проходившем в Москве совещании общественных деятелей, текст которой приводится ниже.

Задачи экономической политики

Чем бы ни кончилась война, Россия выйдет из нее материально обессиленной и истощенной. Обремененная многомиллиардным государственным долгом, с обесцененной валютой, разрушенной промышленностью и разоренным сельским хозяйством, она должна будет собрать все свои силы, чтобы упорным трудом в течение ряда лет, а может быть, десятилетий, восстановить свою экономическую мощь.

Задача, которую в этом отношении история ставит перед грядущими поколениями русских людей, неизмеримо велика и беспримерна по своей трудности.

Старый режим не подготовил русского народа для решения этой задачи, а революция еще более усложнила ее, но пока еще не наметила новых путей для ее разрешения. Напротив, будущее стало более неясным, чем было. Между тем пора отдать себе отчет по крайней мере в общем направлении, в котором мы должны будем искать выхода из грозящего окончательно раздавить нас экономического и финансового кризиса.

От того, по какому пути в области экономической политики пойдут Учредительное собрание и будущие государственные учреждения, которые оно создаст, зависит экономическое будущее России. Ввиду этого необходимо теперь же определить этот путь.

Он может быть только один. Это — путь всемерного развития производительных сил страны.

Поднятие продуктивности почвы как основного фактора сельского хозяйства, широкая разработка естественных богатств и максимальное повышение производительности труда, — таковы условия, при которых мы только и можем рассчитывать на экономическое возрождение России. Только при этих условиях мы окажемся в состоянии поднять сельское хозяйство, расширить и укрепить промышленность и развить торговлю настолько, чтобы улучшить наши финансы, оплачивать проценты по долгам и исправить денежное обращение.

Могущественное развитие производительных сил России — единственный путь ее спасения. Никакого иного пути для нас нет и не может быть. Если мы не сумеем смело и твердо вступить на него и неуклонно следовать ему, нам не останется ничего иного, как распродажа наших естественных богатств иностранным капиталистам и экономическое рабство.

Развитие производительных сил — высшая задача, которую должна поставить себе наша экономическая политика, подчинив ей все другие цели и не останавливаясь ни перед какими жертвами для ее разрешения. Все другие задачи, — культурные и социальные, — неразрешимы без разрешения этой основной задачи. Подавленная экономическим гнетом Россия не в состоянии будет ни удовлетворять культурные потребности народа, ни проводить в жизнь какие бы то ни было социальные реформы.

К сожалению, однако, эти простые истины недостаточно еще вошли у нас в общественное сознание. Революционная демократия резко выдвигает задачу перераспределения имуществ, доходов и продуктов потребления, забыв как будто, что необходимо прежде всего обеспечить производство. Там, где мало производится, самое справедливое распределение не приведет к благосостоянию. При низкой производительности труда не может быть высока его оплата.

Первейшая задача теперь заключается в подъеме производства. Нужно отдать себе в этом ясный отчет и твердо установить этот принцип как руководящую цель нашей экономической политики. Имея в виду эту цель, надлежит избрать и соответствующие пути ее достижения.

Таких путей намечается два. Первый — путь государственной и общественной организации народного хозяйства. Это — путь социализма. В основе его лежит огосударствление и обобществление главнейших отраслей производства в виде передачи предприятий в полное ведение государства и общественных учреждений и организаций, или подчинения производства более или менее строгому государственному и общественному контролю. Здесь частный почин заменяется общественно-государственной инициативой, и двигателем производства становится общественный интерес взамен частной выгоды.

Другой путь — это путь индивидуалистического народного хозяйства, путь капитализма. В основе его лежит признание основной пружиной производства частного почина, опирающегося на капитал.

Из этих двух путей для России, как и для других стран промышленного мира, открыт теперь только второй. Это положение необходимо не только признать, но и сделать его основой экономической политики.

Не многие принципиально отрицают правильность этого положения. Но далеко не все делают из него неизбежные выводы и имеют мужество признать, что, оставаясь на почве капиталистического строя, приходится вести и капиталистическую политику. Нельзя, признав капитализм, подвергать гонению капитал и, видя в частном почине главную пружину производства, делать все, чтобы подорвать инициативу предпринимателя.

Одно из двух: или Россия признается созревшей для социализма, — и тогда пусть и осуществляется социалистическая система; или Россия не готова для социализма, — и в таком случае нужно оставаться на почве капиталистического строя и вести соответствующую экономическую политику. Последнее положение подтверждается не только общими соображениями о ходе экономической эволюции России и других стран, но и опытом последнего времени.

Этот опыт показывает следующее:

1) Широкое государственное вмешательство во время войны не доказало целесообразности и возможности «государственной организации народного хозяйства» или более или менее полной социализации производства и распределения продуктов.

2) Механизм свободной торговли в целом оказался трудно заменимым. Он основан на частном почине и имущественной ответственности заинтересованных лиц, и поэтому деятельнее всякой другой системы, лишенной содействия могучего стимула личного интереса.

3) Ввиду этого возвращение к системе свободной торговли неизбежно. В течение некоторого периода, пока будет продолжаться демобилизация армии и промышленности, режим военного времени останется в силе, но навсегда он сохраниться не может.

4) Возвращение после войны к системе свободной торговли не означает отказа от государственного вмешательства и, может быть, даже в расширенном масштабе по сравнению с довоенным временем. Но оно означает восстановление лежащей в основе капиталистического строя презумпции в пользу частного почина как главной пружины народного хозяйства.

Более или менее все, не исключая социалистов, кроме ослепленных фанатиков, признают буржуазный характер русской революции. Но отсюда необходимо сделать и логические выводы:

I. Должны быть отвергнуты всякие опыты переустройства экономических отношений на социалистических основах, хотя бы и частичного характера, в области промышленности или сельского хозяйства.

II. Первейшей задачей экономической политики должно быть: содействие развитию производительных сил страны прежде всего путем поддержания частной предприимчивости, основанной на капитале и знании.

III. Материальные интересы всех участников производства должны быть подчинены основной задаче поднятия производительных сил страны, ибо без успешного разрешения этой задачи проведение в жизнь идеи социальной справедливости ведет к осуществлению всеобщего равенства в нищете.

Наше общественное сознание, кажется, еще недостаточно уяснило себе трагически грозный характер экономического и финансового положения России. И, соответственно с этим, общественная мысль слишком мало еще останавливается на задачах ближайшего будущего в этой области. В то время как у наших врагов вопросы экономической политики послевоенного времени дебатируются чуть не с первого дня войны, мы отмахиваемся от них или занимаемся только устроением нашего материального положения в текущий момент.

А время идет. Нас отделяет немного больше месяца от Учредительного собрания, и, — кто знает, — сколько времени отделяет нас от мира! Пора отбросить иллюзии, отказаться от самообмана, готовых формул и пустых слов, и продумать смело и до конца великие задания, которые ставит нам беспощадная действительность.

«Русские ведомости». 15(28) октября 1917 г. № 236. С. 2.

Публикация доктора философских наук

И. МОЧАЛОВА

ВЕХИ РЕФОРМ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Все общественно-политические формации в истории развития человечества основывались на определенных идеях. Изживала себя идея — и умирала формация, на смену ей приходила новая со своей идеей, зародившейся в недрах старой формации.

Не является исключением и капитализм, для которого основополагающей являлась идея получения максимальной прибыли, со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. Если на первом этапе развития капитализма на поверхность выступали в основном плюсы, то по мере его становления начинали все более проявляться минусы. Это и чрезмерная эксплуатация как своих, так и чужих народов, приводящая к их ускоренному разорению и обнищанию, это и подавление личности, и многое другое. В социальном плане все эти минусы сводились к одному — к полному подавлению личности, и именно поэтому капитализм как общественно-политическая формация начал изживать себя и изжил бы, если бы не были предприняты действия, препятствующие проявлению этих минусов.

Это был довольно длительный и мучительный период, во время которого и зародилась новая общественно-политическая формация — социализм, первоначальные подчас утопические идеи которой превращались в завоевывающие пространство реальные цели. Суть их заключается во всестороннем, гармоничном развитии личности, что должно было привести к таким успехам в экономическом и социальном плане, которые просто невозможны были в недрах начального капитализма вследствие самой его сути.

После свершения в России социалистической революции необходимо было браться в первую очередь за перестройку экономики. Почему? Да потому, что социальные язвы, приведшие к социалистической революции, коренились, как казалось, в системе капитализма, которая только еще формировалась и основывалась на частной собственности и системе свободного предпринимательства, позволяющей, кстати, быстро откликаться на запросы рынка.

Следует, однако, заметить, что дальновидные экономисты капитализма очень скоро стали понимать, что система свободного предпринимательства является слишком гибкой системой хозяйствования, грозящей крахом всей системе. И экономические кризисы, сотрясавшие формирующуюся систему капитализма, как нельзя лучше подтверждали эти опасения. Выход виделся прежде всего *в плановом ведении хозяйства* или *в плановом построении экономики*. Однако сделать это даже в рамках одного капиталистического предприятия в то время не представлялось возможным — мешала этому в первую очередь частная собственность на средства производства.

Таким образом, в стране, совершившей социалистическую революцию, обязательным условием следовало считать *перевод экономики на плановые рельсы*, что было невозможно при сохранении частной собственности на средства производства. Плановое ведение хозяйства позволило освободиться от пороков, свойственных формирующейся капиталистической системе. Однако освобождение от одних пороков как-то незаметно привело к появлению других, связанных, как это ни странно, именно с плановым ведением хозяйства, вернее *с системой жесткого планирования*.

После гражданской войны, когда страна вплотную занялась восстановлением народного хозяйства, отрицательных последствий жесткого планирования не ощущалось, более того, оно как нельзя лучше отвечало велению времени. Экономика Страны Советов, не успевшая по-настоящему закрепить достигнутое, вновь была значительно расшатана в годы второй мировой войны. Опять пришлось браться за восстановление народного хозяйства — и здесь тоже как нельзя лучше подошло именно жесткое планирование. Однако по мере восстановления экономики жесткое планирование становилось тормозом для ее ускоренного развития, так как резко сужало простор для проявления инициативы как отдельных личностей, так и коллективов. Именно поэтому и появилась поговорка: «Всякая инициатива наказуема». А ведь социализм, говорил еще Ленин, силен именно инициативой и творчеством масс, хотя это должно быть присуще любому хозяйству.

Особенно ужесточилось планирование в последнее время, когда наряду с планированием от достигнутого все более широко стали применяться встречные планы, которые — хотелось того или нет — быстро привели экономику *к абсолютно жесткой плановой системе*. В этих условиях срыв работы в каком-либо ее звене весьма болезненно, если не сказать больше, сказывался на всей экономике, потому как она оказалась лишенной какой-либо гибкости.

Посмотрите, что произошло после распада Союза — экономическое положение всех без исключения бывших республик резко ухудшилось. Почему? Разрыв жестких экономических связей. При значительном объеме российской промышленности этот разрыв не должен был так сильно сказаться на нас. Но тут правительство во главе с Гайдаром взяло курс на ликвидацию госзаказа и этим разорвало связи внутри России. Во всем мире за госзаказ борются, так как для каждой фирмы это благо. Правда, у нас под госзаказом понимался госприказ, а это уже совсем другое дело. Однако правительству надо было бы под госзаказом понимать именно госзаказ.

Возьмите, например, США, где сельское хозяйство основано главным образом на фермерстве. Однако оно почти полностью функционирует за счет госзаказа, то есть государство определяет, где, сколько и что необходимо вырастить, чтобы удовлетворить собственные потребности и потребности (в разумных пределах, чтобы не истощать свою землю) внешнего рынка. И, заметьте, никто не собирается от этого отказываться. Потому что это разумно. Можно понять, как тяжело нашему президенту провести «свой корабль» между Сциллой — жесткой плановой экономикой и Харибдой — анархией в хозяйстве страны, которая с чьей-то легкой руки называется у нас рынком.

То, что плановая экономика лишена гибкости, — это лишь одна сторона медали, другая сторона — замедление и остановка развития экономики из-за отсутствия стимулов для этого. И некоторые симптомы подобного явления, в частности так называемая заорганизованность, признаки стагнации начали проявляться еще во времена Брежнева. Можно провести аналогию с автомобилестроением: вначале выпускались автомобили с жестким рулевым управлением, что крайне затрудняло их использование и ставило под сомнение их будущее. Однако как только рулевому управлению задали определенный люфт, все изменилось коренным образом.

Статья печатается с сокращениями.

Таким образом, экономика, полностью основанная на системе свободного предпринимательства, обречена, а экономика, основанная на жестком планировании, не имеет перспектив. Между этими двумя крайностями и нужно искать решение проблемы. Если бросить ретроспективный взгляд на развитие и становление нашей экономики, то можно увидеть, что к ее построению подошли с метафизических позиций. А для метафизика, как отмечал еще Энгельс, «какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-нибудь процесс либо случайны (стихия рынка и отвечающая ей система свободного предпринимательства. — *Прим. авт.*), либо необходимы (жесткое планирование. — *Прим. авт.*), но не могут быть и тем и другим». Диалектика к тем же явлениям подходит не с точки зрения *«либо—либо»*, а с точки зрения *«и—и»*. По диалектике противоречивые, противоборствующие начала, совмещаясь в одном явлении, служат стимулом для развития.

Именно поэтому экономику России необходимо строить по принципу «и-и», то есть по плановому принципу и по принципу, основанному на системе свободного предпринимательства (в Китае это называется социалистической предприимчивостью). Это *первое и необходимое условие* развития нашей экономики. Однако его недостаточно. Нужно еще *установить оптимальное отношение между этими противоборствующими началами*.

Именно при таком подходе экономика будет обладать необходимой гибкостью, а следовательно, сможет активно жить и динамично развиваться. Подобная дозированная гибкость благотворно скажется и на устойчивости всей нашей экономики, так как в этом случае на воздействие всевозможных внешних факторов система сможет своевременно реагировать.

Если на заре становления капитализма и социализма построение их экономики происходило по совершенно противоположным принципам, то в последующем, по мере их становления и развития, эти принципы стали сближаться, двигаясь к единому оптимальному соотношению. В капиталистических странах стало вводиться планирование (через портфель заказов) какой-то части (временами может достигать и 100%) продукции на уровне фирм, что позволило им успешно противостоять стихии рынка, то есть с точки зрения теории систем экономическая система капитализма была загрублена и, следовательно, с точки зрения теории информации стала более жизнестойкой.

В странах с социалистической ориентацией в последнее время, во-первых, начался отход от жесткого планирования, что сделало экономику более гибкой, а во-вторых, само планирование спустилось на уровень предприятий и объединений, что сделало его более конкретным и реальным. Если же предприятия и объединения, исходя из теории информации, начнут планировать — а без этого никому не обойтись — лишь какую-то часть своей продукции, то они довольно быстро смогут реагировать на появление новинок, как собственных, так и чужих, а также вовремя перестраивать свои экономические связи в зависимости от запросов рынка.

Следует также отметить, что *одновременный перевод всей экономики на новый способ хозяйствования будет довольно затруднен* по нескольким причинам. И первой из них является неравномерность развития отраслей народного хозяйства, более того, даже внутри каждой отрасли предприятия развивались явно неравномерно, так что при директивном переводе на новые методы хозяйствования многие из них могут оказаться банкротами, что незамедлительно скажется и на других предприятиях, более подготовленных к переходу. В результате новый подход может быть загублен буквально на корню.

Да и не сделаем ли мы ту же ошибку, которую сделал в свое время К. Маркс, когда утверждал, что революция должна произойти одновременно во всех странах? Нам, очевидно, необходимо перевести на новые методы хозяйствования наиболее подготовленные предприятия, а возможно, и целые отрасли и регионы (как в Китае), которые бы в кратчайшие сроки показали существенные преимущества этих новых методов. И если это произойдет — а произойдет однозначно, и Китай тому пример, — новый подход, словно цепная реакция, быстро распространится на весь хозяйственный механизм.

При новом подходе, особенно при введении в действие антимонопольного законодательства, значительно вырастет станочный парк, причем немалая его часть будет иногда простаивать. Вырастет также и управленческий аппарат, и штат ИТР. Однако это то необходимое «зло», которое приведет к улучшению качества товаров и услуг, расширению ассортимента, стабилизации цен, конкурентоспособности товаров на внешнем рынке и т. д., что благотворно скажется на развитии всего общества.

При отходе от монополизма предприятия с аналогичным производством могут быть государственными, кооперативными и с другими типами собственности, что позволит им взаимообогащаться идеями, активно жить и развиваться.

Монополия, причем, как правило, государственная, может быть оправдана только в таких отраслях, как добывающая, энергетическая и другие, являющихся основой, во-первых, для развития всей экономики, а во-вторых, для регулирования уровня цен и рентабельности во всех отраслях народного хозяйства.

А. ДИДКОВСКИЙ

ДВОРЯНИН, СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС...

А.Г. МАЛЕНКОВ. О МОЕМ ОТЦЕ ГЕОРГИИ МАЛЕНКОВЕ. М.,1992. 120 с.

6 марта 1953 года внук царского полковника, дворянин Георгий Маленков стал председателем Совета Министров СССР и секретарем ЦК КПСС. После холодного лета пятьдесят третьего года прошла по стране частушка:

Враг народа Берия
Вышел из доверия,
И товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Маленков начал становиться популярной фигурой, героем пословиц («Пришел Маленков — поели блинков») и народных песен (вроде армянской «Послушай десять моих баранов и двух коров — они молятся за тебя, Маленков»). Но уже после январского пленума ЦК КПСС 1955 года начался закат политической карьеры Георгия Максимилиановича, а в июне 1957 года собранные в одну «антипартийную группу» Маленков и его враги Молотов и Каганович были окончательно и навсегда удалены с политической арены.

Это был, по мнению автора книги, сына Г. Маленкова — Андрея Георгиевича, государственный переворот, причем один из самых трагических в истории России: победа партократии во главе с Хрущевым надолго остановила уже тогда начинавшуюся перестройку. Мнение сына, похоже, во многом сформировано взглядами отца и поэтому отражает взгляды забытой ныне, но некогда весьма значительной фигуры нашей истории.

Картина взлета и падения Г. Маленкова, воссозданная в книге, в сжатом виде выглядит так: личная власть Сталина «строилась на трех силах, которыми он искусно балансировал, по мере необходимости сталкивая их друг с другом». Три эти силы — партократия (А. Жданов, Н. Хрущев), репрессивная машина (Л. Берия и его подопечные) и технократия (Г. Маленков и его выдвиженцы, например Косыгин). Борьба этих сил видна и в 30-е годы: как заведующий отделом руководящих партийных кадров ЦК, Г. Маленков боролся против «перегибов» в репрессиях, а его записка 1938 года «лично Сталину» с обвинением Ежова и его ведомства в «уничтожении тысяч преданных партии коммунистов» стала основой для снятия наркома НКВД. «Репрессивная машина сбавила обороты».

Во второй половине 40-х годов Жданов и Берия объединили усилия против Маленкова и технократии, но их успехи были временными. Слишком сильна оказалась поддержка военных, в том числе Василевского, Жукова, Кузнецова. После смерти Сталина войска Московского военного округа по приказу Жукова блокировали в казармах бериевские дивизии и помешали перевороту. В период неустойчивого равновесия партократы Хрущев и Каганович испугались Берии и предложили Маленкову союз. И именно Маленков, а не Хрущев, организовал арест Берии прямо в Кремле.

И с августа 1953 года, с некогда памятной речи Маленкова на августовской сессии Верховного Совета, где было объявлено о снятии всех налогов на личное крестьянское имущество, начался подъем российской деревни. Приусадебные участки было разрешено увеличить в пять раз. 15% земли перешло в практически частное пользование крестьян уже к 1954 году. Маленков запланировал передачу крестьянам (на добровольных началах!) земель нерентабельных колхозов и совхозов, и даже создание фермерских хозяйств. Лозунг «Земля — крестьянам!» он понимал как оправдание частной собственности на землю. А дальше — потянулась цепочка, действительно заставляющая сравнивать начинания Маленкова с перестройкой 1985—1991 годов. Крестьянская реформа требовала перераспределения средств, вкладываемых в тяжелую промышленность в пользу легкой и пищевой. Это способствовало бы снижению цен. Для обеспечения такого перераспределения было необходимо мирное сосуществование (термин «сосуществование» в политический оборот ввел именно Маленков!). Шагом к этому стало обращение Маленкова к Черчиллю за помощью в прекращении Корейской войны. Как забыть, что Хрущев обвинял Маленкова в идее воссоединения Германии, в «теоретически ошибочном и политически вредном утверждении» о возможности гибели мировой цивилизации в случае начала третьей мировой войны.

В области культуры: именно Маленков назначил Твардовского главным редактором «Нового мира». По настоянию Маленкова на Волхонке вдруг открылась выставка не одно десятилетие проклинаемых «буржуазных» импрессионистов.

В 1953 году Г.М. Кржижановский соберет группу крупнейших специалистов всех областей науки и прикладных знаний по просьбе Маленкова. Тридцать ученых — настоящий «мозговой трест» — в течение трех месяцев создали тридцать прогностических докладов, которые должны были лечь в основу преобразований в стране. (Где они теперь, эти доклады? Кто их читал после 1957 года?)

Вот тут и наступил 1955 год. «В 1953 году Маленков — при вынужденной поддержке Хрущева с Булганиным и молчаливом согласии других «олигархов» — сокрушил Берию. Репрессивные органы были подчинены партии. Но затем, с головой уйдя в проведение реформ и благодаря этому стремительно набирая авторитет в стране и в мире, отец явно недооценил усилия партаппарата во главе с Хрущевым и вскоре поплатился за это».

«Опираясь на свидетельства участников давних событий, — пишет А.Г. Маленков, — на исторические документы... я рискну утверждать: Хрущев, якобы единолично подаривший нашему обществу «оттепель», в то же время неплохо поработал на укрепление сталинизма, и, в сущности, его собственное правление во многом было продолжением режима Сталина и привело к полной ликвидации прогрессивных реформ, начатых отцом в 1953 году и направленных на формирование рыночной экономики и цивилизованного государства». Зимой 1955 года «партия технократов» Маленкова потерпела политическое поражение, и «с этого момента почти на четыре десятилетия установилось полное господство партократии». Вместо трех сил осталась одна, разлагавшаяся и отравляющая общество продуктами своего разложения.

ДМИТРИЙ ОЛЕЙНИКОВ

Наследие

Встречи с Толстым

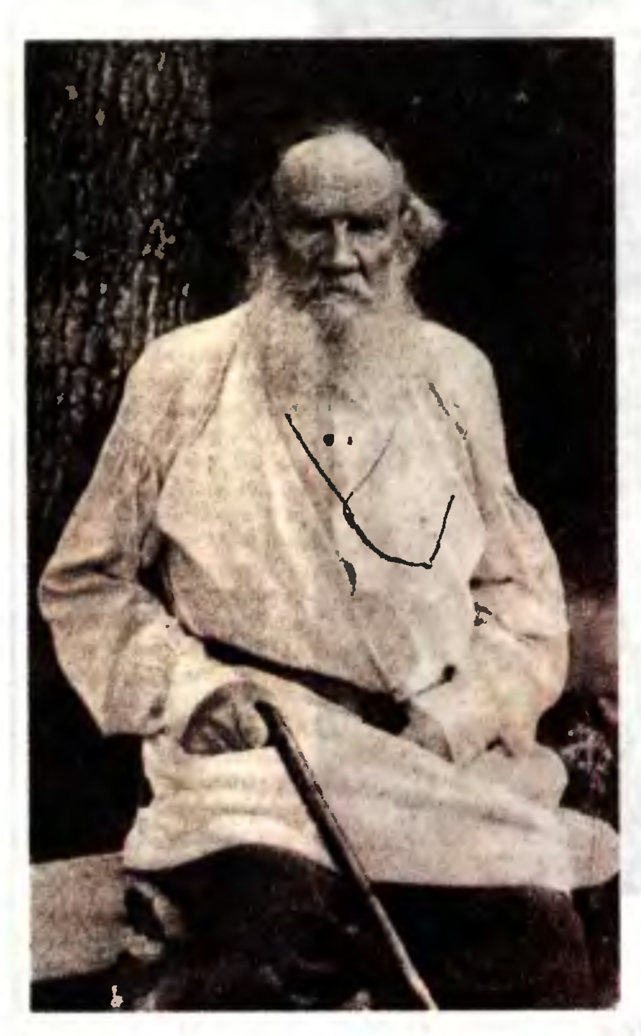
Мундиры и реформы

Актриса, которой восторгалась страна

ДМИТРИЙ РИХТЕР

«Он оказался очень веселым и интересным собеседником...»

ТРИ ВСТРЕЧИ С ТОЛСТЫМ



В отделе рукописей Российской Государственной библиотеки хранится «Дневник» крупного русского статистика, географа и экономиста Дмитрия Ивановича Рихтера (1848—1919), оставившего нам воспоминания о своих встречах с Л. Н. Толстым в период 1881—1894 годов. Впервые публикуемые свидетельства содержат ряд до сих пор неизвестных фактов из жизни русского писателя. Так, они открывают новую, «Торжковскую» страницу в биографии Толстого. Интересны и другие факты, упоминаемые Рихтером в дневнике, в частности история о заступничестве писателя на Тверском бульваре за «несчастного мальчика», участие в работе IX съезда русских естествоиспытателей в Москве.

Начну со своих встреч со Львом Николаевичем Толстым. Я видел Л. Н. Толстого всего три раза, из этого собственно встреч было две, третий раз я его видел издали. Опишу все три случая. Это было в начале 80-х годов истекшего столетия. Жил я в городе Торжке, состоял на службе земства. В Торжке я особенно близко сошелся с семьей Бакуниных и Повало-Швейковских. Бакунины жили у себя в Прямухине, Повало-Швейковские — в Торжке. Ольга Николаевна Повало-Швейковская, старшая дочь Николая Александровича Бакунина, смотрела на меня как на родного, и я ежедневно бывал у них. Дом Пов[ало]-Шв[ейковских] (сам Тимофей Николаевич, муж О[льги] Н[иколаевны], был предводителем дворянства, кроме того, директором местного общества взаимного кредита и, как человек выдающегося ума, при том состоятельный и деятельный, был в Торжке persona gratissima (приятная особа. — *О. С.*), пользовался всеобщим уважением как среди уездных жителей (помещиков, крестьян), так и городских, а среди последних было немало «именитых» купцов, как, напр[имер], Цвылевы — крупные хлебные торговцы...

Но дом Т[имофея] Н[иколаевича] был для... новоторов как бы закрыт: кроме официальных визитов, почти никто в нем не бывал, да и сами Швейковские ни к кому не ходили, Тим[офей] Ник[олаевич] изредка только посещал местный клуб, т. к. был прекрасным игроком в винт, а среди «именитых» тоже было немало охотников и хороших игроков, хотя последние, обыкновенно, предпочитали скромному «винту» оживленную «стуколку»... В последнюю Швейковский никогда не играл. Будучи игроком в душе, любя азарт, он смотрел на «стуколку» как на «глупую игру», в которой главная роль принадлежит случаю, а не уменью и разуму... Между тем дом Швейковских, несмотря на их как бы обособленность, постоянно был посещаем друзьями и родственниками, большею частью приезжими из Твери (Петрункевичи), Москвы (Мордвиновы), Петербурга (В. П. Безобразов) и из деревни, особенно из гнезда Бакуниных — Прямухина; Бакунины обыкновенно и останавливались у Швейковских. Из друзей почти ежедневно по вечерам собирались: В. Н. Линд (муж и жена), Г. В. Николаевский (впоследствии женившийся на сестре Ольги Николаевны — Варваре Николаевне Бакуниной) и я. В. Н. Линд в то время был председателем Новоторжской уездной земской управы, Г. В. Николаевский — мировым судьей г. Торжка, а я, как уже сказал выше, служил в земстве агентом земского страхования. Я, если был в Торжке, а не по делам в уезде, обыкновенно и обедал у Швейковских. По вечерам перед чаем и ужином мы большей частью читали вслух что-либо новое из «толстых» журналов, которые почти все получались Швейковскими; за ужином и чаем делились новостями и обсуждали прочитанное... Этот порядок как-то не нарушался даже при приезде гостей извне; последние только оживляли наши беседы рассказами о новостях, как общеполитических, земских, [так] и семейных—прямухинских. Последние даже передавались «по-прямухински», т. е. основательно, не пропуская мелочей...

Вот в один из осенних или зимних вечеров 1881 г. в доме Швейковских и появился Лев Николаевич Толстой. Но прежде чем рассказать об этом посещении, необходимо сделать довольно-таки длинное отступление, а именно следующее.

За несколько лет перед тем, как появился на Торж[ковском] горизонте Лев Ник[олаевич], в Новоторжском уезде обратил на себя внимание один из замечательных людей нашего времени, крестьянин Василий Кириллович Сютаев, основатель религиозно-нравственного учения, сходного с воззрениями самого Толстого. Сютаев никому не навязывал своего учения, не занимался пропагандой его, и если на него было обращено внимание «начальства», то благодаря доносам местного духовенства. Более широко распространилось известие об этом замечательном человеке в 1880 г., когда одного из сыновей Сютаева взяли на военную службу, а затем судили за отказ присягать и брать оружие. На суде присутствовал В. Н. Линд, который и сообщил об этом факте в издававшемся в то время в Твери «Тверском вестнике» (1880 г., № 26). Заметку Линда перепечатала газета «Молва» (1880 г., № 245), в которой [ее] и прочли те немногие русские, интересовавшиеся религиозно-нравственным движением среди русского народа.

Летом 1881 г. был я как-то в Прямухине у Бакуниных. Помню, день был на редкость теплый и ясный, мы все сидели после обеда на прекрасной террасе прямухинского дома, все «старики», т. е. братья Бакунины (Николай, Павел, Александр и Алексей Александровичи), их жены и вообще вся семья была в сборе, из посторонних были Г. В. Николаевский и я. Помню, было весело. Вдруг раздается звонок ямщицкого колокольчика, на что, конечно, никто не обратил особого внимания, так как мимо сада проходит большая проселочная дорога. Но вот экипаж заворачивает во двор дома и останавливается у подъезда. «Кого-то бог даст?» — сказал кто-то. Но так как бог в этом отношении был к Прямухину милостив и посылал частенько кого-нибудь, то и на это было мало обращено внимания. Но каково было удивление наше, когда к нам на балкон, без доклада (что было в обычае в Прямухине) вошел высокий молодой человек, одетый совершенно по-столичному — в серой пиджачной паре, в накрахмаленной рубашке, совершенно не по-деревенски, и отрекомендовался: Александр Степанович Пругавин.

Мы все знали А[лександра] С[тепановича] по имени, как талантливого исследователя движения религиозной мысли среди русского народа и обрадовались случаю познакомиться с ним лично. Оказалось, А[лександр] С[тепанович] разыскивает Сютаева. Приехал в Торжок, где ему указали на В. Н. Линда и Т. Н. Повало-Швейковского, но ни того, ни другого не было в Торжке. Сказали, чтобы ехал в Прямухино, к Бакуниным, что Сютаев живет где-то недалеко от них и во всяком случае они знают где именно.

А[лександр] С[тепанович] пробыл в Прямухине всего несколько часов, пока отдыхали лошади, ночевать не остался и укатил в Шевелино, к Сютаеву, которое от Прямухина находится верстах в двадцати. У Сютаева А[лександр] С[тепанович] пробыл с неделю, и результатом этого посещения была интересная статья его в журнале «Русская мысль» (1881 г., № 10 и 12 и 1882 г., № 1) под названием «Алчущие и жаждущие правды». О результате своей поездки А[лександр] С[тепанович] рассказал Л[ьву] Н[иколаевичу] и познакомил его с воззрениями Сютаева. Этот рассказ так заинтересовал Толстого, переживающего тогда период сильного душевного переворота и тоже алкавшего и жаждавшего правды, что он решил лично посетить Сютаева и подробно ознакомиться с его воззрениями. Это последнее желание и привело Л[ьва] Н[иколаевича] в Торжок, в котором ему была указана семья Швейковских, могущая его направить к Сютаеву.

Как я уже указал выше, Л[ев] Н[иколаевич] приехал к Швейковским вечером. Мы все (Швейковские муж и жена, Николаевский и я) сидели в гостиной и разговаривали с приехавшим из Прямухина Александром Александровичем Бакуниным, как раздался в передней звонок. Швейковский, не дожидаясь прихода прислуги, пошел открывать дверь; в это время я ходил по комнате и тоже следом за ним пошел в переднюю. Пришедший оказался пожилым человеком, среднего роста, коренастый, с темными, слегка начинавшими седеть волосами, большой бородой и резко очерченными чертами лица. Одет он был приблизительно как одеваются состоятельные мужики: в пиджак, поверх которого была надета черная баранья шуба, и в высоких, простых сапогах. «— Лев Толстой», — отрекомендовался пришедший. «— Очень рад, Лев Николаевич, — ответил Швейковский, — разденьтесь и проходите в гостиную...» Каково было удивление всех нас, когда вошедшие в гостиную Л[ев] Н[иколаевич] и Алекс[андр] Алекс[андрович] Бакунин обнялись и расцеловались как добрые старые знакомые. Оказались они товарищами по севастопольскому сидению и в течение нескольких месяцев вместе пробыли на Малаховом кургане и с тех пор, т. е. более 25 лет, не видались.

Когда узнали о цели приезда Л[ьва] Н[иколаевича] в Торжок, решено было, что А. А. Бакунин на другой день утром отвезет его в Козицино, имение двоюродной сестры Бакуниных*, от которого до д. Шевелино, места жительства Сютаева, всего 6—7 верст и где Л[ев] Н[иколаевич] может остановиться.

Вечер Л[ев] Н[иколаевич] провел с нами у Швей-

* В Козицине доживали тогда три сестры девицы Бакунины: Евдокия Мих[айловна] — художница, бывшая невеста поэта А. Мицкевича, Екатерина М[ихайловна] — известная сестра милосердия, во время Крымской войны при Н. И. Пирогове, и Прасковья М[ихайловна] — писательница 40-х годов. Все они были глубокие старушки (примечание Д. Р[ихтера]).

ковских. Он оказался очень веселым и интересным собеседником: немного поспорил на общие темы с А[лександром] А[лександровичем] (большим спорщиком), много рассказывал, особенно когда разговор коснулся Севастополя. Между прочим, Л[ев] Н[иколаевич] не без юмора рассказывал следующий случай.

«— Я ведь, — говорил Л[ев] Н[иколаевич], — был фатом (или что-то в этом роде), любил щегольнуть бесшабашностью; Александр Александрович был очень строгим офицером. Однажды я перешел черту, за которую никому из наших не разрешалось ходить: у меня же было желание щегольнуть своей храбростью. Часовой окликнул меня и строго заметил: «Ваше благородие, вернитесь, иначе буду по Вас стрелять». Я вспомнил, что дежурным офицером — Бакунин А[лександр] А[лександрович], грешный человек, — струсил и послушался окрика часового, т. к. знал, что Бакунин никогда не шутит, раз дело касается службы, что такой же строгости требует и от всех подчиненных...*»

Разошлись от Швейковских сравнительно поздно, и я проводил Л[ьва] Н[иколаевича] до Федухинской (Пожарской) гостиницы, где он остановился и против которой была моя квартира.

У Сютаева Л[ев] Н[иколаевич] пробыл с неделю и на возвратном пути не надолго снова заходил к Швейковским. От своего знакомства с Сютаевым он был в восторге и сказал нам как бы с гордостью, что Сютаев обещал побывать у него в Москве, где тогда Л[ев] Н[иколаевич] жил в недавно перед тем купленном им доме в Хамовниках.

Второй раз я встретил Л[ьва] Н[иколаевича] летом 1882 г. в Москве на Тверском бульваре. Я шел с В. И. Покровским и встретил Л[ьва] Н[иколаевича], идущего с Александром Герасимовичем Орфано.

Алекс[андр] Гер[асимович] был старый знакомый Вас[илия] Иван[овича] и мой, в то же время он был знаком и со Л[ьвом] Н[иколаевичем], которого, как он сам выражался, тогда старался возвратить на лоно православия и довольно-таки безуспешно. Орфано познакомил Л[ьва] Н[иколаевича] с Вас[илием] Иван[овичем], меня же Л[ев] Н[иколаевич] припомнил по Торжку, при этом выразился так: «Новоторский уезд близок моему сердцу — ведь там живет мой учитель, Василий Кириллович Сютаев...»

Толстой куда-то спешил, а потому скоро ушел; Орфано же рассказал нам, как Л[ев] Н[иколаевич] какие-нибудь полчаса тому назад на Тверском же бульваре уговорил полицейского отпустить на свободу какого-то несчастного мальчика, пойманного на воровстве. «— Ведь нас с Вами городовой бы не послушал, а Лев Николаевич так убедительно ему доказал, что от того, что мальчик попадет в кутузку, кроме вреда, для него никому никакой пользы не будет и что лучше для самого мальчика будет простить его; и городовой послушался и отпустил, да и собравшаяся публика не протестовала против вмешательства Л[ьва] Н[иколаевича], хотя никто из них не подозревал, кто этот случайный адвокат-защитник...»

Третий раз, когда я видел Толстого и только видел, было в 1894 г. В Москве был съезд русских естествоиспытателей и врачей. Несколько общих собраний съезда, на которых присутствовало 2—3 тысячи человек, обыкновенно собиралось в огромном зале Дворянского собрания. Я был тоже в зале, но стоял за колонной, так что эстрады не мог хорошо видеть. Перед началом заседания вдруг среди собравшихся поднялся необыкновенный восторженный шум, захлопали в ладоши, кричали «браво». Я, ничего не видя, начал расспрашивать, кого это так встречают. «Л[ев] Н[иколаевич] пришел», — торопливо ответила мне

* Передаю рассказ Л[ьва] Н[иколаевича] своими словами (*примечание Д. Рихтера*).

какая-то незнакомая курсистка (по-моему). Я был так далек от мысли, что это Л. Н. Толстой, что спросил ее: «— Какой Л[ев] Н[иколаевич] пришел?» Курсистка удивленно посмотрела на меня, как на какого-нибудь дикаря, и укоризненно добавила: «— Какой Л[ев] Н[иколаевич]? Толстой Лев Николаевич...» В это время мне удалось как-то продвинуться в бок от мешавшей мне видеть эстраду колонны и на последней я увидел Толстого, сидящего на президентском кресле, рядом с вице-президентом съезда Андреем Николаевичем Бекетовым. Оказалось, что Бекетов перед тем был у Толстого и уговорил его поехать на съезд. Толстой был в темной блузе и, по-видимому, чувствовал себя очень стесненным тем восторженным приемом, которым встретил его съезд, его, случайного посетителя, никакого, собственно, отношения к работе съезда не имеющего.

Наконец, еще о моих, если можно так выразиться, сношениях с Л. Н. Толстым, и притом сношении неудачном.

Работая в Энциклопедическом словаре, изд[аваемом] Брокгаузом и Ефроном, по отделу географии, я постоянно следил, насколько для меня представляло возможности, и за статьями других отделов; указывал центральной редакции на пропуски, замеченные мной в предварительном списке статей и т. п. Когда в 1899—1900 гг. был составлен список статей для словаря на букву С, я заметил, что пропущена статья о Сютаеве. Я заметил об этом пропуске в редакции. Оказалось, нет подходящего сотрудника для составления таковой; спросили меня, я указал на А. С. Пругавина и Л. Н. Толстого. Пругавина не оказалось в Петербурге, а к Толстому редакция почему-то постеснялась обратиться. В конце концов мне пришлось самому написать эту статью, что я и сделал крайне неохотно, т. к. вопросами религиозно-нравственного движения никогда не занимался. Я написал, конечно, чисто компилятивную статью (Энц[иклопедический] Слов[арь], т. XXXII. СПб., 1901). Составляя статью, я не располагал некоторыми данными, а именно: детали рождения и смерти его, о прежней жизни Сютаева: слыхал я когда-то, что он в молодости работал в Петербурге каменщиком и был пьяницей и что только в зрелом возрасте, под влиянием пашковцев, стал задумываться над вопросами религиозными и моральными. Не зная, к кому обратиться (А. С. Пругавина в Петербурге все еще не было), я припомнил, что Толстой имеет добрую привычку отвечать на все получаемые им письма, написал ему, причем сослался на сказанные мне им слова на Тверском бульваре в Москве. Но ответа не получил. Я объяснил себе это тяжелым временем, переживаемым тогда Толстым, т. к. время это совпало с его неприятностями с духовным миром (Победоносцевым, Митрополитом Антонием и проч.), окончившимся отлучением его от церкви. Может быть, оно так и было, но только лица, близко знавшие Толстого (А. С. Бутурлин и И. И. Бочкарев), объяснили мне такое отношение с его стороны к моему запросу внутренней «цензурой», установленной в доме Толстого его женою, которая при случае перехватывала получаемые им письма, так что не все доходили до него. Через некоторое время больной Толстой жил в Крыму на даче гр[афини] С. В. Паниной и познакомился с ним гр. П. А. Гейден. Гейден с восторгом рассказывал мне об этом знакомстве, и когда я ему рассказал случай с моим письмом, он предлагал мне спросить Толстого — получил ли он мое письмо и, если получил, почему оно осталось без ответа. Я просил Гейдена этого не делать, т. к. статья моя о Сютаеве была уже отпечатана... Вот и все, что я могу сказать о своих встречах с Л. Н. Толстым...

Публикация
кандидата исторических наук
ОЛЕГА САЙКИНА

ВАЛЕРИЙ ПРОЗОРОВ,
доктор филологических наук

ПОЭЗИЯ ИСТОРИИ

Память человечества есть память поэта и мыслителя, в которой прошедшее живет как художественное произведение.

А. И. ГЕРЦЕН

Человеческая история впрямую соотносима с представлениями о необъятном и бесконечном. Безудержно вольное, безумное, светло-мрачное моцартианство исторического бытия и пристрастный сальеризм научно-исследовательских искушений — две вещи несовместимые, но с безотменным и неколебимым постоянством совмещаемые.

Даниил Андреев в «Розе Мира» писал, что историческая наука и поэзия равноценны, они оплодотворяют друг друга, и закономерна в этом смысле не только история поэзии, но и поэзия истории, что существует в истории как внесоменная данность поэтический элемент. Мысль эта, как известно, восходит к очень древним авторам, но устойчивая регулярность ее повторений не менее красноречива, свидетельствуя о бесчисленных вольных и простодушных попытках ею пренебречь и ее обойти.

Дело вовсе не в том, что историческому исследованию явно показан поэтический темперамент, стиль и слог. Последнее едва ли оспоримо (бесконечную череду очевидных на этот счет примеров — от Плутарха до наших дней — я опущу). Речь пойдет о самой природе исторического сознания, естественно предполагающей внутреннюю глубинную связь с Поэзией.

История как реальное бытие — словно бы стихийный, динамичный и многоцветный синтез художественных жанров. Не случайны постоянные уподобления чисто исторических сюжетов литературным и прежде всего сценическим жанрам: трагедии, мистерии, драме, фарсу, комедии, водевилю, мелодраме...

Истории как созидаемому исследовательскому тексту также присуща некая театральность, зрелищность, внутренняя предрасположенность к инсценированию и представлениям. Сказывается это и в речи нашей. Часто мы говорим: «*арена* общественно-политических споров», «*театр* военных действий», «*авансцена* исторических событий» и т. п. Почти терминологически в профессиональном сознании историка прописаны понятия «действующие лица», «персонаж», «сценарий», «завязка», «развязка» и др. (сравните у В. О. Ключевского: «Завязка материнского рода», «Завязка патриархального» и т. д.).

Историки разных времен и школ изобразительно опираются на многие фольклорные и литературные жанры (исторические песни и повести, сказания, легенды, предания, анекдоты). Надо ли говорить, что историческая медиевистика преимущественно ориентирована на поэтические, а точнее сказать, синкретические по своей природе источники.

Добираясь до внутренних пружин исторического хода вещей, мы, как и в драме, стараемся угадать природу основных и периферийных конфликтных напряжений, их нарастание и ослабление, их переходы в новые качественные состояния. Да и не может быть иначе, если история — это непрестанно длящееся, напряженное противостояние принципиально разных начал и сил.

Я бы даже такое рискнул дать определение историческому процессу: история — постоянно превращающееся, внутренне-конфликтное равновесие и взаимопроникновение противоположных начал бытия, воплощающих старое и новое, зло и добро, покой и мятеж, умиротворение и насилие, властолюбие и покорность, серьезное и смешное, обыденное и возвышенное, комическое и трагическое, реальное и миражное, поэтически одухотворенное и безобразно пошлое, низменное.

Но и художественная энергия жива теми же противочувствиями, подспудным или очевидным стремлением к устойчивости, жива удивительно подвижным и всегда относительным равновесием помянутых только что и многих других взаимоисключающих оснований. Реальную историю, наблюдаемую нами, и поэзию, которую дано нам воспринимать, роднит ощущение тайны...

Если же историческое сознание только по видимости, только по некоторым внешним признакам сохраняет связь с поэзией, то историко-исследовательский текст в лучшем случае напоминает гербарий, собрание засушенных растений, более или менее искусно систематизированное, а не живое, одушевленное целое. «Когда я смотрю на исторический процесс, — размышляет Ю. М. Лотман, невольно подхватывая раздумья А. И. Герцена (предпосланные этой статье в качестве эпиграфа), — у меня возникают параллели не с обычным текстом, а скорее, с художественным». Уподобление исторического процесса художественному тексту не столь уж заметно прихрамывает, как это может вдруг показаться.

Мы чаще размышляем о том, что разделяет историческое и художественное мышление. Важнее, на мой взгляд, особенно для нынешнего исторического самочувствия современной исторической науки, обратить взоры на внесоменные сходства и подобия. Их больше, чем нам кажется...

Три основных «О» определяют главные процедуры исторического осознания бытия: Отбор (фактов, сведений, данных, источников) + их Описание + их Оценка (или Отношение к ним). Но каждое из этих, разумеется, очень условно обозначенных трех «О» можно незаметно или вполне наглядно превратить в едва ли не абсолютный нуль, если по-настоящему не одухотворены они поэтическим элементом.

Каким же образом, в согласии с Истиной, раздробленные и хаотичные факты отобрать? Как их описать? Как оценить?

Ответ: *поэтическим* образом.

Тут тоже ничего не стоит абсолютизировать: если отбор фактов — прежде всего прерогатива собственно исторической методологии, а описание неразлучно уже с представлениями о стиле и слоге, то оценка или отношение к отобранному и описываемому кратчайшим путем связана с нравственно-поэтическими заповедями и откровениями.

Что имеется в виду? Во всяком случае, не цепочка украшений и оживлений кажущегося нам логически безупречным исследовательского текста. Обращусь за помощью к русскому философу и поэту Н. В. Станкевичу, писавшему в статье 1840 года «Об отношении философии к искусству», что «непогибающий элемент в искусстве, который останется высшим и последним, элемент удельной, индивидуальной жизни, прямого созерцания, нераздробленного знания — элемент энергии личности; этот элемент вечен, как вечна потребность человека в каждое мгновение сознавать всю нераздробленную полноту своей жизни».

Нераздробленная полнота жизни — гениальное определение предмета искусства, в том числе и искусства слова! Поэтическое слово способно передавать невыразимое, невыговариваемое целое. Это его счастливый и трудный удел и благо. И важнейшие свойства поэтического мышления хорошо помогают понять и существеннейшие особенности историко-исследовательского сознания, сверхзадачей которого была и остается нераздробленная полнота жизни.

В поэзии и исторической науке много невольно сближающегося, прежде всего в том, что касается специфики *Авторской позиции* («элемент энергии личности»). Представьте себе современного автора-поэта, который стал бы относиться к своим персонажам, к создаваемым его прихотливой писательской фантазией образам, характерам, типам с чувством самодовольного превосходства, победительного преимущества или перевеса. Такое в литературе случается, но в итоге из некоего замысла выколупывается быстро увядающее произведение «второго сорта». Оно может заявлять о себе бойко и шумно. Может даже на какое-то время отвоевать массовый читательский интерес. Но век таких текстов весьма недолог оттого, что они не несут в себе подлинных поэтических открытий, представляя (порой затейливые) приложения к определенной идеологии, морали, к социологическим и философским предпочтениям мастера. Это литература внятных ответов, которые многих поначалу утешают своей прозрачной либо, напротив, изощренной отчетливостью, а чуть позднее разочаровывают румяной тривиальностью и назойливой, настырной предупредительностью. Ответы — не дело настоящей поэзии. Когда от нее усердно требуют ответов, она притворяется глухой и даже глуповатой. Если же сама берется в высоком смысле пророчествовать и научать, то выглядит это наивно, свято, по-детски максималистски светло и чисто.

Историк, поспешающий с готовыми ответами, столь же бесперспективен, как и слабенький писатель-беллетрист. «Велико, — по словам А. И. Герцена, — достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от всякого одностороннего взгляда». Историку, как и истинному поэту, дано естественно и непринужденно воссоединить в своем исследовательском анализе «элементы цельной индивидуальной жизни» с большим и многоголосым коллективным целым. Это воссоединение, взаимопросвечивание единичного и общего, конкретного и всеобъемлющего — главное преимущество и тяжкий крест исторических воззрений, честно устремленных к истине. Любого свойства идеологическая заданность и конъюнктурная поспешность в исторических обобщениях — верный путь к ученому косоглазию...

Свою эпоху М. Е. Салтыков-Щедрин, неистощимый на ядовитые и мудрые аттестации, назвал «самодовольной современностью». И драматическое по существу откровение, подтверждаемое многими сменяющими друг друга историческими периодами, я бы определил так: всякая, увы, современность (на уровне не только массового, но прежде всего профессионального исторического сознания) до некоторой степени самодовольна. И если можно говорить об исторической динамике, об историческом движении (я умышленно избегаю понятия «прогресс» — одного из самых лукавых и ложных понятий исторической и историко-литературной науки), то осуществляться этой динамике дано вопреки самодовольству современности и благодаря преодолевающим ощущение самодостаточности недоумениям. Сложная же совокупность, разнородное сочетание одиночных, отдельно взятых, постоянно возвращающихся недоумений предваряет всеобщее состояние конфуза (недоумения и конфуз — тоже излюбленные понятия щедринского сатирико-публицистического лексикона), взрывающее изнутри стабильность самодовольной современности.

Сама позиция судьи в психологической своей подкладке, хочет он того или нет, замечает это за собой или ни о чем подобном не ведает, самодовольна. Принял позу, занял позицию, а уж дальше — дело за техникой исполнения якобы временем и обстоятельствами возложенных на тебя судейских полномочий... Аз, мол, воздам. Не тот «Аз», тот когда еще, дескать, воздаст, а я — тут как тут! Готовенький судия! Требую покаяния! и отмщения!!

Безоценочного исторического воззрения быть, разумеется, не может. Оценка, явная или тщательно сокрытая, обнаруживается уже в самом отборе фактов, сказывается в их описании. Тем более важно отметить, что из критического судейского сладострастия рождается самоупоительная и близорукая конфузная односторонность, уводящая от истины.

Историк, отбирая материал, описывает этот драматический круговорот самодовольства, недоумений, конфуза. И главный подстерегающий его соблазн — тайное желание определить, выставить, продемонстрировать *свое* отношение к описываемой прошедшей реальности.

Об историческом прошлом мы пробуем судить, совмещая по крайней мере три точки зрения: имея в виду, во-первых, осмысляемое время в его действительном самоценном течении; во-вторых, собственные представления, которые вырабатывало, выстрадывало то, прошлое, время о самом себе, самохарактеристики изучаемой эпохи и, в-третьих, время ос-

мыслящее, время автора исторических построений, естественно запечатлеваемое в его исследовании даже вопреки его намерениям и желаниям.

Вольно или неосознанно полагая настоящее в качестве критерия для оценки былого, мы незаметно для себя оказываемся в плену наступательной и пошлой самоуверенности, прогрессистски воинствующего оптимизма: мы, сегодняшние, выше, мудрее, проницательнее, глубже тех, кто был до нас. Один драматург, много писавший на историко-революционные темы, сравнительно недавно так и выразился в журнальной беседе: «Стремление покончить с прошлым — вот что может объединить всех нас». Страшно, если именно таким окажется объединяющее нас начало.

Самоубийственно чувство превосходства над историческим прошлым: нам-де дано теперь *такое*, до чего предки и не додумывались, чего не разумели, а то и не хотели и не могли понять вовсе!

Уйти от самого себя ни одному историку, да и не только историку, не удавалось и не удастся никогда в силу фатальной (даже вопреки всяким желаниям) приращенности к своей судьбе, к собственной временной жизнеопределяемости. Акцент на другом может быть при этом утрачен или ослаблен. Верх может взять горделивое вычитывание, узревание в прошлом того, что намеренно в нем ищешь... Ведь и поэзия, и историческая наука — род самопознания. Историк постигает в минувшем себя и в себе минувшее.

Главное же отличие историка от поэта — в их отношении к Истине. Настоящий поэт открывает в собственном слове всю невыговариваемую, всю «нераздробленную полноту жизни». Поэтическая истина способна обнаруживать себя заинтересованному читательскому сознанию в своей внелогической многозначной отчетливости. Ни одному, как говорится, отдельно взятому историку Истина в принципе не показана, т. к. в сфере научного гуманитарного познания истина — бесконечно длящийся синтез бесконечно многих голосов, искренне и честно постигающих данный объект, постоянно пробующих, но не могущих исключить свое субъективное «я» из процесса познания, стремящихся преодолеть в себе непреодолимую приверженность собственному времени.

Чем интенсивнее и объемнее охват материалов другого времени, тем впечатляюще, пронзительнее окажутся незримые связи другого времени со всеми временами, не исключая и нашего нынешнего и будущего. Важнейшие условия такого охвата — бескорыстная преданность исследовательскому предмету. Угрюмый пафос недоброжелательства, поношения, издевки, запоздалого сведения счетов (т. е. пафос сосредоточения на себе, на своей шкале отсчета ценностей) слух наш, как правило, без труда отличает от того, что следует считать безотменным свойством исторического сознания, более всего сближающего его с восприятием поэзии.

Свойство это — влюбленность в свой предмет, сердечная к нему привязанность. Вспомним известное пушкинское заключение в статье 1836 года «Александр Радищев»: «Нет истины, где нет любви».

Пафос любви — ключ к истине и художественной, и исторической. Без этого поэтического условия — благорасположения к объекту усмотрения — историческое сознание мелеет и усыхает, хотя само себе может казаться при этом безукоризненно ясным и полноводным. Как бы подхватывая и развивая пушкинскую максиму, философ и историк Г. П. Федотов в 1926 году в статье «Трагедия интеллигенции» писал: «Ненависти многое открывается, только не то, самое главное, что составляет природу вещи...»

И последнее: текст исторического исследования подобен тексту художественному ровно настолько, насколько пронизана поэзией «нераздробленная полнота жизни», реальное историческое бытие. И вечно открытым остается вопрос об Авторе этого бытия, о его Творце, Создателе исторического сценария. Как только художественный текст как целое сотворен и обретает полную независимость от автора («Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье, И заслужи мне славы дань: Кривые толки, шум и брань!»), мы, читатели, в каждой строке, строфе и фразе слышим дыхание автора, чувствуем его волю, его интуитивно явленный архитектонический расчет.

Всякая же попытка (от дерзостно-философских прорицаний истины до невинных здраво-житейских размышлений) логикой постичь Творца истории или логикой же Его отвергнуть, отринуть будет равна изумительно-обезоруживающему ответу, который в великом нашем отечественном философском романе «Герой нашего времени» на этот же, в сущности, вопрос дает простодушный лермонтовский герой Максим Максимыч в последних строках новеллы «Фаталист».

Странный и вместе с тем тревожно-захватывающий спор офицеров о существовании предопределения или о способности нашей «своевольно располагать своею жизнию» решается, мы помним, с поразительной и вполне очевидной драматической определенностью: внезапно, от бешеного удара шашкой, который наносится невесть откуда попавшимся ночью на дороге пьяным казаком, гибнет только что до этого решивший хладнокровно испытать судьбу, храбрый, азартный Вулич. На бледном лице его Печорин незадолго до рокового исхода узрел «печать смерти». Воротясь в крепость, Печорин рассказывает эту историю Максиму Максимычу и хочет «узнать его мнение насчет предопределения; он сначала не понимал этого слова, но я (вспоминает Печорин. — *В. П.*) объяснил его как мог, и тогда он сказал, значительно покачав головою:

— Да-с! конечно-с! — это штука довольно мудреная! Впрочем эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или недовольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских; они как-то нашему брату неприличны, — приклад маленький, того и гляди нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтение!..

Потом он примолвил, несколько подумав:

— Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...

Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений».

Сдается, что ничего более вразумительно-точного не в состоянии ответить на этот метафизический вопрос и все мудрецы всех времен и народов. И в этой кроткой немоте и вечной невыговоренности нашей, может, и заключается главная тайна и главное достоинство поэзии исторического сознания.

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

СИНИЕ ВОРОТНИЧКИ

Мундир студентов университетов. 1834 г.

28 августа 1810 года был «высочайше утвержден» мундир для чиновников Департамента Министерства народного просвещения. К этому времени в ведомстве народного просвещения уже существовало девять (!) разных мундиров чиновников учебных округов и нескольких академий. Интенсивная «мундиризация» ведомства была связана с обширными планами по распространению образования в России. Возникают новые университеты и гимназии, образованные люди получают преимущества на государственной службе. Особенностью мундира 1810 года было то, что он вводился не как общественный, а лишь для чиновников центральных учреждений Министерства.

Мундиры учебных заведений ведомства предназначались не только для классных чинов — преподавателей и административно-хозяйственного персонала, но и для студентов и учащихся. Многие из них находились на казенном содержании. Поэтому проще и экономичнее было обеспечить их унифицированной одеждой. В первой трети XIX века форменная одежда преподавателей не отличалась от ученической. Различие заключалось лишь в том, что преподаватели имели на ней обозначение рангов должностей (или чинов). Лишь в 1834 году *«студенты и воспитанники всех учебных заведений»* Министерства народного просвещения получили темно-зеленые мундиры (а не темно-синие, как преподаватели), на темно-синих суконных воротниках которых полагались золотые или серебряные петлицы из галуна.

Ношение *«форменной одежды для студентов»* считалось обязательным. Впервые это установили в связи с *«беспорядками в Виленском университете»* 14 августа 1824 года. Считалось, что такая мера облегчит надзор за студентами вне стен учебных заведений, который тогда возлагался на администрацию этих заведений. Правда, Николай I придавал студенческим мундирам и более «высокое» значение. *«Я бы желал,* — говорил он в 1849 году, — *чтобы эти молодые люди уважали мундир, который они носят, мундир, который уравнивает богатых и бедных, знатных и незнатных».*

И действительно, по свидетельству К. С. Аксакова, в университетах сложилась такая атмосфера, что *«человек здесь не аристократ и не плебей, не богатый и не бедный, а просто человек. Такое чувство равенства, в силу человеческого имени, давалось университетом и названием студента».* Как это объяснялось в официальной истории Комитета министров, *«в 1859 г., вслед за подчинением студентов вне университетов общей полиции, предоставлено было студентам вне университета не носить мундира. 26 мая 1861 г. форменная одежда совершенно отменена, между прочим в виду указаний министра народного просвещения Ковалевского, что полиция избегала столкновений со студентами, одетыми в форму, близкую к офицерской; в случае уличных столкновений быстро собиралась толпа студентов; вообще, ношение мундира развивало корпоративный дух. Но отмена формы повела, по единодушным отзывам учебной и общей администрации, к неряшливости в одежде, к полному упадку дисциплины среди студентов и затруднила полицейский надзор за ними... Таким образом, вопрос о ношении формы постоянно связывался с вопросом о студенческих беспорядках».*

Мундир студентов университетов. 1885 г.

В 1885 году министр народного просвещения граф И. Д. Делянов предложил восстановить форму, мотивируя это тем, что *«ношение мундира поможет водворить дух дисциплины»* и *«устранить нередкие случаи появления студентов в университетах в самой безобразной одежде»*. 8 мая того же года форма вводится сперва для студентов университетов, а затем и для учебных заведений других ведомств.

Мундир министра народного просвещения (2-й разряд). 1834 г.

Воротник и обшлаг мундира Министерства народного просвещения. 1834 г.

Указ 28 августа 1810 года о введении мундира для Департамента Министерства народного просвещения сообщает о нем лишь минимум: *«Кафтан темно-синего сукна со стоячим воротником и обшлагами бархатными того же цвета; подкладка синяя; камзол и нижнее платье белые суконные; пуговицы позолоченные гладкие... Шитье золотое по приложенному рисунку»*. По полноте шитья мундир разделялся на четыре разряда. Министр и его товарищ имели *«полное шитье на воротнике, обшлагах и карманах»*. Рисунки шитья удалось обнаружить только в архиве. Его узор совпадает с известным на 1834 год. Главный элемент узора — пальмовая ветвь. Бордюр из трех шнуров, перевитых четвертым, напоминает сенаторский, но не совпадает с ним. Края воротника и верх обшлагов оторочены каймой.

Один из самых ранних портретов с изображением мундира Министерства народного просвещения — портрет третьего министра князя А. Н. Голицына (1817—1824). Любопытно, что по занимаемым в первой половине XIX века должностям Голицын являлся обладателем наибольшего числа разных гражданских мундиров (по нашим подсчетам — семи).

Князь А. Н. Голицын в мундире министра народного просвещения и духовных дел 1818-1824 гг.

После того как Голицын был назначен министром народного просвещения, все подчиненные ему учреждения в 1817 году объединили в Министерство народного просвещения и духовных дел под его же главенством. Пост обер-прокурора передали другому лицу, взамен же Голицыну подчинили цензуру и императорское Человеколюбивое общество.

Уверенность в целесообразности и стабильности вновь образованного министерства была настолько велика, что в мае 1818 года для чиновников всех его департаментов устанавливают единый мундир. Мы видим его на портрете Голицына — прежний мундир Министерства народного просвещения. Правда, в указе о нем говорилось как о вновь *«высочайше утвержденном»*.

Князь А. Н. Голицын в мундире главноначальствующего над Почтовым департаментом. 1820 г.

В 1819 году из состава Министерства внутренних дел выделяют Почтовый департамент и подчиняют Голицыну. В то время почте придавалось особое значение. Аккуратность в ее доставке рассматривалась как дело политическое.

Министерство народного просвещения и духовных дел просуществовало до 1824 года. По совету Александра Голицын оставляет министерский пост, сохранив за собой лишь должность главноначальствующего над Почтовым департаментом с правами члена Комитета министров. Министерство народного просвещения и духовных дел распалось на ранее составлявшие его части.

Граф С. С. Уваров в мундире министра народного просвещения (2-й разряд). 1834 г.

В 1833 году пост министра народного просвещения занял С. С. Уваров. Вступив в новую должность, он обратился к попечителям учебных округов с циркуляром. В нем Уваров писал, что обязанность ведомства *«состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности»*.

Не вполне разделяя реакционный курс правительственной политики в отношении революционных событий в Европе, он в 1849 году оставляет пост министра.

Что же представляли собой прочие мундиры ведомства народного просвещения?

Мундиры университетов стали мундирами соответствующих (чаще всего одноименных) учебных округов и предназначались также для гимназического персонала и окружной администрации.

Мундир Московского университета 1834 г.

В одном из альбомов 1794 года мундирный кафтан чиновников Московского университета изображен малиновым с синим воротником и обшлагами; штаб-офицерским чинам полагались *«петли, шитые золотом»*; камзол и штаны белые. 14 октября 1800 года его заменяют темно-зеленым кафтаном с малиновыми воротником и обшлагами; на *«белых»* (т. е. посеребренных) пуговицах его изображались государственный герб и *«атрибуты учености»*.

14 апреля 1804 года для Московского университета и *«подведомственных оному училищ»* был установлен новый мундир. Для преподавателей и студентов цвет воротника и обшлагов сохранили прежний — малиновый. Вводилось золотое шитье на воротнике, обшлагах, а также на карманных клапанах, и впервые давалось его словесное описание: *«Края оных обложены вышивкой, представляющей лавровые листья. Вдоль ...клапана простирается дубовая ветвь. На передних частях воротника такие же ветви, а на обшлагах ветви сии окружают пуговичные петли»*. На мундирах преподавателей полное шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах полагалось тем, кто имел чины VII и выше классов; чины VIII класса лишались шитья на карманах, а IX и X классов — также *«шитья ветвей на обшлагах»*; чины низших классов имели на воротнике и обшлагах только *«вышивку лавровых листьев»*. Мундирам служащих, не имевших чинов, и студентам университета шитье не полагалось. (Такие же разряды шитья стали затем предусматриваться на мундирах большинства других учебных округов.) Новшеством было то обстоятельство, что *«чиновники... по хозяйственной части»* получили воротник и обшлага не малиновые, а темно-синие, причем лишь с золотым бортом из *«лавровых листьев»*. Сохранился рисунок мундира с изображением шитья, что дает возможность сравнить его с описанием и убедиться в том, что текст описания не позволяет правильно представить себе композицию и масштаб шитья. Сопоставление первоначального шитья с шитьем 1834 года показывает, что в главном оно осталось прежним.

Московский университет.

Мундир Дерптского университета был утвержден в июле 1802 года: темно-синего сукна с воротником и обшлагами из черного бархата, с желтыми пуговицами и с вышитыми золотом петлицами на воротнике, по бортам и на обшлагах, указывавшими на старшинство должностей. Он предназначался для преподавателей, чиновников и студентов. У первых и вторых он разделялся на два разряда: у куратора и вице-куратора петлицы полагались *«по обеим сторонам кафтана впереди и на карманах, также две петлицы на каждой стороне воротника, а по три на рукавах; у профессоров, учителей и прочих чиновников — на воротнике и рукавах только»*. Студенты имели петлицы *«на одном воротнике»*. *«Камзол и исподнее платье»* (в данном случае штаны, застегивавшиеся под коленом) должны были быть белыми. Рисунок мундира и описание петлиц не давались. Темно-синий цвет отныне стал обычным для мундиров учебных, ученых и технических учреждений.

Воротник и обшлаг мундира Дерптского университета. 1834 г.

Мундиры Академии наук и Российской академии (3-й разряд). 1834 г.

Воротник и обшлаг мундира Академии наук. 1834 г.

31 декабря 1803 года по представлению президента Академии наук графа Н. Н. Новосильцова был установлен мундир для ученого состава и учеников Академии *«следующего описания: кафтан темно-синего сукна с красным суконным стоячим воротником, вышитым золотом, и таковыми же обшлагами, подкладка синяя, камзол и исподнее платье белое суконное, пуговицы желтые. Употребление сего мундира распространено токмо на президента, академиков и адъюнктов, также и на воспитанников, но с тою разницей, чтобы президенту и академикам сверх шитья на воротнике и обшлагах иметь оное и по клапанам на карманах, чего адъюнктам не иметь...»*. Об узоре шитья не говорилось; рисунок его не сохранился. Знание же этого шитья очень важно, так как лишь оно отличает мундир Академии от мундира Петербургского университета и его учебного округа (возник в 1809 г.). Шитье это нам известно лишь по закону 27 февраля 1834 года. Таким ли оно было и в начале века, не ясно.

В январе 1819 года право ношения мундиров Академии наук было предоставлено и ее чиновникам.

Воротник и обшлаг мундира Российской академии. 1834 г

Менее чем через год (в августе 1804 года) были установлены мундиры для Российской академии (занималась изучением русского языка и литературы, в 1841 году вошла в состав Академии наук на правах ее второго отделения). Они также имели темно-синий цвет и красные суконные воротник и обшлага. Шитье же полагалось серебряное. Его узор в точности совпадал с узором 1834 года. Можно видеть появление третьего возможного элемента мундирного шитья — каймы по краю воротника и обшлагов.

Воротник и обшлаг мундира Харьковского учебного округа. 1834 г.

Мундир для Харьковского университета и *«подведомственных ему училищ»* был утвержден 11 июля 1804 года: *«однобортный кафтан темно-синего сукна со стоячим воротником; воротник и обшлага черные бархатные; пуговицы металлические белые без гербов; камзол и исподнее платье белое же»*. На воротнике, обшлагах и карманных клапанах чинов семи высших классов полагалось серебряное шитье, *«как оное изображено на приложенном рисунке»*. Без существенных изменений узор шитья сохранился и в 1834 году. Экстраординарные профессора, адъюнкты и чины VIII класса имели шитье только на воротнике и обшлагах; магистры и учителя IX класса и ниже — лишь на воротнике. Студенты и служащие, не имевшие чинов, носили мундир «без шитья». Таким образом, разряды мундиров Харьковского университета соответствовали несколько иным группам чинов, чем это было установлено для Московского университета.

Темно-синий мундир Виленского университета (15 мая 1806 г.) имел суконные воротник и обшлага «сапфирного цвета» (светло-синие) с золотым шитьем, изображающим дубовую ветвь и колосья. Обшлага имели вертикальные клапанцы (на военный манер) с шитьем, что в описании мундира не отмечалось. Вокруг воротника и клапанцев полагалась красная выпушка. Мундиры разделялись на три разряда. На мундирах студентов шитья не было. Наличие нарукавного клапанца и красной выпушки действительно делало мундиры похожими на военные.

Воротник и обшлаг мундира Петербургского университета. 1834 г.

Мундир столичного Петербургского учебного округа (20 января 1809 г.) по объему золотого шитья разделялся на четыре разряда. Для чиновников VII и высших классов шитье полагалось на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. У экстраординарных профессоров, адъюнктов и «состоящих в VIII классе» шитья на клапанах не было. Чины IX и X классов сохраняли шитье только на воротнике. А *«находящимся в XII и XIV классах»* полагался лишь *«один только золотом вышитый бортик»* на воротнике. Студенты и служащие, не обладавшие *«офицерскими званиями»* (т. е. классами), не имели на мундирах *«никакого шитья»*. Пуговицы на мундирах были *«позолоченные гладкие»*. Ни рисунков, ни описания шитья до нас не дошло. Мы можем судить о нем лишь по изображению 1834 года и по портретам того времени. В 1834 году воротники мундиров всех учебных округов стали синими бархатными. Изменился цвет воротника и на мундире Петербургского округа.

Н. Н. Новосильцов в мундире попечителя Петербургского учебного округа. Худ. С. С. Щукин. 1809 г.

Воротник и обшлаг мундира Казанского учебного округа. 1834 г.

Мундир Казанского учебного округа имел суконные воротник и обшлага под цвет мундира (темно-синие), серебряное шитье в виде переплетающихся дубовых ветвей и *«белые гладкие»* пуговицы. Рисунки шитья сохранились, и мы убеждаемся, что они совпадают с известными нам на 1834 год. Мундир имел четыре разряда — такие же, как у мундиров Московского и Петербургского университетов

Воротник и обшлаг мундира Публичной библиотеки в Петербурге. 1834 г.

Возникновение новых мундиров в ведомстве народного просвещения продолжалось и после установления в 1810 году мундира собственно для Министерства. 17 мая 1811 года особый мундир получает Царскосельский лицей. На красных (с 1834 г. — синих) воротнике и обшлагах, а также на карманных клапанах полагалось *«шитье частью золотое, частью серебряное»*. На воротниках воспитанников вышивались петлицы: для младших серебряные, для старших золотые. Это единственный случай, когда мундир имел шитье из золотых и серебряных нитей одновременно. 12 февраля 1812 года праздничные и повседневные мундиры получили чиновники Императорской Публичной библиотеки: темно-синие с синими бархатными воротниками. На праздничном мундире — золотое шитье оригинального узора. Медные пуговицы имели изображение герба библиотеки.

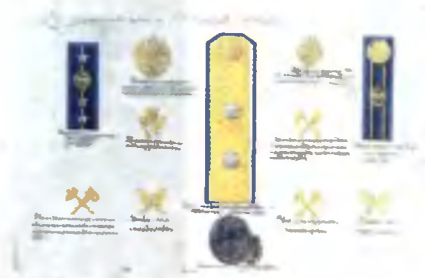
Воротник мундира Царскосельского лицея. 1834 г.

Воротник и обшлаг мундира Одесского учебного округа. 1834 г.

Воротник и обшлаг мундира Киевского учебного округа. 1834 г.

Воротник и обшлаг мундира учебных заведений Закавказья. 1834 г.

Казанский университет.



Воротник и обшлаг мундира Главного педагогического института в Петербурге. 1834 г.

В 1834 году вводятся мундиры для Одесского и Киевского учебных округов. При утверждении шитья для них Николай I распорядился упростить узор, сочтя его *«слишком кудрявым»*. Мундиры получают учебные заведения Закавказья и Сибири, а также Главный педагогический институт в Петербурге.

В мае 1826 года чиновники ведомства народного просвещения в общем порядке получили вицмундирные фраки из темно-синего сукна *«с бархатным отложным темно-синим воротником»* и желтыми пуговицами с государственным гербом. Они предназначались для повседневного ношения, поскольку парадный *«мундир, по дороговизне шитья, не мог употребляться каждодневно»*.

Планшет с изображением знаков отличия чинов и эмблем ведомства народного просвещения. 1904 г.

В таком виде система мундиров ведомства народного просвещения просуществовала до 1917 года. Лишь в 1856 году все мундиры получили фасон полукафтанов, а в конце XIX века на мундирных сюртуках (которые не имели шитья) и на форменных пальто для указания рангов чинов были установлены воротничковые петлицы и погоны для обозначения ведомственной и профессиональной принадлежности — эмблемы.

С ГОЛОСА СЕРДЦА

27 апреля 1992 года не стало Нины Ли. Она ушла тихо, без некрологов в прессе. И мало кто осознал, что не стало одной из первых звезд советского немого кинематографа...

Я знала счастье сознанием, что мой скромный труд — ученика Советской кинематографии — стал маленькой ступенькой к сегодняшнему большому киноискусству! Нина Ли. XII-81 г.

В 1971 году, собирая с режиссером Юрием Швыревым и художником Вячеславом Ребровым материалы для книги о киностудии имени М. Горького, мы натолкнулись в одном из свежих номеров журнала «Советский экран» на статью, очень нас заинтересовавшую. Начиналась она так: «В одном из старых московских переулков стоит небольшой трехэтажный флигель, с виду ничем не примечательный. Но если вы разговоритесь с его жильцами, узнаете, что здесь живет персональная пенсионерка Нина Алексеевна Попова. Время оставило неизгладимые следы на ее лице: посеребрило виски, разбросало морщинки; но если вы вглядитесь в ее строгое лицо с умными, чуть задумчивыми серыми глазами, то узнаете в ней Нину Ли, одну из первых звезд советского немого кинематографа, имя которой было популярно в двадцатые годы в нашей стране и за рубежом».

И вот мы в Сеченовском переулке, в гостях у Нины Алексеевны, в комнате, где едва умещается только самое необходимое. Здесь она прожила почти полвека, придя сюда в декабре 1923 года, когда стала женой известного уже тогда фотохудожника Абрама Петровича Штеренберга.

Беседуем с актрисой у камина, огонь которого согревал их маленькую семью в холодные и голодные 20-е годы. А вот и фотография тех лет: 1922 год, Нина Алексеевна — студентка 1-й государственной киношколы, исхудавшая, в бедном одеянии. Такой она приехала из Оренбурга на учебу в Москву — и такой ее запечатлел кто-то из сверстников по операторскому факультету.

Позднее я прочитал в ее записях о том трудном времени следующие слова:

«Мне в эту пору никто не помогал. Никто! Как же я выжила?

Спросите бездомную собачку, чем она жива? Чем-то живет? Так вот и я. Выжила!»

Помогли выжить молодость, преданность искусству, а спустя два года и кинематограф, в котором Нина Ли уже с первых картин снималась в главных ролях.

Перелистываем страницы альбома Нины Алексеевны. Вот кадры из фильмов с ее участием — «Особняк Голубиных», «Стальные журавли», «Леся», «Лавина», «Законы шторма», «Крест и маузер», «Предатель», «Чашка чая»... Кинореклама тех лет. На плакатах надписи: «В квартирах пусто, все ушли смотреть Ильинского и Ли в картине «Чашка чая», «Игорь Ильинский и Нина Ли — это довольно, чтобы все пришли на картину «Чашка чая»...

Шли годы. Кино уже было звуковым, и другие актеры стали кумирами зрителей. А Нина Ли, пройдя школу актерского мастерства у таких корифеев экрана, как Владимир Гардин, Петр Чардынин, Иван Перестиани, имея таких партнеров, как Игорь Ильинский, Борис Ливанов, Андрей Файт, принимает мужественное решение покинуть кинематограф.

В одной из записей, обнаруженных мною в архиве актрисы, есть такие строки:

«Картина Васнецова «Три богатыря» — не могут решить, по какой дороге путь держать!

В юности я тоже не знала, по какой дороге пойду!

Хорошо рисовала — все говорили: учись на художника!

Хорошо писала — все советовали: иди в Литературный!

Стала сниматься: будь актрисой!

Старый Гардин сердито говорил: «Только такая сумасшедшая «козюлька» и может оставить кино, где получила общее признание... Тьфу!»

На наш вопрос, почему же, имея такую известность в кинематографе, она все же покинула его, Нина Алексеевна ответила: «Популярность имеет свою жестокую сторону — нельзя падать ниже ее».

А затем последовали долгие и трудные годы работы в театрах, когда возможностей у актрисы донести до зрительских сердец то, чего просила душа, становилось все меньше и меньше. Незаметно подкралась старость, а с ней болезни.

Вот еще одна запись Нины Алексеевны, относящаяся уже к пенсионным годам:

«Беда! Мы совершенно одиноки. У нас нет детей, нет родных. И нельзя найти кого-либо, желающего за деньги принять на себя заботу о старых людях».

27 апреля 1992 года ее не стало. Она ушла тихо, без некрологов в прессе. Душа русской актрисы осталась в глазах, которые смотрят на нас с этих фотографий, и главное — в строках ее воспоминаний, которые лежат перед читателем. Они записаны с голоса сердца...

МАРК ВОЛОЦКИЙ,
киновед, заведующий музеем киностудии имени М. Горького

НИНА ПОПОВА

«Все началось с кинотеатра «Чары»

(страницы воспоминаний)

Тысяча девятьсот двадцать четвертый год. Москва.

В один чудесный майский день к нам в квартиру раздался звонок. Вприпрыжку я побежала и открыла дверь.

Стоял незнакомый человек. Он спросил: «Вы Нина Ли?»

У меня в сознании молниеносно возникла киностудия Ольги Ивановны Преображенской, где кто-то в связи с чем-то прозвал меня «Ли».

Но этим прозвищем я никогда еще себя не называла. Поэтому не очень решительно, но все же утвердительно я кивнула головой и, запнувшись, произнесла что-то вроде: «Я Ли на».

Незнакомец, прищурившись и даже несколько откинувшись назад, внимательно осмотрел меня с головы до ног:

— Я из киностудии «Межрабпом-Русь». Преображенская Ольга Ивановна рекомендовала нам посмотреть вас на роль в кинокартине режиссера Гардина, — сказал незнакомец и решительно протиснулся между мной и дверью в переднюю.

Так вошла в мою жизнь кинематографическая судьба.

* * *

Совсем недавно я стояла в магазине в очереди и через окно смотрела на улицу, где прожила более полувека. И вдруг внезапный провал в памяти — я забыла прежнее, столь милое мне название моей улицы.

Я обратилась к стоящей рядом со мной женщине:

— Простите, не напомните ли вы мне, как раньше называлась Метростроевская улица?..

Недружелюбно помолчав, женщина с нескрываемым снисхождением к моей старческой неполноценности ответила:

— По-другому она не называлась. Всегда была Метростроевской.

Как теперь принято говорить, я перенесла некоторый «стресс» и тут же вспомнила: Остоженка!

На этой старинной Остоженке у Пречистенских ворот, наискосок от храма Христа Спасителя, в маленьком старом домике, на втором этаже ютился кинематограф с завлекательным названием «Чары». В душном, всегда переполненном зальце, с замиранием сердца я упивалась загадочным и жутковатым Конрадом Фейдтом, Дугласом Фэрбенксом, но особенно — трогательной и нежной Лилиан Гиш... Мне казалось, что даже дребезжащие звуки пианино дополняют очарование происходящего на экране.

Впечатление было столь сильным, что ночью я не могла заснуть.

* * *

В годы моей юности я знала и видела много страшного, что принесла гражданская война и разруха. Я знала свист пуль, разрывы снарядов, голод, холод, тиф, видала много смертей и самую горестную, когда глаза моей мамы смотрели сквозь меня в какое-то далекое ничто.

Мы остались на свете двое — папа и я.

Это было в Оренбурге. Там и состоялось мое первое прикосновение к искусству.

Уже будучи взрослым человеком, я где-то прочитала:

«Артистка Императорских театров Нина Павловна Анненкова-Бернар».

Эту старую артистку со столь блистательным титулом какие-то житейские волны занесли в Оренбург. Невзирая на голод, холод и мрак, в которых жил тогда обстрелянный разными властями Оренбург, Нина Павловна неустанно и увлеченно работала в созданном ею небольшом молодежном театре-студии.

Наряду с профессиональными актерами она занималась и с подростками, среди которых была и я.

С нами — со мной и пареньком Витей — она работала сцену у фонтана — «Борис Годунов».

Забыть нельзя, как старая актриса с глазами, горящими вдохновением, гневно, гордо, величественно показывала, как нужно играть Дмитрия Самозванца.

Это было так красиво, что я, как зачарованная, уединившись где-нибудь, старалась читать Дмитрия Самозванца так же, как и она.

На занятиях же мы кое-как лепетали свои роли.

С тоской смотрела на нас Нина Павловна:

— Неважно идут дела у вас...

Со злыми слезами я однажды выпалила:

— Я не хочу Марину, я умею Дмитрия Самозванца!

И без того выпуклые глаза Нины Павловны совсем округлились от изумления:

— Покажи, прочитай...

Сначала я читала и от смущения усердно колупала ногтем стул, но понемногу увлеклась, подогреваемая внимательными, горячими глазами Нины Павловны.

Когда я кончила читать, Нина Павловна смотрела на меня так, как будто видела впервые. Потом спросила:

— А что тебе еще нравится?

Не задумываясь, я смело сделала заявку на мужские роли:

— Еще? А еще я умею «Скупого рыцаря»!

Витька ехидно захихикал. Она тихонько погрозила ему пальцем.

Плохо ли, хорошо ли, но монолог «Скупого рыцаря» я прочитала.

Это был мой первый в жизни творческий день.

Истинная артистка, Нина Павловна отнеслась к моему чтению с почтением и нежностью, боясь спугнуть торжественность этого дня.

* * *

Летом 1922 года я прибыла из Оренбурга в Москву.

Всю дальнюю дорогу я крепко держала круглую, из желтого лубка шляпную коробку. Это был мой единственный багаж и все мое имущество.

В пустоватом чреве этой коробки, среди маминых и папиных фотографий, рядом с бумажной иконкой, которой папа благословил меня «на светлую жизнь», лежала путевка Дорпрофсожа, сообщавшая, что Нина Попова направляется в Москву для поступления в театральное училище.

* * *

Все началось с кинотеатра «Чары».

Именно здесь, в этом затхлом зальце, моя жизнь круто повернула от театра к кино.

Без жизненного опыта, без доброго совета я взяла в свои руки мою жизнь и судьбу. Сначала она привела меня на Неглинную улицу в Кинематографическое училище, как мне теперь кажется, что это и был, в его зачаточной форме, будущий ВГИК — Всесоюзный Государственный Институт Кинематографии.

Все мои помыслы, все мое существо было подчинено одному: только бы меня взяли в кино, только бы взяли...

От волнения я едва держалась на ногах, когда в училище меня наконец вызвали в комнату, где сидели несколько человек, призванных решить мою участь. Среди них был особенно приметен красивый, иконописного вида человек с длинной бородой и почему-то в фетровой шляпе, пальто и даже галошах. Таким он мне запомнится навсегда. Это был ректор и преподаватель училища Ильин Василий Сергеевич. Все внимательно смотрели на меня, задали несколько вопросов, с недоумением пожали плечами над моей путевкой и, вполголоса посовещавшись между собой, приняли меня в училище!

Здесь мы, учащиеся, занимались вначале упражнениями, а затем и элементарными этюдами по системе Дельсарта.

Я очень гордилась, что в мою жизнь вошло что-то очень значительное, очень умное, хотя и совершенно непонятное!

Известный фотограф Бохонов преподавал нам композицию кадра. И если я не забыла, то именно так назывался его предмет.

Мы занимались и приемами бокса, которым нас обучал будущий знаменитый боксер Константин Градополов. Из учащихся я помню Рахиль Мессерер (мать Майи Плисецкой), хорошего гимнаста Владимира Плисецкого — впоследствии он станет эстрадно-цирковым акробатом, а в Великую Отечествен-

ную войну десантным разведчиком, посмертно Героем Советского Союза. Помню милую девушку Наю Добрянскую и Ивана Правова, будущего режиссера. Почему-то он вспоминается мне довольно угрюмым и неразговорчивым, а позднее я узнаю, что он сочинял оперетты, одна из его песенок даже стала веселым гимном киноучилища.

* * *

Стояла морозная зима.

Денег на трамвай не было.

После вечерних занятий с Неглинной улицы до Остоженки я со страхом шла по опустевшим уже улицам.

Случайно узнала, что Правов живет где-то рядом — возле храма Христа Спасителя — и тоже ходит из училища пешком, вероятно по той же причине, что и я.

Я напросилась ходить домой вместе с ним.

Впереди меня, по скрипучему снегу, большим, быстрым шагом шел Правов. За ним, боясь отстать, торопилась я на одеревеневших от мороза ногах, иногда скользя на стоптанных каблуках.

О перчатках и речи не было. Окоченевшие руки я все глубже засовывала в рукава моего неказистого пальтишка из мятого черного плюша, кое-как перешитого из маминой ротонды.

Дойдя до Остоженки, Правов, укутанный до половины лица шарфом, молча кивал мне головой, и мы, прибавив шагу, торопились каждый к своему пристанищу, где будут долго, с болью отходить от мороза руки и ноги.

Бог милостив, я не болела. Только есть очень хотелось. Но иногда и кусочка хлеба не было.

Если теперешним студентам придется прочитать эти строки, то пусть они добрым словом вспомнят своих товарищей 20-х годов.

* * *

Раньше меня многие спрашивали о происхождении моего псевдонима. На этих страницах я уже упоминала о моем раннем кинематографическом увлечении Лилиан Гиш. В киностудии Преображенской это имя не сходило у меня с языка, а молодежи только того и нужно: она смешлива и ироничка. Наблюдательно примечает привычки, словечки и часто дает очень меткие прозвища.

Может быть, так и возник мой псевдоним — Ли?

Много позднее я получила от одного зрителя письмо и сценарий, который назывался «Маленькая кондуктриса», а письмо сообщало: «Посвящается Нине Ли, единственной из советских актрис, приближающейся к Лилиан Гиш...» Всякое бывает в жизни. На случай, если автор этого сценария прочитает мои записки, то с опозданием на полвека я сердечно благодарю его.

Приблизилась ли я к Лилиан Гиш? Нет!

* * *

Студия «Межрабпом-Русь». Май 1924 года.

Меня в числе других девушек просматривают на роль Насти в кинокартине «Стальные журавли». Режиссер — Владимир Ростиславович Гардин.

В обычной рабочей комнате за столом сидят два-три человека.

Сбоку стола, твердо поставив руки на колени, сидит полный, уже совсем немолодой человек в плоской как блин кепке. Выпятив брюзгливо губы, он исподлобья смотрит тяжелым, испытующим взглядом.

Таким я увидела в первый раз Гардина. «Зверь!» — подумала я. Сначала меня смотрели в рамке предполагаемого кадра. Потом мне дали этюд. Я очень плохо его показала. От волнения я даже недопоняла задание. Несмотря на это, меня вызывали еще несколько раз. Я постепенно освоилась и даже с удовольствием делала заданные мне этюды.

Вознаграждением за это мне была первая улыбка Гардина.

«А может быть, он добрый?» — подумала я.

Человек большого актерского и режиссерского опыта, Владимир Ростиславович понял, что я скована волнением, и дал возможность мне успокоиться.

Оператором был Луи Форестье. Француз. И характером он был, как французское шампанское. Уже напоследок, после ряда положенных мне этюдов, Форестье снимал меня, если мне не изменяет память, только на фотогеничность — фас, профиль, ракурсы. Так происходила моя проба у Владимира Ростиславовича Гардина.

* * *

Я была утверждена на роль Насти и двадцать восьмого мая 1924 года подписала первый в жизни договор на исполнение первой моей роли, в первой картине «Стальные журавли»!

Неудержимая радость овладела мной, наполнила все мое существо какой-то чудесной легкостью. Казалось, что стоит мне только чуть-чуть приподняться на носочки — и я невесомо взлечу, как в моих ребячьих снах... Старые люди про эти сны говорили, что это человек растет, и приговаривали: «Расти большой да умной!»

С разгона я кого-то спросила, можно ли мне посмотреть павильон?

Удивленно ответили: «Можно». До сегодняшнего дня мне кажется, что павильон «Межрабпом-Руси» для своего времени был очень хорошим. Довольно большой, высокий, под стеклянной крышей. Много осветительной аппаратуры. Заботливый хозяин навел здесь образцовый порядок и чистоту. В павильоне ни души. Я иду на цыпочках, благоговея, к месту, где свершается чудо — снимаются картины...

Вдруг позади раздался голос: «Девочка, посторонним здесь ходить нельзя». Обладателем голоса оказался молодой, элегантный брюнет. Этого человека я еще никогда не видела, но я ему рада, рада случаю назвать себя в первый раз гордым словом, и я звонко, с наслаждением выговариваю его: «Я — артистка!»

Директор киностудии «Межрабпом-Русь» Даревский Захар Юльевич, это был он, наигранно развел руками и тоном, которым взрослые говорят с маленькими, ответил:

— Ну, если уж артистка, тогда пожалуйста...

* * *

К первой съемке я пришла в какой-то мере уже подготовленной.

Занятия с Н. П. Анненковой-Бернар, с О. И. Преображенской, киношкола с системой Дельсарта, попутные занятия акробатикой, пластикой, репетиции с Владимиром Ростиславовичем Гардиным — все вместе взятое составило полезный тренаж для будущей актрисы. И не помню, чтобы на первой съемке у Гардина возникли какие-либо чрезвычайные затруднения в работе со мной. Конечно, я очень волновалась, стеснялась людей и боялась камеры.

Ночью я не спала. Проверяла, вспоминала все сделанное мной за первый мой съемочный день. И до утра я мучилась досадной мыслью, что если бы повторить уже снятое, то я играла бы по-другому и лучше.

Шли дни, потом годы, но меня не оставляли тревожные чувства первой съемки. Волнение, ответственность, порой гнетущая неудовлетворенность собой, как в первый раз, пройдут по всей моей скромной актерской жизни и в кино, и в театре.

Константин Сергеевич Станиславский, который знал все пути актера к счастливому раскрытию всех его творческих возможностей, к свободному владению собой на сцене, однако, говорит о себе, что, сыграв очень много раз определенный спектакль, он только сегодня начал видеть и слышать в нем своих партнеров.

Волнение, зажатость, сознание своей творческой неполноценности испытывал даже он — Константин Сергеевич Станиславский.

До сих пор я вижу свои тревожные актерские сны. Вижу, что вот сейчас мне нужно играть роль, а я невыразимо этого боюсь, ибо я не умею, не знаю, как ее играть...

«Межрабпом-Русь». 1925 г.
«Особняк Голубиных». В главных ролях: Нина Ли, А. Файт, Лялин.

И я просыпаюсь в холодной испарине, с сердцебиением, чтобы понять — если бы повторилась жизнь, стала бы я актрисой?

Да. Стала бы!

И как прежде думаю, что играла бы по-другому и лучше.

* * *

Владимир Ростиславович Гардин любил снимать быстро, без дублей и помех.

Снимаем на натуре. Все чаще стали набегать пушистые облачка на солнце, и наконец оно совсем потонуло в большом плотном облаке. Первым опрокидывается на траву Форестье и, прикрыв кепкой лицо, демонстрирует этим вынужденный перерыв съемки по стихийным обстоятельствам.

Его примеру, не без удовольствия, следуем и мы — все участники съемки.

Только Гардин, как полководец, хмуро обозрев свое полегшее на траву войско, ловко поворачивает кепку козырьком назад и, держа руку горсточкой над глазами, кощунственно посылает небу, солнцу свое привычное: «Полено дров!»

В кинокартине «Стальные журавли» снимался Борис Ливанов.

Одаренному актеру, воспитаннику К. С. Станиславского, порой бывало непосильно тесно в условностях «Великого немого».

Снимаем нашу сцену — мою и Ливанова.

Я заметила, что мой дорогой Митя (Б. Ливанов) начинает морщиться, как бы проглотил что-то горькое. Раздалось грозное гардинское: «Стоп!»

Гардин и Ливанов начали сближаться, и тут же оба заорали. Человек большого темперамента, горячего и строптивого характера, Ливанов в лице Гардина имел вполне достойного противника с теми же свойствами нрава и темперамента.

Голоса их гулко резонировали в пустоте павильона, а я от страха и совсем не понимала: в чем же дело? Я испугалась, что, может быть, это я натворила что-то неладное в сцене...

Я начала пощипывать за рукава то одного, то другого, и только было мне удалось заикнуться, как два разъяренных врага объединились, как родные братья, и одновременно набросились на меня...

Я обмерла!

Но из их ора, обращенного теперь уже на меня, к счастью, скоро выяснилось, что люди говорят о деле, а тут какая-то «мошкара» мельтешит перед глазами...

«Мошкару» как ветром сдуло с поля брани. Но я уже успела оскорбиться «мошкарой» и навзрыд заревела.

Форестье, с самодовольным видом человека, стоящего выше подобных сцен, с достоинством удалился в сторону.

Замечательной Актрисе Нине Ли, чей талант раскрылся для меня как раз в эту эпоху „Юности художника"... В знак искреннего уважения Сергей Юткевич 23.XI.80

Заскучавшие осветители привычно устраивались поудобнее возле своих погасших светил — юпитеров и пятисоток.

Не успела я и глазом моргнуть, как Форестье с видом опытного бойца бросился в сраженье.

Гардин и Ливанов игнорировали Форестье, с азартом включившегося в спор. И когда Форестье попадал между ними, они отодвигали его в сторону, как нечто неодушевленное.

Мгновенно вспыхнувший пожар достиг своего апогея и так же внезапно стих. Только долго еще бушевала горячая французская кровь Форестье, и временами он что-то еще выкрикивал на совершенно уже непонятном языке. Прожив почти всю жизнь в России, Форестье, однако, плохо выговаривал русские слова, перемежая их с французскими.

Вскоре ко мне подошел, тяжело отдуваясь, Гардин. Виртуозно одним пальцем повертел на лысине кепку и с сияющей, победоносной улыбкой в сторону Ливанова, не удержавшись, все же произнес: «Полено дров!»

Так однажды обозвал Гардин и меня, но без улыбки, а жестко, раздраженно. Я это запомнила на всю жизнь.

* * *

И вот, названная в афишах уже артисткой Ниной Ли, я стою в кинотеатре «Арс» перед четырьмя огромными портретами. Среди них и мой — смеющийся, белозубый, порывистый. Мне он очень нравится. С трудом отрываюсь от него и иду в зрительный зал.

Мое место в первом ряду. Вступил оркестр. Погас свет. И мне кажется, что мое сердце и я бьемся друг о друга в радостном и трепетном ожидании.

Как-то вдруг неожиданно на экране появилась я.

Вместо восторга я испытала стыд и отвращение к себе на экране. Я была убита необратимостью происходящего. Невыразимо хотела уничтожить себя на экране, но наперекор этому я была уже достоянием многих глаз, умов и сердец.

Так я мучилась до конца картины. Дали свет.

С опущенной головой, как можно скорее, я хотела пробраться через человеческую стену, но мне это не удавалось. Некоторые задерживали меня и поздравляли с успехом! Господи! Некоторые даже ухитрялись поцеловать мне руки, судорожно зажатые в кулаки.

В этой суматохе я потеряла своего доброго соседа.

И только позднее от Владимира Ростиславовича Гардина я узнала, что это был Юрий Завадский — Калаф! «Принцесса Турандот».

ЕРМАК

КАК РОССИЯ ПРИРАСТАЛА СИБИРЬЮ

Кинорежиссеры В. Краснопольский и В. Усков, авторы некогда популярных телевизионных сериалов «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», снимают фильм-дилогию «Ермак». В сценарии, написанном ими совместно с известным писателем А. Ивановым и В. Трунином, использованы исторические исследования, летописи, а также народные предания, легенды об атамане Ермаке Тимофеевиче. Создатели киноленты стремятся максимально точно и объективно воспроизвести атмосферу, быт и нравы второй половины XVI века — одной из самых противоречивых страниц истории нашего Отечества.

Сюжет охватывает несколько десятилетий: от детских лет главного героя до знаменитого похода казачьего войска за Уральские горы. Не менее значимым действующим лицом фильма является потомок Чингисхана Кучум, который, как известно, пришел в Сибирь за несколько лет до Ермака.

Повествование о жизни конкретных исторических персонажей сочетается с авторским размышлением о

ФОТОГРАФИИ
Евгения Кочеткова

трагичности эпохи, о зыбкой грани между свободой и рабством, о парадоксальном сближении палача и жертвы в одной человеческой натуре.

Съемки проходили в Пермской области и в реальных интерьерах Московского Кремля, в павильонах «Мосфильма» и под Барнаулом, где были построены декорации города-крепости Сибирь. Специально для фильма петрозаводская фирма «Карелия-ТАМП» изготовила восемнадцать казачьих и царских стругов, соответствующих историческим эскизам.

Ермака играет Виктор Степанов, хана Кучума — Ходжадурды Нарлиев.

Роль Ивана Грозного стала последней для нашего замечательного актера Евгения Евстигнеева. Он умер на съемках.

В фильме снимались: Н. Джигурда, П. Вельяминов, И. Алферова, А. Колкунова, актеры из многих российских городов, а также из Казахстана, Беларуси, Молдовы, Армении.

Большую помощь создателям фильма оказала группа консультантов во главе с доктором исторических наук профессором А. Преображенским.

В. ШЕМЯКИНА

Дом

ФОТО ВАЛЕРИЯ АРУТЮНОВА

Как читать икону

Моление воде

Вкус дикого меда

ПРЕПОДОБНЫЕ МАСТЕРА

Ремесло иконописцев Древней Руси было особого характера. Родоначальником иконописи считался Евангелист Лука, создавший, по преданию, первый живописный образ Богоматери. Еще в поучениях преподобного Феодосия Пустынника (424—529) говорилось: «Божественная служба иконное воображение от святых апостол начало прият», а иконописец отождествлялся со священником: «Священник... божественными словесы составляет плоть, ей же мы причащаемся... и иконописец вместо словес начертает и воображает плоть... им же мы покланяемся»[1]. На богомаза возлагалась важная функция — истинствовать о Божественном мире. Поэтому требования к нему предъявлялись не только профессиональные, но и нравственные. Постановления Стоглавого собора 1551 года строго осуждают тех мастеров, которые рассматривали свое занятие как средство пропитания. О них говорится: «им в конец от таковаго дела престати», «не всем человеком иконописцем быти, многа бо и различна рукодельствия подарованна быша от Бога, ими же человеком препитатися». Если же живописец скрывал свой талант, не отдавая его «ученикам... по существу», или из зависти хулил талантливого ученика, статьи Стоглава грозили ему наказанием, вплоть до «муки вечной»[2].

Иконописец обязан был находиться в послушании у своего духовного отца и «паче других человек» соблюдать церковные предписания. Сохранился нравоучительный рассказ о молодом Дионисии (1430—1440—нач. XVI века). В 1467 году тот вместе с артелью под руководством иконника Митрофана расписывал церковь Рождества Богородицы в Пафнутьево-Боровском монастыре. Игумен Пафнутий строго следил за соблюдением монастырского устава, запрещавшего не только вкушать, но и носить в обитель скоромное. Дионисий же принес однажды «ходило агнче с яйцы учинено», то есть баранью ногу, зажаренную с яйцами. Ослушание сейчас же было наказано: на Дионисия напал «недуг лют», «скорбь» (чесотка), из-за которой его тело «в един час яко един струп слияся». Пафнутий простил мастера, «повелел ударити в било», и «абие болезнь его отбеже»[3].

Благодаря многократным повторениям в иконописных подлинниках широко были известны и чеканные строки Стоглава: «Подобает быть живописцу смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницы, не грабежнику, не убийцы, наипаче же хранить чистоту душевную и телесную со всяким опасением»[4].

Большинство русских иконописцев, которых мы знаем, были людьми духовного сана. Многие из них были канонизированы, и об их занятиях иконописью говорят жития. Иконописцы были монахами (преподобные Алипий Печерский, ум. в 1114 году; Андрей Рублев, ок. 1360—1430), игуменами (преподобные Дионисий Глушицкий, 1362—1437; Антоний Сийский, 1478—1557), епископами (архиепископ Феодор Ростовский, племянник Сергия Радонежского, ок. 1320—1395), митрополитами (святители Петр, 2-я пол. XIII в.—1326; Макарий, ок. 1482—1563). Меньше мы знаем о мирских мастерах, из которых наиболее известными на Руси были Феофан Грек (ок. 1335—ок.1410), Дионисий, Симон Ушаков (1626—1686).

Каноничные строки жития, как и икона, представляют идеальный образ святого. Но ведь написал же преподобный Дионисий Глушицкий образ Кирилла Белозерского, несомненно доносящий индивидуальные черты основателя Кирилло-Белозерского монастыря! Так и преподобный Иосиф Волоцкий, описывая Андрея Рублева и Данила Черного, создал на редкость светлый и чистый образ подвижников-художников.

Высшей похвалой художнику можно считать слова об Андрее Рублеве в «Сказании о святых иконописцах» XVII века: «преподобный отец Андрей Радонежский... многие святые иконы написал, все чудотворныя»[5]. Чудотворными были даже краски у прославленных мастеров. В Киево-Печерском Патерике описано, как Алипий красками, которыми писал иконы, покрыл лицо и струпья прокаженного, а затем дал ему умыться водой, которой умываются священники. «И тотчас спали с прокаженного струпья, и он исцелел»[6]. Считалось, что сам Бог водит рукою иконописца. Не случайно о том же Алипии рассказывалось, что иконы его были богосозданными, а когда ангел писал образ Успения вместо заболевшего Алипия, то он спрашивал (!) иконописца, нет ли ошибок в изображении[7].

Между иконой и написавшим ее художником устанавливалась особая духовная связь. В «Житии митрополита Петра» упоминается икона Богоматери, которую святитель написал, будучи еще игуменом Ратского монастыря. Образ был подарен митрополиту Максиму, резиденция которого была во Владимире. После смерти Максима в 1305 году икона вместе с пастырскими регалиями была взята Геронтием — претендентом на митрополичью кафедру. Для поставления Геронтий отправился в Константинополь. Во время путешествия икона Богоматери, написанная Петром, явилась Геронтию во сне и предсказала святительскую славу Петру и тщету усилий Геронтия. Предсказание сбылось, и русским митрополитом стал Петр[8].

Иконописцам суждено было сыграть в истории культуры Древней Руси особую роль. В образных формах они выражали сложные мировоззренческие, нравственные, эстетические проблемы. Творения древнерусских мастеров наводили на «розмысел душевный», побуждали заглянуть «в помыслы души своей». В иконах не изображалось уродливого или отталкивающего. Мученики перед лицом смерти сохраняют достоинство, а в Распятии страдание Христа возвышается до величайшего подвига любви.

Воистину «возвазрите печаль на радость» было кредо иконописца.

Молитвенное созерцание иконы питало эстетическое чувство. В записках преподобного Мартирия (ум. в 1603 году), основателя Зеленой пустыни в 40 поприщах от Тихвинского монастыря, описано, как ему в келью явилась Богоматерь. «Благолепна была она видением... умиленна лицем и прекрасна образом. Долгия зеницы и черныя брови... на голове у ней был золотой венец, украшенный разноцветными каменьями... очи же ея были полны слез, чуть не канут на ея пречистое лицо». Очнувшись, Мартирий вгляделся в икону Одигитрии, висевшую в его келье, «и познал, что воистину явилась мне Пречистая Богородица тем образом, как писана она на иконе моей келейной»[9]. Замечательно в этом сказании то, что икона неявно, деликатно, своим художественным совершенством выказала к жизни чудесное видение.

Труд выдающихся мастеров ценился высоко. В 1482 году Дионисий с товарищами написали в Успенский собор Московского Кремля «деисус, пророков и праздники чудно вельми». За это им заплатили громадную по тому времени сумму в 100 рублей. А в 1511 году в Волоколамском монастыре поставили «иконы письма Андрея» (Рублева. — *В. Г.*) стоимостью 20 рублей, что равнялось стоимости величины деревни. В 1546 году Иосиф Волоцкий, желая помириться с тверским князем Феодором Борисовичем, «начал князя утешать мздою и послал к нему иконы письма Рублева и Дионисия»[10].

В XVII веке Оружейная палата в Москве собирала талантливых иконописцев для «скорых государевых дел». Занятие живописью для городовых художников этого времени не было основным. Они числились садовниками, огородниками, крестьянами, в том числе и крепостными. Например, ученик Симона Ушакова Георгий Зиновьев был крестьянином Гаврилы Островского, купленным за 100 рублей. Иконописание часто было делом семейным. В 1660 году в Вязниках был «поп, прозвище Волк, у него 5 зятей, 2 брата, вси иконники»[11]. Так, Д. А. Ровинский упоминает, в частности, иконописца Полиевкта Никифорова, родившегося без

«Убийство Бориса» — клеймо иконы «Владимир, Борис и Глеб» XVII в. из Владимиро-Суздальского музея-заповедника

рук и писавшего губами «в голландском стиле»[12].

Своеобразную художественную элиту XVII века составляли государевы жалованные мастера. Кандидат в иконописцы Оружейной палаты проходил предварительно испытание: писал иконы, демонстрируя свое мастерство. Если вывод комиссии был благоприятен («иконное художество... писать горазд»), то мастера зачисляли на жалованье, которое выдавалось хлебом и деньгами. Жалованные художники расписывали придворные церкви, писали и подновляли иконы для царского семейства.

Были при Оружейной палате и кормовые иконописцы, как москвичи, так и жители других городов. Им, в отличие от жалованных, выдавался только поденный корм во время работы. В праздники, например в Пасху 1666 года, иконописцам выдали «по ведру вина, по 2 ведра пива, по полтю ветчины, по три части солонины, по пяти языков говяжьих, по пятн полотков гусиных, по осмине муки пшеничной человеку»[13]. Несмотря на звание кормовых иконописцев, обременительные поездки в Москву, часто принудительные, не приносили доходов мастерам. Не случайны и такие челобитные, как прошение Федора Зубова (с середины 60-х годов XVII века жалованный мастер Оружейной палаты) царю Алексею Михайловичу за 1662 год. «А твоим государевым денежным

Миниатюра из рукописи 1648 года «Житие Антония Сийского»

и хлебным кормовым жалованьем во оклад не поверстан и корму мне не дано; и ныне я бедной разорен, живу на Москве за поруками и в нынешнее время голодною смертью помираю с женишкою и с детишками и обдолжал в конец»[14].

Чаще всего в Москву вызывались иконники из Новгорода, Ярославля, Устюга, Костромы. В совместной работе мастера из разных городов учились не только друг у друга, но и у иностранцев, которые с 1643 года постоянно находились при Оружейной палате. Творческое общение, размышления, а иногда и жаркие споры о влиянии западноевропейского «живства» на русское искусство, о мастерстве художников и их роли в обществе вызвали к жизни и первые эстетические трактаты. Они появились под пером ведущего изографа Оружейной палаты Симона Ушакова и его ученика Иосифа Владимирова в 1667 году. Горячо отстаивая профессионализм художников, их важное место в обществе, авторы трактатов говорили и о высоком назначении иконописи. «...Это памятник прежде жившим свидетелям прошлого, возглашение добродетелей... бессмертная хвала и слава, возбуждение живых к подражанию, воспоминания о прошедших делах»[15].

На всем протяжении истории древнерусского искусства, от XI до XVII века, идея моральной чистоты формировала облик иконописца. Сострадательно-любовное отношение к миру, сопереживание ему делают древнерусского художника притягательной фигурой русской культуры. В Сийском Евангелии 1692 года содержится замечательная «Молитва трудолюбца о совершении книги сея»: «Приими, Христе Боже мой едину малую слезу ока моего... Твоя милостивая десница воздвиже мя в нечаянии лежащего... и рекл еси... Востани и бодрствуй. Повелел еси умершему глаголати и даровал еси слепому ясно свет славы Твоей оглядати»[16]. Как перекликается эта «восторженная молитва русского иконописца» (Ф. И. Буслаев) с пушкинским: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли»... Поистине иконописцы были пророками — пророками совершенства.

ВИКТОРИЯ ГОРШКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подлинник иконописный. Изд. С. Т. Большакова М., 1903. С. 3.
2. Там же. С. 19—20.
3. Цит. по: Чугунов Г. Дионисий. Л., 1979. С. 12.
4. Подлинник иконописный. С. 18.
5. Цит. по: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. СПб., 1910. С. 397.
6. Киево-Печерский Патерик. Репринт. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1991. С. 145—146.
7. Там же.
8. Жизнеописания достопамятных людей Земли Русской. М., 1992. С. 69.
9. Цит. по: Буслаев Ф. И. Исторические очерки... С. 418.
10. Лазарев В. Н. Андрей Рублей и его школа. М., 1966. С. 70.
11. Ровинский Д. А. Обозрение икоиописания в России до конца XVII века. Изд. А. С. Суворина. 1903. С. 50.
12. Там же. С. 54.
. Там же. С. 46—47.
14. Цит. по: Брюсова В. Г. Федор Зубов. М., 1985. С. 191.
15. История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря. Т. IV. М., 1959. С. 45.
16. Цит. по: Буслаев Ф. И. Исторические очерки...

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов М. В. Сокровища русского искусства XI—XVI века. Л., 1971.
2. Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973.
3. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983.

УВИДЕТЬ И НЕ ЗАБЫТЬ...

КАК ЖИВУТ У БЕЛОГО МОРЯ ПОМОРЫ

...Вот для того чтоб увидеть, как берут семгу на Севере, узнать побольше о людях, освоивших или осваивающих эти не всегда заповедные места, и оказалнсь мы в поселке Койда, у директора рыболовецкого колхоза Петра Широкого. Смуглый от долгого полярного солнца, он выщел встретить нас, хотя и был в отпуске.

Август оказался теплым, шторма не ожидалось, как это случилось тем летом. Значит, увидим, как ставят поморы сети свои длинные на берегу в часы отлива, чтоб потом, после прилива, увидеть, что же заиесла вода в куль. Сети стааят надежно, крепят кольями, и к земле снасть крепится намертво, чтоб вода не сбила, не сломала ее, спутав так, что не найти, а найти — не распутать.

Километрах в двадцати есть рыбацкий домик, куда рыбаки свозят свою добычу. Там ее потрошат, там и закладывают в погреба, на лед. Пока рыбаки ищут в море и на берегу свою добычу, а прилив, надо сказать, бывает от 4 до 7—9 метров, родные и дети рыбаков помогают ее обрабатывать. А кого рыба ие волнует, те за короба — и в тундру. В это лето восковая лакомая морошка усыпала землю так щедро, что иные в день зарабатывали по 20—30 тысяч, как раз на рейс в Архангельск. А одна семья перекрыла все рекорды, доказав, что можио заработать полтора миллиона. Они сдали на приемный пункт полторы тонны. Потом эту ягоду сложат в целлофановые мешки, погрузят в вертолет, и полетит она в Архангельск, чтоб оказаться на обеденном столе норвежцев. Дюже ми́луют они красавицу беломорскую. И платят за нее «зелененькими» (для нас — валюта, для иих — грошовое удовольствие). Если ягоду можио собирать, не оглядываясь, то на рыбу существует квота — берегут богатство здесь, чтоб не оскудевало Беломорье своими дарами.

Ходим по поселку, смотрим на старые, удивительные, неповторимые для других регионов дома. Двухэтажные, с крохотными окошками, с пристройками для скота и сеновала. Жизнь заставила строить такие. Дома темные: от времени, долгих соленых ветров, снега и солнца.

Народ здесь особый — доброжелательный, словоохотливый, не молчуны, как казалось издалека. Их интересует жизнь на далеком материке, хотя телевизор и доносит то, что и мы видим.

Темнеет здесь сейчас уже быстро. Ночь врывается без спроса, без стука. Если выйти к берегу, увидишь ие только сети, но и движение воды. Течение реки Койды быстрое, оиа иесется к Белпму морю стремительно, словно от того, как скоро сольется с большой водой, зависит что-то. Пока море ие студеное, можно в него войти, что мы и делаем. Прощаемся с короткой командировкой, вспомииая все, что видели, о чем узнали. Пока это редкий всплеск эмоции: «А помнишь?..»

ГЕОРГИЙ БЕЛЫХ

ФОТОГРАФИИ ВИКТОРА ВАСЕНИНА

АНДРЕЙ ТОПОРКОВ

ВОДА

Жизнь славянина с древнейших времен была связана с водой. Наши предки селились вдоль рек, по которым проходили торговые пути, совершали дальние плавания.

Славяне были известны среди кочевых народов как искусные строители переправ и различных плавучих средств — мелких судов, лодок, плотов, поэтому их охотно привлекали для набегов гунны и другие племена.

Древнерусские язычники, а впоследствии и двоеверцы приносили жертвы воде или у воды, гадали у нее о своем будущем, устраивали святилища на берегах рек, озер, источников и среди болот, водили к воде девушек при совершении свадебного обряда, верили в то, что в реках или у их берегов обитают мифические существа.

К глубокой древности восходит, по-видимому, и обожествление больших рек, с которыми связана ранняя славянская история, — Дуная, Днепра, Дона. Самим рекам или обитающим в них мифическим существам приносили жертвы, в том числе и человеческие.

Считали, что вода как стихия, обладающая особой чистотой, не принимает нечистые предметы и выталкивает их на свою поверхность. На этом основаны ордалии (или суд Божий), против которых восставал в своих проповедях еще Серапион Владимирский (XIII век).

К воде обращались при разного рода гаданиях, причем символическое значение придавалось, по всей вероятности, таким свойствам воды, как ее зеркальность, связь с иным миром, а также с идеей времени, смерти и забвения (вспомним мифопоэтические образы реки времени, реки забвения, реки — дороги в потусторонний мир или границы между миром жизни и смерти).

Языческие истоки имеет и представление о связи воды земной и воды небесной, впоследствии поддержанное Библией, и ритуалы, в которых, совершая действия у земных источников, люди пытались вызвать дождь, то есть воздействовать на небесную влагу. С магией земной и небесной воды связаны многие весенне-летние обряды: купание, обливание и умывание водой, топление чучел, пускание венков, молитвы и жертвоприношения у колодцев и источников.

Славяне, как и большинство других народов, осмысляли воду как всеобщее порождающее начало, мать всего живого, в том числе и самой земли, возникшей некогда со дна мирового океана и окруженной со всех сторон водою. Столь же устойчивый характер имеет и связь воды с женским началом (притом, что дождь может осмысляться и как небесное семя), а также взгляд на любовное удовлетворение как утоление жажды.

С помощью воды, как и с помощью огня, достигалось очищение человека, обновление его материального и духовного естества. Купание осмыслялось язычниками, а позднее и христианами как второе рождение, возвращение к изначальной чистоте. Вода наделялась и целительными свойствами: обливание, опрыскивание, умывание водой с икон, денег и других отмеченных особыми качествами предметов — распространенные приемы народной медицины.

Эта способность очищать от греха, душевной и телесной грязи, а также от болезни сближает осмысление стихий в церковной и народной традиции. Характерно, что в XVI веке, по сообщению С. Герберштейна, среди русских «молитву господню знают весьма немногие; некоторых, свершивших какой-нибудь слишком тяжкий грех, они омывают водой. Именно, в праздник Богоявления они черпают проточной воды и, освятив ее, хранят целый год в храме для очищения и омовения наиболее тяжких прегрешений».

В то же время вода переживается человеком как агрессивная среда, несущая ему удушье и смерть. Это имеет, по-видимому, физиологическую подоплеку. Нырнув под воду, человек попадает в иной мир, таинственный и враждебный по отношению к нему. Все, что он видит вокруг себя, кардинально отличается от того, что он видит обычно: по-иному преломляется свет, окрашена среда, здесь иная растительность и животный мир. Водная среда плотно обнимает тело, делая его невесомым и побуждая двигаться в странном, замедленном ритме. Специфическим отличием стихии воды от стихий огня и земли* является также то, что человек может погрузиться в нее, и едва ли не в каждом опыте сохраняется воспоминание о пребывании под водой. В мифологических воззрениях некоторых народов существует параллелизм между жизнью плода в утробных водах и возникновением мира из вод мирового океана (иногда в форме мирового яйца).

Таким образом, вода, как и огонь, несет в себе и сакральное, и демоническое начала. При определенных условиях она обретает предельную сакральность (освященная, непочатая, «живая» вода в сказках), в других же случаях рассматривается как место обитания мифологических персонажей, воплощает идею смерти и иного мира, враждебного человеку. В былинах и духовных стихах море или река — обычное местопребывание змея или дракона.

Почитание воды продолжалось и после принятия христианства, принимая подчас двоеверные формы: воду (в частности, освященную) использовали при лечении, для различных очистительных действий; совершали требы у рек и колодцев (в том числе и при участии священнослужителей); объясняли чудесные свойства источников рассказами о явленных иконах, строили около них часовни, устанавливали кресты и иконы.

Жертвоприношения воде

Исключительный интерес для характеристики древнеславянских верований представляет свидетельство Прокопия Кесарийского, византийского историка VI века. Он писал о племенах антов и склавинов:

«Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав смерти, жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания».

Поскольку в одном перечислении фигурируют реки, нимфы и какие-то иные божества, можно полагать, что реки и сами по себе были объектами религиозного почитания, а возможно, и воспринимались как человекоподобные существа.

Поклонение водным объектам по целому ряду признаков противопоставлялось у славян культу верховного бога — «создателя» или «изготовителя» молний. Если верховный бог ассоциировался с небом, огнем, верхом и мужским началом, то водные объекты и связанные с ними мифические существа соответственно — с землей, водой, низом и женским началом. Можно предположить, что верховный бог ассоциировался также с ремеслом, культурой и войной, в то время как водные культы воплощали главным образом хтоническое начало, мир смерти и забвения.

О славянских жертвоприношениях рекам рассказывает и Лев Диакон, византийский историк X века. По его сообщению, русские воины, которых он называет скифами, осажденные в крепости Дерестр (современная Силистрия), в 971 году совершили такой языческий обряд:

«И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра».

Из описания Льва Диакона явствует параллелизм и взаимная дополнительность огненной и водной жертвы: воины Святослава сожгли своих мертвецов, а также закололи и, видимо, тоже сожгли множество пленных, мужчин и женщин, что должно было, очевидно, сделать их в ином мире рабами погибших русов.

Водные демоны

Славяне верили в то, что в воде или около нее живут какие-то мифические существа. На это указывает, в частности, славянская вставка в переводе слов Григория Богослова (XI век), посвященная языческим суевериям:

«Ов требу створи на студеньци, дъжда искы от него, забыв, яко бък небесе дъждь даеть; ов не сущим богом жьреть, и бога, створьшаго небо и землю раздражать; ов реку богыню нарицаеть и, зверь, живущь в неи, яко бога нарицая, требу творить. Ов дыю жьреть, а другыи дивии, а ин град чьтеть, ов же дрьн въскрущь на главе покладая, присягу творить...»

Характерна для раннего христианства точка зрения автора вставки. Он признает, что в воде живет бес (то есть зверь в христианской терминологии), но не согласен признать его богом. Интересно и то, что река

* Публикацию о символическом значении земли и огня см. в № 11 и 12 «Родины» за 1993 год.

персонифицируется в женском образе, а живущий в ней «зверь» — в мужском.

Черты этого языческого водного бога, по всей вероятности, впоследствии перешли к водяному из народных быличек и поверий, причем образ мельчал и приобретал демонический характер. Однако и много веков позднее бывали случаи, когда люди молились водному богу, приносили ему жертвы, пили воду и обливались ею в его честь.

В большинстве древнерусских контекстов упыри и берегыни выступают в паре и при этом всегда во множественном числе. Иногда упоминаются 7 или 27 берегынь. Об их связи с природными объектами свидетельствует перечисление: «А друзии веровали огневи, и камению, и рекам, и источником, и берегыням, и в дрова, не токможе преже в поганьстве. Но мнози и ныне то творят». Представления о берегынях отражают ту стадию, когда образ мифологического персонажа еще не дифференцировался окончательно от самого природного объекта или, иначе, персонификация природного объекта еще не дошла до той стадии, на которой формируется представление о самостоятельном мифологическом персонаже.

По мнению О. Н. Трубачева, слово «берегыня» образовано от основы berg и имело первоначально значение «береговая фея, русалка». Если принять такую этимологию, то можно отождествить или во всяком случае сблизить берегынь с теми «нимфами», о которых упоминает Прокопий Кесарийский. Интересно, что в Пудожском уезде еще в XIX веке к берегу и к воде обращались в заговорах как к отцу и матери. Каждый раз, когда набирали из озера воды для лечения больного, произносили такой заговор:

«Бережок батюшка, водушка матушка, царь водяной и царица водяная с малыми детьми, с приходящими гостями, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божию».

Не исключена и прямая связь берегынь с более поздними русалками.

Уничтожение идолов

Уничтожение языческих идолов всегда было нелегким и небезопасным делом, ведь нужно было не только разрушить капища, где они стояли, сжечь или изрубить деревянные статуи, сбросить или утопить каменные, но и наказать, унизить и изгнать вселившихся в них бесов.

Способы уничтожения идолов — сжигание, потопление, рассечение — имели, конечно, не только прагматический, но и символический смысл. Прямая параллель к ним в позднем материале — ритуальное уничтожение обрядовых чучел типа Масленицы или Купалы: их тоже или сжигали, или топили, или же разрывали на части и разбрасывали по земле. За внешним сходством можно, однако, увидеть и различия: изгоняя языческих идолов, их стремились наказать и унизить; обряд же уничтожения чучел связан с сельскохозяйственной магией. По логике мифологического мышления, это должно способствовать плодородию земли, весенне-летнему оживлению и расцвету природы.

Особенно сложный, даже изощренный характер имело изгнание Перуна — верховного языческого бога. Как сообщает «Повесть временных лет», в 988 году князь Владимир, вернувшись из Корсуни, где он принял христианство, повелел уничтожить идолы — одни изрубить, а другие сжечь. Перуна же он приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к ручью, причем 12 мужей все это время колотили его жезлами. Притащив идола к Днепру, его кинули в воду. Владимир приказал своим людям следовать за идолом и отталкивать его от берега, если он где-нибудь к нему пристанет. Так идола «провожали» до днепровских порогов и только за ними пустили плыть по воле волн. Согласно «Повести временных лет», Перуна выбросило ветром на отмель, которая с тех пор и называется отмелью Перуна (Перуня Рень).

Перуна как бога, связанного с оружием и небесным огнем, по мифологической логике нельзя было ни рассечь, ни предать огню — только водной стихии. Нельзя было его и уничтожить — только выпроводить в море, водным путем.

Уже на следующий день киевляне приняли крещение — в той же самой водной стихии, которой накануне предали Перуна.

Мосты

Образ переправы через реку как пути в иной мир широко известен в русском фольклоре, как, впрочем, и в фольклорно-мифологических представлениях многих народов. Быть может, с этой мифологемой связаны и мосты, упоминаемые в древнерусских поучениях против язычества.

В слове «О посте к невежам в понеделок 2-й недели» (рукопись XVI века) «мосты» и «просветы» названы среди пищи, которую оставляли в бане для мертвых в Чистый четверг; согласно тексту поучения, бесы хвалят людей: те «всю нашю вълю творять и угоднаа наша съвръшають... зде же и сыри, зде же масло и яица и добрая плутки и коровах, и велия мосты и просветы велиция, и чаши медвеныя, и пивныя».

«Слово св. Григория Богослова» (рукопись XIV—XV вв.) прямо указывает на то, что мосты делали из теста, причем в одном ряду с мостами стоят и «колодязи» из теста. Быть может, не случайно и то, что непосредственно перед этим говорится о банях для мертвых: «и огневи Сварожицю молятся, и навьмъ мъвь творять, и в тесте мосты делают и колодязе».

Сочетание «мосты и просветы» наводит на мысль о том, что здесь подразумевается какое-то печенье наподобие «лесенок». По этнографическим материалам, такие «лесенки» пекли главным образом на Вознесение, к сорокадневному поминовению и на похоронах в виде продолговатых лепешек или пирогов с налепленными сверху перекладинами, а в некоторых местах ступеньки выдавливали пальцами или вместо перекладин наносили ножом зарубки. В символическом плане «лесенка» осмыслялась как своеобразный мост между небом и землей. Согласно поверьям, на Вознесение Христос забирался по ней на небо, а на поминках по лесенке поднималась на небо душа умершего. В Воронежской губернии во время похорон пекли аршинную лестницу из теста, чтобы душа покойного взобралась по ней на небо.

В то же время соединение в одном перечислении моста и колодца говорит о том, что здесь возможна и связь с девичьими гаданиями, широко известными в XVIII—XX веках. В этих гаданиях мост и вода рассматриваются как символы любви и брака. Гадание заключается в том, что девушка связывает из прутьев или палочек мостик и кладет его себе под подушку. Неудивительно, если девушка и вправду увидит во сне того парня, о котором больше всего думает наяву. Иногда девушки делали из палочек или дров колодец, чтобы напоить из него суженого во сне. Бывало и такое, что мостик устраивали поверх колодца. Вполне вероятно, что в каких-то случаях и мостик, и колодец упоминаются в контексте.

В некоторых других текстах мосты упоминаются в контексте, не связанном с пищей. В «Слове св. Иоанна Златоустого о том, како первое погании веровали в идолы» (рукопись XIV—XV вв.) в одном перечислении даются «мосты, и просветы, и бделникы». Возможно, что имеется в виду обычай делать в память об умершем мостик через канаву или ручей. Кое-где в Белоруссии еще в XIX веке на следующий после поминок день на могиле мужчины ставили крест, а в память о женщине делали «кладку» через какое-нибудь мокрое, топкое место или же перекидывали мостик через канаву или ручей. Для этого валили в лесу сосну, обтесывали ее и везли в нужное место, вырезали на ней дату смерти и серп. Затем участники обряда садились на дерево, пили, закусывали и поминали умершего. Каждый, кто переходил по такому мостику, должен был, увидев знак, помянуть умершего.

Баня и любовная магия

Баня как неосвященное строение, лишенное окон и стоящее близ воды, отдельно от других построек, издавна считалась нечистым местом. Характерно, что, идя мыться, в предбаннике оставляли вместе с одеждой и нательный крестик (обычай отмечен еще в XVII веке).

В то же время в бане совершали разнообразные ритуалы и действия магического характера. Сюда удалялась женщина, почувствовав приближение родов. В этом случае в баню приносили икону и старались не оставлять роженицу одну. Если же нужда заставляла бабу-повитуху отлучиться хотя бы ненадолго, то она ставила, благословясь, в угол старый веник или палку, чтобы те оберегали роженицу.

Согласно древним мифам, в бане мылись не только люди, но и языческие боги. В 1071 году волхвы изложили Яну Вышатичу свою версию происхождения человека; рассказ начинался с того, что «Бог мыться в мовници и вспотивъся, отерся вехтем, и верже с небесе на землю».

В Древней Руси существовал обычай устраивать баню для мертвых, сопровождая ее обильным угощением и гаданиями. В поучениях против язычества постоянно упоминается баня мертвым — «мовь новьям». Говоря об этом обряде, древнерусские проповедники не отрицали того, что ночью в баню действительно кто-то приходил, ел и пил, умывался и вытирался и оставлял следы на пепле, однако приписывали эти действия не покойникам (навьям), а злоумным бесам.

Баню использовали не только при родинах и поминках, но и в свадебном обряде: накануне венчания невеста мылась в бане с подругами, а после свадьбы молодые вместе шли в баню. Хождение невесты в баню сопровождалось молитвами, причитаниями и угощением. В Ветлужском крае невесту после паренья трижды окачивали ключевой водой, принесенной заранее из трех мест, — «чтобы смыть всю девическую шалость», а также оградить невесту от нечистой силы.

«Баенная вода» использовалась и в любовной магии: ее тайком давали выпить будущему мужу, чтобы он сильнее любил свою суженую. Еще в XII веке в канонических «Вопросах Кирика» отмечалось: «А се есть у жен: аже не възлюбять их мужи, от омывають тело свое водою, и ту воду дають мужем».

Связь воды и любовного чувства относится к универсалиям человеческой культуры — так же, как связь любви и огня. Если любовная страсть жжет человека, то вода позволяет утолить любовную жажду и потушить костер страсти. Вода и огонь противопоставляются в любовном заговоре: «...ты предо мной еси лютый огонь, а я пред тобой есть сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою...».

С эротической сферой связано не только питье воды, но и купание и умывание в ней. Например, в Чистый четверг все умывались затем, чтобы быть здоровыми, а девушки, сверх того, — еще и чтобы быть красивыми. В Вологодской губернии девушки рано утром в Великий четверг бежали на хмельник и там умывались, приговаривая: «Как хмель любят добрые люди, так бы и меня любили». Отчетливо выраженную эротическую направленность имело совместное купание девушек и парней в ночь на Ивана Купалу.

Ассоциативная связь воды и женского начала поддерживалась и бытовыми условиями. Дело в том, что носить воду в дом на Руси, как и у многих других народов, было женской обязанностью. Естественно, что колодец или река были удобным местом, чтобы встретиться с девушкой, а при случае и умыкнуть ее у родителей.

В состав свадебного обряда входило множество действий, связанных с колодцем и другими водными источниками. Не исключено даже, что иногда и сам брак заключался возле воды. Во всяком случае о том, что «невест водят к воде», упоминается в целом ряде древнерусских текстов. Например, в грамоте митрополита Кирилла II, излагающей определения Владимирского собора 1274 года, говорится: «И се слышахом: в пределах новгородьскых невесты водять к воде». Отголоски старинных обрядов можно видеть в действиях, совершавшихся в Валдайском уезде еще в начале XX века. Утром после свадьбы молодая шла к речке за водой, бросала в нее монету, чтобы впредь спокойно полоскать в реке белье, и говорила: «Дарю тебя, матушка быстрая река, деньгами, чтобы платье не унесла». Бывало и так, что утром молодая шла к проруби или колодцу; там ее уже поджидали один или два ряженых, они изображали, будто ловят рыбу, и не позволяли молодой набрать воду. «Тогда со стороны молодого бросают в воду выкуп (пояс или ленточку). Молодая выливает воду (с поясом), пояс дарит кому-нибудь из родных мужа». Пояс активно использовался в свадебном обряде и в девичьих гаданиях и много веков позднее.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА,
собкор журнала «Родина» по Уралу и Сибири

«В двенадцать часов по ночам...», или Ожившие мертвецы

...Умер старик — положили его на лавку. Канун по нем остался на ночь читать его зять. Зажег свечу, стал читать нараспев по книге. И ровно в двенадцать ночи послышался шорох... Чтец обмер: ведь покойник был при жизни злой колдун, не мог умереть, маялся, не могли черти его душу вынуть, пока родные колдуна не приподняли на крыше конек. И теперь, после смерти, будет старик мучить живых...

Громче читает молитву зять, на гроб не глядит. Но вот глухой стук башмаков по полу — выскочил из гроба проклятый колдун и пошел, растопырив руки, прямо на зятя.

— Чур меня! Чур меня! — зачурался мужик, и давай ходить с молитвой вкруг стола, а мертвец за ним. Хорошо хоть, глаза отворить не может, старается, тужится, аж зубами скрипит — но веки открыть не в силах. Так и бегает за живым, съесть его хочет. На счастье, петухи запели. Сбрякали опять башмаки — плюхнулся в гроб покойник. А чтеца колотит, зуб на зуб не попадает...

Рассказы о мертвецах, которые подымаются из гроба ровно в двенадцать часов ночи — «В двенадцать часов по ночам...», — широко распространены в фольклоре всех народов Европы, оттуда перешли в литературу (вспомните хотя бы Гоголя). Какая реальность стоит за всемирно распространенной мифологией? Или это всецело плод народной фантазии?

Скажу сразу: я верю в чудеса. И не просто верю, а могу привести множество несомненно чудесных случаев, бывших со мною лично. Однако смущает обилие у нас новоявленных прорицателей, колдунов, вещунов, астрологов и пр. И даже не столько их количество, сколько, так сказать, качество. Они расположились в трансцендентном мире, как у себя дома — в халате, за чашечкой кофе и с сигаретой в зубах...

Скажут: разгул мистицизма переживает весь мир. Да, однако в Западной Европе или Америке гадалки и прорицатели разного толка не находятся в центре общественной жизни, они лишь краска в многообразном ее спектре. Центральное место оккультизм и мистика занимали — я имею в виду не языческие времена, а новейшую историю — лишь в Веймарской республике, перед приходом Гитлера к власти, и в его «тысячелетнем» рейхе. И вот у нас сегодня...

Все-таки мракобесие и вера в чудо суть вещи разные. Наряду с твердой верой в сверхъестественные явления у народа всегда было довольно здравого смысла и умения посмеяться над суевериями...

Приводимые рассказы записаны со слов Марии Николаевны Суслопаровой и даны в небольшой обработке.

Беспокойная покойница

Младшая сестра моей бабушки Евдокия ходила читать над покойниками кануны. Пришла она как-то в одну избу. Дело к ночи. Кто ушел из горницы, кто на печь закатился спать, и она осталась с покойницей одна. Послышался ей шорох из гроба... а там и покрывало белое на покойной зашевелилось. И платок с ее головы поехал! Мурашки поползли по коже у чтицы. Смотреть-то она боится, знай дальше читает, да все громче и громче. Не выдержала, взглянула опять — а платок-то у покойницы уже на лице. Материя-то на ней так и ходит ходуном! Евдокия Николаевна к окну — да вон из избы! А окно-то высоконько было, она ногу себе, прыгая, сломала и закричала: помогите!

Наутро пришли к покойнице, надели на нее платок, как надо, все поправили. Целый день она лежала как следует; на вторую ночь никто не хочет с ней оставаться. Ну, нашлись все же два парня, Степан и Федор, подрядились за хорошую цену, хватили водочки для храбрости. Ну вот, сидят, разговаривают, хвалят покойницу: дескать, хороша была, то да се... Вдруг зашуршало, и платок с головы покойницы поехал — все, как Евдокеюшка рассказывала. Степан сразу вскочил:

— Мне до ветру надо!

— Не-ет, погоди! И я с тобой до ветру!

Только они встали, в это время покрывало съехало прочь с покойницы, и в окно громко застучали. Парни заорали, да и деру из избы!

А это Иван, брат Федора, следил за ними в окошко — стоял на бочке, хотел повыше залезть, да и оборвался. Вышиб лбом окно, грохоту не оберешься!

Федор да Степан бегут по деревне и орут что есть мочи, всех переполошили. А Иван-то решил все-таки посмотреть, что с покойницей будет. Забрался он опять на бочку, заглянул в окно. А там сидит на покойнице... котенок и играет матерьялом. В гроб-то раньше стружку на дно клали, чтобы лежать помягче было. Котенок стружкой и шуршал. Он привык с покойницей при живности ее спать, ночью в гроб и забирался. ...Подождите, история еще не кончилась.

Ну, Иван думает, посмеюсь я над ребятами завтра! Только так сказал сам себе — вдруг кто-то сзади его за штаны хвать! Он с бочки свалился, а его в нос кто-то шершавым языком лизнул, а сам-то урчит! Увидел Иван над собой мохнатую морду и от страха в штаны припустил. И ведь до того напугался, что сознание даже потерял. На счастье, отец подошел с Федором да Степаном, давай парня водой холодной отливать. Тот им про черта толкует, а они собаку огромную лохматую видят...

Вот так один котенок искалечил взрослые жизни. Евдокеюшка-то на всю жизнь хроменькой осталась, и замуж ее взял только вдовец. Федор от страха стал заикаться. Да и Ивану со Степаном не легче. Девки-то свои их тоже обегать стали, жен они взяли из дальних деревень. Тут над ними все смеялись; как умрет кто, так и подтрунивают: «Ну что, пойдете дежурить к покойнику? Только штанов-то побольше надевайте!»

Да, не зря говорят: у страха глаза велики!

Смерть приходила

Идем мы как-то с поля, а навстречу нам Анна Лыжница с косой шагает с покоса в белом халате. Лыжницей ее прозвали в деревне потому, что она была очень длинная, особенно ноги; по метру, бывало, зашагивала. А почему белый халат? Так косарям в белом хорошо — меньше пауты кусают. Ну вот, встретились мы на улице, и она нам говорит:

— Что-то у вас с бабушкой не то. Я к ней хотела зайти по привычке, кваску испить, она же как увидала меня в окно, рукой замахала: «Ты иди к Митровне, я еще не готова!»

Мы поскорее домой. Заходим — сидит наша Кристина Семеновна у окна на лавочке, раздумалась.

— Вот, Пеюшка (это она мать мою так звала), сейчас ко мне смерть моя приходила. И как надо — с косой! Сижу это я, вас поджидаю, да и Анна должна кваску зайти попить, и раздумалась я о смерти. Интересно, куда я после смерти попаду? И какая она — смерть? А она тут как раз и идет, вся в белом и с косой, и говорит: «Ну что, Кристина Семеновна, вот и я пришла!» Тут я, Пеюшка, и напугалась. Говорю ей: «Я еще не готова, иди вон к Митровне!» А сама молиться, молиться. Ушла ведь она — значит, я еще поживу, не буду больше просить смерти, видала ее, какая она, смертушка-то...

Мы переглянулись меж собой, но разубеждать ее не стали. Пусть больше не думает о смерти своей. После этого она еще пять лет прожила, царство ей небесное...

Волки и овцы

В войну Мария была подростком, и сколько пришлось ей хлебнуть горя! Хоть и росла она в тылу, на Урале — и тут пришлось народу солоно: работали в деревне, как и в городе, с двенадцати лет: пахали на быках, возили дрова и сено, ходили за скотом.

Послали раз Машу на опушку за хворостом (совсем как в сказке), а дело было зимой. Набрала она беремя, связала веревочкой и, только собралась домой, слышит: у-у-у! — волки! Стояла она как раз у сосенки и сама не помнит, как вмиг взобралась на самую вершинку, так что та закачалась. И вовремя она взлетела: окружили сосенку огромные волки, и ну скакать да зубами щелкать, только глаза горят! Машенька всех святых поминает, а ручки-то как приросли к сосенке, потом насилу оторвали. Больше часа, видно, она так просидела, закоченела вся, себя от страха не помнит. Ну, все же взрослые спохватились: неладно дело-то, нет девки. Послали старших братьев, те загодя паклю со спичками наготовили, издали еще факелы зажгли; подходя, стали стрелять. Волки разбежались. Насилу-то ее с дерева сняли...

В двенадцать лет испытала смерть совсем близко. Не дай бог быть растерзанной заживо зверями! Ну, на то они волки... А вот раз случай с овцами был...

Шел уж 45-й год, люди приободрились, в клуб стали кино привозить. Как раз тут кино новое привезли. А Маше надо было вечером дежурить на ферме, ее очередь. Надела она свое единственное (как у всех тогда) выходное платье, добрые туфли, чтобы, значит, после работы-то сразу в клуб и побежать, в кино не опоздать. Ну ладно. В овчарне нагребла она, как обычно, шесть огромных ведер отходов, тащит одно ведро внутрь, к овцам, те, понятно, набрасываются на пищу. Тут надо быстренько второе ведро подтащить, там и все остальные.

Кинулась Маша к двери, а та захлопнулась, и замок заело. Трясет его — все напрасно! Пока она дверь дергала, овцы на нее кидаются, повернулась, смотрит — платья ее шелкового сзади как не бывало! Зажевали вмиг, да еще и исподнее с кружевами. Закричала девочка, руками замахала, но овцы и спереди ее платье вмиг сожрали, и ее бы потоптали, наверное, покалечили, да она на решетку забралась повыше и кричит. А одна ведь в корпусе — и сто голодных зверей с ней! Голод делает зверями самых кротких... По счастью, сторож ее крик услыхал, спас.

Могло бы, пожалуй, показаться девочке, как тому парню, который испугался покойницы, что перед нею сам мохнатый дьявол с рогами. Но она и не подумала о потусторонних темных силах. Веря в Бога и молясь, никогда за всю жизнь не боялась Мария козней дьявола. Было дело, приходил к ней покойный муж ее — да она зачурала его, послала подальше и не очень-то взволновалась. Твердо верит она народному присловью: бояться надо не мертвых — бояться надо живых...

Свердловская область

СВЕТЛАНА БАРАНОВА

Рукодельных хитростей изрядные изыскатели

Изразцовые вставки с изображением евангелистов из трех рельефных многоцветных изразцов. Конец XVII в.

Во второй половине XVII столетия центром древнерусского интерьера стала изразцовая печь, а одним из главных элементов декора — изразцовое убранство церквей и колоколен. Более того, многоцветная рельефная керамическая плитка, органично воплотив красоту и богатство, сделала изразцовый декор значимым элементом эстетических представлений человека того времени. Повсеместность использования изразца, если хотите — мода на изразец в это время способствовала возникновению основательного керамического производства в Москве, Ярославле, Балахне, Соликамске, Великом Устюге, Тотьме, Калуге и других городах.

Таким особым отношением изразец был обязан появлению на Руси многоцветия — полихромии, связанной с деятельностью патриарха Никона и привлечением им иностранных, по большей части белорусских, мастеров, жителей областей, входивших в то время в состав Речи Посполитой. Действительно, еще во второй половине XVI века белорусские мастера овладели секретами изготовления многоцветных изразцов, которые в конце XVI — первой половине XVII века достигло своего расцвета. Массовый приток «иноземцев» достаточно подробно прослежен в литературе, а начало производства, налаженного с их помощью, точками отсчета имеет 1654 год — основание изразцовой мастерской Иверского Валдайского монастыря, настоятелем которого был Никон, и 1658-й — начало строительства Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, куда тот же Никон, став патриархом, переводит часть мастеров и набирает новых. И в той и в другой мастерской ядро составляли выходцы из Копыси и Мстиславля — крупнейших центров изразцового дела.

Однако справедливым может быть и замечание исследователей Л. А. Беляева и М. Ф. Фролова о том, что «ни приезд иностранных мастеров, ни заданные мотивы в орнаментации не могут служить основанием для того, чтобы приписать русскую муравленую и полихромную керамику искусству «иноземцев»[1]. Действительно, к тому времени были уже известны многоцветные рельефы Борисоглебского собора в Старице, Успенского собора в Дмитрове, псковские керамиды, тогда как фасады белорусских памятников, за редким исключением, не декорировались изразцами. В производстве же печных полихромных изразцов белорусы опередили многих, с чем не могут не согласиться вышеназванные авторы, отмечая, что на Руси «производство печных изразцов, видимо, отставало от архитектурно-декоративных»[2]. Тем не менее именно с деятельностью белорусских мастеров связывают позволившую придать изразцовому искусству «индустриальный» характер полихромию, основанную на использовании непрозрачных, глухих эмалей — темно-синей, бирюзово-зеленой, белой и желтой, а также известной еще в домонгольской Руси прозрачной глазури, создающей на красных глинах красивый коричневый тон; конструкцию — румпу, отстающую от краев, угловые изразцы и, конечно же, многочисленные детали орнамента.

Рельефный многоцветный изразец из декора Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. Вторая половина XVII в.

Используя такой привычный «багаж» конструктивных, технологических и художественных приемов, белорусские мастера создают в Новом Иерусалиме, как бы неожиданно для себя, не традиционную печную облицовку, а редчайший по сложности и разнообразию изразцовый декор Воскресенского собора, исполненный с «самым добрым мастерством». Композиции наличников, фризы, убранство глав, архитектурные детали, а внутри — единственные в своем роде керамические иконостасы. Современники оценили это мастерство очень высоко. В соборе, где стоит усыпальница патриарха Никона, есть и захоронение мастера изразцового дела Петра Ивановича Заборского, о котором в тексте надгробной плиты сказано: «...всяких рукодельных хитростей изрядный ремесленный изыскатель»[3]. Кстати, именно под его началом в Новом Иерусалиме был выполнен знаменитый изразцовый пояс «павлинье око». А Степан Иванов Полубес, работавший с Заборским, применил позднее эту одну из известнейших изразцовых композиций в московских постройках — церкви Григория Неокесарийского на Большой Полянке, Покровском соборе в Измайлове, Андреевском монастыре и Успенском соборе Иосифо-Волоколамского монастыря.

Строительство грандиозного Воскресенского собора было прервано в 1666 году, когда давно опальный патриарх был сослан, а мастеров перевели в Москву, что вскоре дало прекрасные результаты. Одно только перечисление московских памятников, к сожалению в большинстве не сохранившихся, займет немало места, а сколько еще появилось в приказах и богатых городских домах изразцовых печей!..

Существовали ли многоцветные рельефные изразцы в столице до появления в ней белорусских мастеров? В коллекции музея хранится изразец с церкви Троицы в Никитниках, выстроенной на средства богатейшего купца Григория Никитникова в 1653 году, то есть до переезда белорусов. Однако в убранстве этого храма уже использовалась многоцветная рельефная облицовка. Вероятно, финансовые возможности Никитникова позволяли не только привезти редкие изразцы, которые в то время изготовлялись лишь за пределами России, но и пригласить иноземных мастеров, чтобы привлечь внимание москвичей необычным нарядом храма, располагавшегося рядом с купеческим двором. Изучая московские изразцы, то и дело обнаруживаешь их ближайшие аналоги — многоцветные печные плитки из Мирского замка в Белоруссии, выполненные в конце XVI — первой половине XVII века.

Стояла на углу нынешних Армянского и Б. Златоустенского переулков церковь Николая Чудотворца в Столпах, построенная в 1669 году. Путеводитель по Москве 1917 года как одно из достоинств отмечал ее изразцовое убранство: «...красивые изразцы в карнизе храма»[4]. Известный исследователь С. А. Маслих считал, что «они, по всей вероятности, являются одними из первых изделий, выполненных белорусами уже в столице»[5]. И дело не только в сопоставлении дат переезда и начала строительства — 1666 и 1669 годы. Творческие методы местных и белорусских мастеров только начинают переплетаться, и белорусы, как бы забыв на первых порах про ново-иерусалимский «взлет», осторожничают, привлекая москвичей. Не только многоцветные, но и более привычные муравленые изразцы отнюдь незамысловатых форм: клейма, сложенные из четырех изразцов, хорошо просматривались с высоты здания. Среди изделий с геометрическим и растительным орнаментом выделялись изразцы с изображением геральдического двуглавого орла. Возможно, церковь была одним из первых памятников, в декоре которого использовались изразцы с геральдической тематикой. Двуглавые орлы встречались на лицевых пластинах изразцов, в так называемых «орлистых» печах. Скорее всего, в данном случае изображение орла использовалось как декоративный элемент. Геральдическое же начертание на фасадах имело вполне определенный смысл, и «в декоре архитектурных построек герб выступал в качестве эмблемы государства, т. е. обладал общественным содержанием»[6]. Стоит оговориться, что ряд памятников с «орлистыми» изразцами не был связан с заказом царя и членов его семьи или цар-

ским подарком. Но в дальнейшем, когда в декоре многих известных памятников появились крупные изразцовые композиции с двуглавыми орлами[7], «все они выполнялись по специальным заказам для «государевых» построек»[8]. По-видимому, и в церкви Николы в Столпах, одной из первых столичных построек, украшенных полихромными изразцами, этот мотив не случаен. Ведь существует предположение, что церковь была построена по инициативе Артамона Матвеева, ближайшего из боярского окружения царя Алексея Михайловича Романова.

Дожила церковь Николы в Столпах до 1935 года, погибнув вместе с изразцовым фризом «редкого типа».

Москва, Пречистенка. Церковь Троицы в Зубове. На изразцах, украшавших ее колокольню, изображение Голгофы и надпись: «Царь святой Иисус Христос». До этого времени изразцы с распятием были довольно редки и встречались в уникальном керамическом декоре упоминавшегося Успенского собора в Дмитрове и псковских керамидах. Очевидно, изразцы с таким сюжетом и в XVII веке изготовлялись для убранства храмов и не могли, «конечно, входить в массовые «многотиражные» печные наборы, в силу своей церковной тематики»[9]. Даже в период расцвета фасадной керамики изразцы с изображением креста довольно редки. Из известных построек можно упомянуть немногие: Богоявленская церковь в Соликамске, трапезная церкви Успения в Гончарах в Москве, церковь Рождества на Молоткове в Новгороде, трапезная церковь Иоанна Богослова Вяжищского монастыря.

Каждое время как бы имеет право на своего художника. В изразцовом искусстве во второй половине XVII столетия им стал Степан Иванов Полубес. Оказалось, что известно о нем не так уж мало: родился в Мстиславле, «взят в первую свою службу князем А. Н. Трубецким и привезен к Москве»[10], когда в ходе войны с Польшей 1654—1667 годов из отвоеванных городов было вывезено немало людей. С 1658 по 1666 год Степан Иванов работал в Новом Иерусалиме, а по приезде в Москву подрядился с товарищами «к тому церковному строенью церкви Григория Неокесарийского зделать две тысечи обрасцов разных поясовых ценинных, в длину осми вершков и больши и меньши, а поперег семи вершков... а дать им от ста обрасцов по десяти рублев...»[11]. Степану Иванову Полубесу приписывают многое, связывая с ним все оригинальное, новаторское. Нетрадиционна и композиция из четырех фигур евангелистов в полный рост, украшавших, что тоже было необычно, не интерьеры, а стены храмов снаружи. Уникальные «портреты» вносили особый смысл в становившийся привычным изразцовый декор. Цветы, плоды, птицы, розетки, орнаментальные мотивы, даже, казалось бы, более уместные символы — кресты и херувимы — не могли соперничать в особом содержании, которое вносили фигуры евангелистов, доводя активность декора до кульминации. Хранящиеся в коломенской коллекции изделия попали к нам из Центральных государственных реставрационных мастерских, куда они были привезены в 1930 году из Данилова монастыря.

Печь, облицованная рельефными многоцветными изразцами из Болдинского монастыря под Дорогобужем. Середина XVII века.

Изразцовые вставки изготовлены с помощью трех форм, причем верхние с ликами были индивидуальны, а средние и нижние у всех фигур имели одну форму. Композиция, «протиражированная» в нескольких комплектах, полностью представлена в собрании музея. Из дошедших до наших дней храмов ни один не имеет полного набора. Барабан главки придела церкви Успения в Гончарах украшают три фигуры евангелистов — Матфея, Марка и Луки. В Солотчинском монастыре под Рязанью представлены четыре, но евангелист Иоанн повторяется дважды.

Уникальные изделия — свидетельство особой значимости изразцового декора, который к концу XVII столетия занимал все более важное место, создавая своеобразные «изразцовые декорации». Уже в начале следующего века изразцы ушли из наружного убранства зданий, и подобный взлет в истории русского изразцового искусства больше не повторился.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фролов М. В., Беляев Л. А. Изразцовая печь белорусских мастеров из усадьбы Коломенское//В кн.: Архитектурное наследие и реставрация. М., 1988. С. 219.
2. Там же.
3. Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV—XIX веков. М., 1983. С. 19.
4. По Москве. М., 1917. С. 82.
5. Маслих С. А. Указ. соч.С. 19.
6. Выголов В. П. Монументально-декоративная керамика Новгорода конца XVII века. Изразцы Вяжищского монастыря// Древнерусское искусство. М., 1968. С. 257.
7. Анализ этих памятников приводится в отчете Управления по проектированию «Моспроект-2» Мастерской 13, Памятник архитектуры XVII—XIX вв. Ансамбль Андреевского монастыря. Архитектор — автор Шитова Л. А. 1987 г.
8. Выголов В. П. Указ. соч. С. 258.
9. Там же. С. 259.
10. Фролов М. В. Мастера-изразечники Москвы XVII — начала XVIII в. М., 1991. С. 39.
11. Там же. С. 40.

ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

ДИКИЙ МЕД

Старинный промысел меда — бортничество — в Башкирии живо поныне.

Нас трое. На трех лошадях. Путь не дальний, но и не близкий — километров за восемнадцать от деревни Максютово по реке Белой. Понятие «медвежий угол» для этих мест характерно не только в образном смысле — конный след по росной траве пересекают медвежьи следы. Лошади мнутся, поводят ушами, но люди спокойны, хотя ружьишко на всякий случай висит у Заки за плечами.

У нас, троих, и у медведя, которого мы не видим, но который нас может видеть, цель одинакова: добыть дикий мед из дупел, скрытых в первобытных здешних лесах. Конкуренция давняя, тысячелетняя. Название «медведь» дано человеком лесному зверю за постоянный интерес к меду — «мед ведает».

В большинстве мест медведи исчезли вместе с дикими пчелами. В других (крайне холодных местах) пчелы не водятся и мед медведям неведом. Но есть еще уголок, где сохранились дикие пчелы, сохранились медведи и сохранились люди, ведущие промысел меда.

Вот они передо мной покачиваются в седлах, последние из могикан-бортников. К седлу у Заки приторочен топор, дымарь, снаряжение для лазания по деревьям, два чиляка — долбленки из липы для меда. Все аккуратно подогнано, всему свое место, и только изредка при подъемах и спусках ритмично, в такт ходу лошади стукает деревяшка о деревяшку.

Вот наконец перед нами первое бортное дерево — большая сосна, стоящая у ручья над джунглями дудника и малины. Заки обращает мое внимание на клеймо — «тамгу». Заплывший, топором рубленный знак говорит о том, что дерево принадлежит бортникам деревни Максютово, а специальное добавление к знаку — свидетельство: владеет бортью Закий Мустафьин.

Фотографии автора

На длинной привязи лошади пущены в стороне попастись. А мы приступаем к ревизии борти. Заки проверяет свой инвентарь и, обхватив сосну длинным ремнем *кирамом*, подымается по стволу. Носками ног Заки безошибочно и быстро находит в сосне идущие вверху зарубки, а продолжением рук служит ему плетеный ремень. Взмах — и обнявший сосну кирам взлетает выше, еще один взмах, еще... Об этом дольше рассказывать — Заки уже у цели, на высоте примерно двенадцати метров! Петлю он замыкает узлом — ременный круг выше пояса подвижно соединяет его с сосной. Еще одна операция — укрепить на сосне приступку для ног. Цирковая работа! Справа, огибая ствол дерева, надо кинуть веревку и поймать ее слева. С третьего раза этот трюк Заки удается. Знак рукою напарнику — и на транспортной, от пояса свисающей веревке вверх иоплыли дымарь, топор и сетка для головы. Все это сделано в три минуты, не больше. Теперь Заки надевает на голову сетку, быстро вскрывает борть, с веселым приговором «Предупреждаю...» пускает в дупло пахучее облачко дыма.

Пчелы, уже готовые зимовать, очень свирепы. Но для существ, живущих по законам инстинкта, дым означает лесной пожар — надо без промедления спасаться. Это знали еще пещерные люди, подымаясь к пчелиным дуплам с пучками горящего мха. Теперь же в руках у Заки жестяной дымарь...

— План выполнили. А сверху плана ничего нету! — кричит он с дерева.

Это значит, что пчелы заготовили меда без большого запаса, килограммов десять-двенадцать. Меда хватит лишь самим на зимовку. Такие запасы бортник трогать не должен. Заки приводит в порядок все входы в борть, приводит в готовность «автоматику» против медведей и спускается вниз.

И вот все снаряжение в походном состоянии. Три низкорослые лошаденки снова несут нас по дикому горному разнотравью. Заки все борти свои (их сорок) знает так же хорошо, как семерых детей своих.

— Вот тут пчелки с нами, пожалуй, поделятся, — говорит он гадательно возле третьей по счету сосны с фамильным клеймом.

Опять почти цирковые приемы влезания к борти. Дымарь в руке, неизменная шутка «Предупреждаю!..» и голос: «Давай чиляк!» Напарник Заки, Сагит Галин, быстро цепляет к висящей веревке липовую долбленку, и я вижу в бинокль подробности изымания меда из борти. Деревянным ножом Заки ловко срезает висящие языки сотов и кладет их в чиляк. Движения ловкие, точные. Время от времени от хозяев дупла надо обороняться дымом, надо мокрой тряпицей, висящей у пояса, вытирать руки.

За день мы успеваем проверить шесть бортей и возвращаемся уже в сумерках. Четыре чиляка, полные меда, по два за седлами у Заки и Сагита, мерно качаются над дорогой.

В гриве своей спокойной кобылы я замечаю пчелу. Раздраженная, видимо, запахом пота, пчела ужалила лошадь, и это ей стоило жизни — хрупкое, уже засохшее на ветру тельце.

Добыча меда и воска — древнейший человеческий промысел. Можно представить одетого в шкуры далекого нашего предка, на равных началах с медведем искавшего в лесах желанные дупла. В отличие от медведя человек понял, что увеличит шансы добытчика, если будет выдалбливать дупла борти в деревьях, — охотник за медом сделал полшага к занятию пчеловодством.

Бортничество в богатой лесами Руси было делом повсеместно распространенным. Главной сладостью до появления сахара у человека был мед. Свет до появления стеарина, керосина и электричества давали лучина и восковая свеча. Мед и воск Древняя Русь потребляла сама в огромных количествах. Мед и воск наравне с мехами служили главным предметом экспорта из Руси. «Бортные урожаи» особо были богаты в лесах Приднепровья, Десны, пограничных со степью лесах по Оке, по Воронежу, Сосне, Битюгу, Усманке.

С приходом в леса дровосека бортник вынужден был, спасая дупла, вырезать куски вековых сосен и вешать дуплянки в спокойных местах. Отсюда был один шаг уже и до пасек — дуплянки свозились поближе к жилью либо в особо благоприятные уголки леса. Пчелы были теперь под присмотром — медведю и лихоимцу уже не просто было ограбить дупло. Но скученность пчел порождала у них воровство и болезни, сильно сузила площади медосбора. При этом колода на пасеке оставалась по-прежнему диким дуплом — вмешаться в пчелиную жизнь было никак невозможно. Изымая мед из дуплянок, человек разрушал соты, пчелиные семьи при этом гибли.

Нынешний рамочный улей появился в 1814 году. Это было великое изобретение «великого пасечника» Петра Ивановича Прокоповича. (В селе Пальчики на Черниговщине Прокоповичу поставлен памятник.) Рамочный улей позволил проникнуть в тайны пчелиной жизни, позволил оказывать пчелам помощь (временами они в ней нуждаются). Резко увеличивая продуктивность пасек, улей повсеместно и быстро стал вытеснять дуплянки. Пчеловодство сегодня — это царство ульев.

Улей, совершенствуясь непрерывно, в принципе оставался таким же, каким был предложен Прокоповичем. Но от борти, «вписанной» в первобытную жизнь леса, улей отличается так же, как первобытная охота от современного животноводства. И потому не чудо ли нынче встретить в лесу охотника за диким медом?! Такого же охотника, каким был он тысячи лет назад.

Почему древнейший человеческий промысел сохранился в Баш-

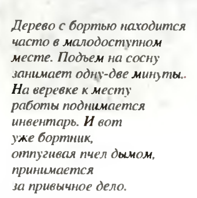
Снаряжение бортника — топор, тесло, веревки и, непременно, дымарь. Мед он возит в деревянной посуде. Транспортом служит ему лошадка.

кирии и нигде больше? Этому есть причины. Одна из них — особые природные условия, обилие липовых и кленовых лесов — источника массовых медосборов. Вторая — башкирские леса до недавних времен оставались нетронутыми. Местное население земли не пахало, занимаясь лишь кочевым скотоводством, охотой и сбором меда. Лес для башкира был убежищем и кормильцем, а пчелы в нем — едва ли не главными спутниками жизни. Полагают даже, что слово «башкир» («башкурт», «баш» — голова, «курт» — пчела) следует понимать как «башковитый пчеловод». Таковым башкир и являлся всегда.

Во многих исторических документах и в записях землепроходцев рядом со словом «башкир» непременно находишь слово «пчела». «А кормит их мед, зверь и рыба, а пашню не имеют» («Книга Большому чертежу», 1672 год). «Едва ли сыщется такой народ, который бы мог их превзойти в пчелиных промыслах... Редко можно было тут видеть такую сосну, около которой бы не жужжали толпы медоносных пчел. Были башкиры, у которых тысячи по две бортей». То есть по две тысячи дупел, разбросанных там и сям по лесам. Разбросанность обеспечивала максимальные медосборы и, конечно, сохранность лесного богатства — при набегах такую «пасеку» не ограбишь. Что касается сородичей, то строгие племенные законы повсюду остерегали покуситься на борть, помеченную «тамгой» соседа. (На Руси разорение борти каралось штрафом в «четыре лошади и шесть коров», а в Литве — смертной казнью.)

Бортное дерево для башкира было мерилом всех ценностей. Оно кормило несколько поколений людей, переходя от отца к сыну, от деда к внуку. За бортное дерево можно было выменять ценной породы лошадь, бортное дерево было лучшим подарком другу. «Счастливые борти» (дупла, где пчелы селились охотно), как корабли, имели названия. Стоят и поныне в лесах понад Белой борти «Бакый», «Баскура», «Айгыр каскан», выдолбленные еще в прошлом веке.

Каждая борть в урожайный год давала до пуда ценнейшего меда.



Дерево с бортью находится часто в малодоступном месте. Подъем на сосну занимает одну-две минуты. На веревке к месту работы поднимается инвентарь. И вот уже бортник, отпугивая пчел дымом, принимается за привычное дело.

Мед был «валютой» башкирского края. Зимой охотник промышлял в лесу зверя, летом — промышлял мед.

Массовая распашка земель и сведение лесов в Башкирии начались поздно (сто с небольшим лет назад). И это продлило сохранность давнего промысла. Но бурная перестройка векового уклада жизни коснулась и старинного пчеловодства. Лишь с запозданием, но почти всюду охотник за медом превращался в пасечника, собирая сначала в единое место колоды и меняя их постепенно на ульи.

И все же остался в Башкирии островок древнейшего промысла. В глухих поныне, почти бездорожных отрогах Уральских гор леса сохранились нетронутыми. Сохранилась и черная лесная пчела, жизнеспособная, трудолюбивая, выносливая. В 1958 году природная зона обитания пчелы была объявлена заповедной. Бортничество стало и поощряться, и изучаться. В заповеднике работают лесники-бортники. Есть по здешним глухим деревням еще и любители древнего промысла. Дома у них — пасеки, но три раза в год — зимой, весной и под самую осень — седлают они лошадей и только им известными тропами направляются в лес.

Во дворе у Заки листаем пожелтевшую книгу прошлого века о башкирах и бортничестве. Сравниваем инструменты и снаряжение, какими мог пользоваться прадед Заки, и нынешние. Все — ремешки, деревяшки, железки — одинаково по конструкции и названию. От современной жизни для бортного дела Заки приспособил лишь кеды, в них по деревьям лазать удобней, чем в шерстяных носках.

Строительство борти начинается с поиска подходящего дерева. В старой книге написано: «Увидев хорошую сосну, башкир немедленно вырезает на ней «тамгу» — это сосна моя». Так же поступит бортник сегодня.

Сосна должна быть достаточно толстой (около метра диаметром). Очень желательна близко вода, очень важно, есть ли вблизи поляна с лесным разнотравьем и каков рядом лес. Есть и еще какие-то тонкости, известные разве что пчелам, ибо заселяют они лишь треть приготовленных бортей, упорно предпочитая одни («счастливые») и оставляя другие осам и паукам.

Долбится борть на высоте от шести до двенадцати метров. Сначала бортник вырезает в дереве неширокую щель и потом уже специальными инструментами выбирает дупло высотою около метра, довольно просторное, но не грозящее дереву переломом. Внутренность борти тщательно зачищается круглым стружком и специальным хороших размеров рашпилем с рукояткою как у лопаты. Леток для пчелы прорубается сбоку, а щель закрывают деревянной заслонкой, подгоняют ее со всей тщательностью — в дуплах пчелы переносят суровую зиму.

После этого борть оставляют сушиться. И только через два года ее можно готовить к заселению пчелами. Подготовка эта, как я мог понять со слов увлеченного делом Заки, похожа на подготовку к очень серьезной рыбалке. Тут нет несущественных мелочей. Бортник в этот момент не работает — священнодействует! Лошадь привяжет он в стороне от сосны, чтобы не было запаха пота. Одежда тоже не должна иметь пугающих запахов. («Коровьего масла в это время не ем».) Очистив борть от всего, что могло появиться за время сушки, Заки натирает ее изнутри ольховыми или осиновыми листьями. Ставит внутри из жердочек крестовину — опору для сот и клено-

Венец трудов — кипящий самовар и чиляк с драгоценным продуктом.

выми шпильками укрепляет «приманку» — полоски вощины или сухие соты. Оформив как надо леток, он тщательно закрывает заслонкой большую щель, для утепления накрывает заслонку «матрацем», похожим на банный веник, и заслоняет сверху еще горбылем. «Борть должна быть теплой, сухой, но иметь хорошую вентиляцию». Все это пчелы оценят сразу, как только борть обнаружат. Принудить их к выбору бортник не может. Его дело теперь — ожидание.

Роение пчел в Бурзянских лесах начинается в жарком июне. Семья с молодой маткой остается в дупле. А старая с роем взмывает над лесом и в поисках нужного ей жилья может лететь до пятнадцати километров. Высокие бортные сосны сверху очень заметны, и пчелы-разведчики не упускают возможности обследовать все, что увидят.

Профессия бортника нелегка, требует смелости, ловкости, острого глаза, хороших знаний природы, силы и страсти, сходной со страстью охотника. Заки это все в себе сочетает.

В середине лета, объезжая участок, бортник с волнением приближается к «новостройкам». И сердце его счастливо бьется, если сверху он слышит приглушенный пчелиный гул. В июле главный взяток — с цветущей липы. Работая по семнадцать часов в день, дикие пчелы за сезон могут припасти в борти до двенадцати килограммов меда.

О том, что в борти кипит работа, известно становится не только тому, кто оставил клеймо на сосне. Свои клейма когтистой лапой ставит на дереве и медведь. Чутким ухом косматый любитель меда нередко ранее человека берет на контроль пчелиную семью. Конкурентами бортника бывают и муравьи, способные (окажись поблизости муравейник) понемногу, но неустанно «чистить» борть. Среди любителей меда числятся также куница и дятел. За долгие времена эта пара приспособилась действовать сообща. Дятел настойчиво долбит доску над щелью, но пасует, обнаружив под верхней крышкой утепляющий «веник». За работу теперь берется куница, перегрызая мелкие ветки, а далее снова дело за дятлом.

Вскрывая перед осенью борть, сборщик меда видит в дупле висящие языки сотов — мед и воск. Того и другого пчела запасает с излишком, зная, что капризы погоды могут сделать следующее лето неурожайным. Этот излишек бортник и забирает.

Борть служит обычно долго, так долго, как может стоять сосна, часто больше ста лет. Примерно раз в десять лет борть очищается, сушится и, как после постройки, стоит в ожидании новых поселенцев.

Поселяются пчелы также в естественных дуплах. Наибольшая радость обнаружить в угодьях такое дупло. Бортник его не коснется и будет беречь пуще глаза, ибо хорошо знает: ничем не нарушенный ход дикой жизни лучше всего сохраняет жизнеспособность пчелы. Дикие дупла — это рассадники бортевых пчел. (В старинной книге читаем: «Заселенная борть стоит рубль, семья-дичок — шесть рублей».)

Качество меда в диком дупле и в борти вряд ли разнится. Но мед, привезенный из леса и полученный около дома, Заки различает: «Я сразу скажу: это — пасеки, а это — из борти. Мед из улья мы спешим откачать, а в борти мед вызревает...»

Наш разговор неизбежно касается также и тех, кто должен сменить стариков. Тут Заки долго мнет в пальцах шарик из воска и кивает на сына, с молчаливой улыбкой сидящего рядом.

О многом в древней жизни людей мы судим по «черепкам», раскапывая в земле и в книгах свидетельства о былом. Островок же бортничества в Башкирии — не черепок былого, не полустертая надпись на камне о древнейшем из промыслов — живое дело, дошедшее из глубин времени! Целый, без трещин сосуд народного опыта и вековой мудрости! Бурзянский девственный лес — единственное в стране место, где под гул высоко пролетающих самолетов человек вершит старинное дело так же, как вершил его предок еще при жизни мамонтов. Всеми доступными средствами промысел надо поддерживать. И не сделать при этом ошибки.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ОРДЕНА И ЗВЕЗДЫ БЕРГАМАСКО

Карл Иванович Бергамаско — одна из самых интересных фигур в истории русской фотографии второй половины XIX века. В 1848 году восемнадцатилетним юношей он приехал в Петербург из Сардинии. Итальянцами Северная Пальмира была освоена давно: здесь работали архитекторы, художники, оперные певцы... Бергамаско вначале подался в драму — стал хористом петербургской французской драматической труппы, игравшей на сцене Михайловского театра. На исходе своей десятилетней службы получил звание актера с правом печатать свое имя (не фамилию!) на афише. В 1854 году женился на дочери полкового лекаря Марии Стефанович. Четыре года спустя подал прошение об увольнении. Теперь он мог полностью отдаться своему любимому делу!

Приезд Бергамаско в Петербург совпал с первыми опытами русской фотографии, с ее внедрением в городской быт. Предприимчивый Бергамаско уже в 1850 году открывает свое «дагерротипное заведение» неподалеку от петербургского Большого театра. Позже переезжает на Большую Итальянскую, что ведет к Михайловскому театру. В период расцвета ателье Бергамаско находилось на Невском, 12. В выборе помещения Бергамаско сознательно делал упор на театр. Он его знал изнутри, чувствовал, а главное — любил и уважал.

Вскоре Бергамаско стал самым популярным фотографом среди актеров. Немногие из фотографов умели тогда без помощи ретуши делать свои модели столь привлекательными. Бергамаско искренне считал, что каждый человек, а тем более актер, прекрасен. Если у дамы длинный нос, смотрите, какая у нее тонкая талия, а у этой, со стертым лицом, какие божественные ножки. У месье коротковатые ноги? Не беда! Если вы оседлаете стул, будет видно, как вы элегантны. Бергамаско очень скоро выработал свой почерк, свою неповторимую манеру — мягкую, деликатную. Быстро отошел от фронтальных пластических композиций, умело работал со светом, аксессуарами. Одним из первых стал выстраивать мизансцены в павильонах.

Фотографическое наследие Бергамаско огромно. Он запечатлел ведущих солистов оперы и балета, артистов драмы и миманса, композиторов и балетмейстеров, кордебалет и драматургов, заезжих звезд и служащих конторы императорских театров. Его охотно приглашали на съемки коронованные особы России, Англии, Италии. В 1880-х годах Бергамаско осуществил грандиозную съемку особ русского императорского дома и русской аристократии в исторических и театральных костюмах. Его слава быстро перешагнула границы России. В 1865-м знаменитый фо-

тограф С. Левицкий писал в своем обозрении Международной выставки фотографии в Берлине: «Лучшие карточки, по моему мнению, были выставлены в рамках петербургского фотографа Бергамаско — перед ними всегда стояла толпа». На этой выставке Бергамаско получил золотую медаль. В 1880-е годы фотограф был уже обладателем престижных наград, полученных на международных выставках в США, Германии, Франции. За свои труды фотомастер был награжден и русскими орденами: Станислава и Анны 3-й степени, а также итальянским орденом Командора и персидской звездой Льва и Солнца.

Бергамаско скончался в Петербурге 66-ти лет от роду. Вдова его, Мария Павловна, похоронила Карла Ивановича на Смоленском католическом кладбище, в могиле своей матери Шарлотты Стефанович. В книгах по истории русской фотографии имя Бергамаско упоминается не часто и как-то вскользь. Эта публикация — цветы запоздалые от благодарных и восхищенных потомков. Оставаясь до конца жизни итальянским подданным, Бергамаско тем не менее был настоящим петербургским фотографом, хорошо усвоившим его элегантный, сдержанный стиль европейской столицы и его лиризм, неброскую внутреннюю жизнь.

ЭЙБА НОРКУТЕ

Ника

СИНЕМАТОГРАФИЙСКАЯ

Общественность знает, что крестным отцом Ники является Юлий Гусман, так что не будем выяснять, кому именно пришла идея: Гусману ли (будущему художественному руководителю Академии кинематографических искусств) или Виктору Мережко (будущему ее президенту): рассказывавший мне все это Борис Муромский (в ту пору — будущий генеральный директор корпорации) выяснять инициатора не стал. Потому что главное ясно и так: ЗАЧЕМ понадобилась Ника.

Она понадобилась как защитница отечественного кино. В пику его тогдашним ослабевшим патронам.

Были же и до того всяческие премии. Государственные, а прежде Сталинские и Ленинские; то был чистый официоз. Премии зрительские, по конкурсу журнала «Экран», а прежде «Советский экран» — если не чистый популизм, то все-таки «голос масс». Наконец, премии международные, фестивальные — «голос планеты».

Хотелось, чтобы зазвучал голос отечества. И чтобы это был голос мастеров. И не звучал официозно. Чтобы была премия русских профессионалов кино.

Учредили. Разумеется, перед глазами маячил американский Оскар с его двадцатью позициями. До таких параметров не дотянули: удовлетворились четырнадцатью.

По жанрам: игровой, документальный, научно-популярный, мультипликационный (теперь говорят: анимационный). По профессиям: режиссер, сценарист, оператор, художник, композитор, звукооператор, костюмер (теперь говорят: художник по костюмам). У актеров — отдельная градация: мужская роль, женская роль, роль второго плана. Четырнадцать рубрик.

Плюс пятнадцатая, особая: «Честь и достоинство». За вклад в киноискусство. Раньше говорили: honoris causa.

Не перечисляя всех лауреатов последнего года (впрочем, вот несколько имен, не нуждающихся в рекомендациях: Никита Михалков, Рустам Ибрагимбеков, Вадим Юсов, Татьяна Васильева, Елена Яковлева, — читатель-зритель легко вычислит и фильмы: «Урга», «Прорва», «Анкор, еще анкор!»), назову, однако, всех кавалеров «Чести и достоинства» за все шесть лет существования Ники: Юлий Райзман, Леонид Трауберг, Евгений Габрилович, Николай Крючков, Малик Каюмов, Иосиф Хейфиц. Живая история кино.

Кроме церемонии, есть еще и сами премии. И процедура отбора, стоящая денег.

Правда, многое делается на общественных началах, то есть на старом добром энтузиазме: штат «гендирекции» невелик. Однако мороки много: тут и номинация претендентов силами гильдии творческих секций Союзов, и мнения кинокомпаний, в номинации участвующих. Когда набирается преизрядная «корзина» имен и названий, начинается рассылка соответствующих списков по трем тысячам адресов: всем членам Союза кинематографистов (тогда он еще был): выберите лучших!

И что, все откликались? Нет, не все: треть. Но и это огромный массив: ответы обсчитывали на компьютерах. Сейчас вернулись к «конторским счетам». Почему? А теперь вместо трех с лишним тысяч «членов Союза», сидящих по домам и получающих анкеты по почте (сам получал и откладывал, а потом «терял», потому что не хотелось голосовать вслепую: мало что видел), теперь голосуют две сотни членов Академии (точное название: Российская Академия кинематографических искусств). Голосование — отнюдь не вслепую: Академия устраивает что-то вроде фестиваля: целый месяц фильмы идут в Доме кино; академики смотрят и потому знают, за кого и за что подают голоса.

Стало быть, сначала придумали премию, а потом выстроили вокруг нее академию.

В Америке было наоборот: там в 1927-м организовали Киноакадемию, а с 1929-го она стала присуждать Оскары. У нас — по-русски... но ничего, мудрец сказал: если вы строите замки в воздухе, там им и место, не забудьте подвести под них фундамент.

Или, если продолжить воздушные аналогии, премия сработала как вытяжной парашют.

Впрочем, каждый, кто держал в руках или хотя бы видел эту самую Нику, подумает, что она тяжеловата для парашютного дела, хоть и крылата. Бронзовая дама на изрядном постаменте — ее бы бойцам ледовой дружины вручать. А тут получает Нику хрупкая Наталья Негода, она же Маленькая Вера... но не буду пересказывать фольклор, связанный с ЦЕРЕМОНИЯМИ ВРУЧЕНИЯ, на эту тему наши газеты и так уже изощряются: какие там юбки, разрезы и ножки. Все костюмерные рекорды побил Геннадий Хазанов, вышедший вручать Нику в полосатой робе каторжника.

Сама Ника с каторгой, лагерно говоря, не кантуется. У нее ж крылья! Кажется, крылья были непременным атрибутом едва брезжившего образа: один из экспертов при выборе имени еще не рожденной богини предлагал назвать ее «Крылья Советов». Мудрые авгуры предпочли имя «Ника». Но не думайте, что это Ника Самофракийская (хотя, конечно же, победный отблеск той лежит и на этой). Наша Ника — сокращенное «Вероника», героиня великого советского фильма «Летят журавли».

Церемонии церемониями, а речь-то — о Чести и Достоинстве отечественного кино.

Л.А.

Наш новый адрес: *103132, Москва, Старая площадь, д. 4.*

Сдано в набор 19.11.93. Подписано к печати 19.01.94. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90000 экз. Заказ № 1206 Цена в розницу — договорная, по подписке 100 руб.
Адрес редакции: 121877. Москва. проспект Новый Арбат. д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.

Ника

Вернемся к истории Ники.
Когда ее учреждали,
Советская власть еще дышала:
часть средств пришла из ее бюджета.
Но история продолжила течение свое:
Союзы распались (включая
Союз кинематографистов СССР).
Пришлось искать живые деньги.
На визитной карточке Ники
появились адреса меценатов.
Сегодня там значатся

СПОНСОРЫ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ